

HEINRICH GERLACH

МВД СССР
№ 4-П
22-П
Е. 422

ПРОРЫВ
ПОД
СТАЛИНГРАДОМ

ГЕНРИХ
ГЕРЛАХ

ПОД
СТАЛИНГРАДОМ

РОМАН

CoRpus

bei Durchbruch
Stalingrad

КНИГА, ПРОБЫВШАЯ В ПЛЕНУ 70 ЛЕТ

Генрих Герлах
Прорыв под Сталинградом

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Герлах Г.

Прорыв под Сталинградом / Г. Герлах — «Издательство АСТ»,
2016

ISBN 978-5-17-102323-2

Художественное свидетельство гибели 6-й армии вермахта, впечатляющий рассказ о буднях и ужасах войны, полный событий, ярких образов и диалогов, но прежде всего – это роман о прорыве моральном, об осознании немецкими офицерами масштаба преступления, в котором они участвуют, и катастрофы, к которой ведет Германию Гитлер. Участник Сталинградской битвы Генрих Герлах (1908–1991) написал роман по горячим следам в советском плену. В Приложении – захватывающая история рукописи и ее издания. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-102323-2

© Герлах Г., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	48
Часть вторая	60
Глава 1	60
Глава 2	76
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Генрих Герлах

Прорыв под Сталинградом

Mortuis et vivis

Мертвым и живым

1944

HEINRICH GERLACH
DURCHBRUCH BEI STALINGRAD

Приложение и документальное сопровождение Карстена Ганзеля

First published in the German language as „Durchbruch bei Stalingrad“ by Heinrich Gerlach

Edited, with a postface and a documentary by Carsten Gansel

Published by Verlag Galiani Berlin

© 2016, Verlag Kiepenheuer & Witsch, Cologne / Germany

© Т. Зборовская, перевод на русский язык, 2023 (Часть первая, Часть вторая)

© А. Кацура, перевод на русский язык, 2023 (Часть третья, Приложение)

© ООО “Издательство АСТ”, 2023

Издательство CORPUS®

Часть первая Зарница

Глава 1 Домой, в рейх?

Зима выслала своих разведчиков в волгодонскую степь. Числа шестого непривычные для начала ноября теплые погоды сменились бесснежными заморозками, превратившими грязь бесконечной распутицы в асфальт. По долгожданной тверди бодро тарахтел маленький серый “фольксваген”. Ехал он с юга, со стороны обширной низины, где окопались немецкие штабы и обозы, и направлялся в сторону станции Котлубань. Шофер, укутанный по-зимнему, как капуста, и кажущий наружу только красный нос-картошку да хитрющие глазки, дал своему железному коньку разогнаться вволю. Порой он даже отпускал руль, хоть заиндевшее стекло и мешало обзору, чтобы, наскоро стянув брезентовые рукавицы, растереть заочиненные пальцы. Кто в мирные времена гонял по стране шести-восьмитонные махины, с таким птенчиком мог позволить себе некоторые вольности.

Офицера на пассажирском сиденье тоже пробирало до костей, несмотря на утепленную шинель и пару одеял. Он попеременно стучал одной ногой об другую, барабанил по полу или по железной стенке кузова.

– До чего холодно, просто бесстыдство! – бормотал он сквозь стиснутые зубы, не выпуская изо рта сигары. – Так и насмерть замерзнуть можно в этой жестянке!

– Это все потому, что мотор сзади, господин обер-лейтенант, – подал голос из-под обмоток шофер. – Гражданская версия получше. Там подогрев от выхлопа.

– Не очень-то вы меня утешили, дорогой, – усмехнулся офицер. – Вот, возьмите-ка и себе носогрейку! Ее выхлопом тоже пренебрегать не стоит. – Выудив из глубины одежек сигару, обер-лейтенант сунул ее шоферу в подшлемник. – К тому же не хочу показаться неблагодарным. Не знаю, как бы я без помощи этой услужливой колымаги пробирался по украинским болотам и калмыцкой пустыне. Но что она нам может понадобиться и по русской зиме, создатели явно не думали!

– Да и мы с вами тоже, господин обер-лейтенант, – а тем временем это уж вторая зима!

– И, надеюсь, последняя, Лакош. Когда-то ведь должны и ваньки выдохнуться!

Лакош задумчиво тянул сигару и стрелял глазками и носом в сторону обер-лейтенанта. Принюхивался. Обер-лейтенант Бройер, резервист, только несколько недель как прибыл в штаб дивизии начальником отдела разведки и контрразведки; он был обходительней, чем прежний начальник – энергичный капитан, строго державший дистанцию. И все же следовало быть поосторожней, знали они друг друга еще совсем недолго. Результат Лакоша удовлетворил: пахло приятельством. И вот он решил-таки задать вопрос, который мучил его уже несколько дней:

– Господин обер-лейтенант, а правду ли говорят, что дивизию теперь отведут в тыл?

Пускай служебным тайнам и надлежит покоиться за семью печатями, но если изо дня в день трясешься в одной машине по просторам вражеской страны, которые чего только в себе не таят, делишь одну мрачную дыру под названием блиндаж, ешь из одного котелка, секретов особенно и не утаить. Какое-то время офицер краем глаза косился на Лакоша, затем рассмеялся.

– Опять вы что-то прослышали, а, хитрован? Да, правда. Исполним новый приказ, там, выше по Дону, в излучине – и можно будет отправляться на зимовку в Миллерово. Только держите пока язык за зубами!

– Так значит, и отпуск снова будет?

Бройер потуже затянул шарф и промолчал. Отпуск... Вот уже больше года он не видел жены и детей. Хотя в полевом лазарете, где он шесть недель лечился голодом от дизентерии, отпуск ему настоятельно рекомендовали.

– Никак не выйдет, Бройер, – ответил тогда генерал. – Сейчас каждый человек на счету. К Рождеству – возможно. Так что отлеживайтесь в блиндаже и берегите силы!

Как будто можно было беречь силы под Сталинградом! В ходе продолжительных боев с большими потерями двум гренадерским полкам удалось наконец взять тракторный завод и продвинуться вплотную к Волге. И вот эти роты, насчитывающие теперь по восемь-пятнадцать человек и оставшиеся почти без командного состава, растянулись тонкой цепью по верхней кромке крутого берега. В грязи и вшах, замерзающие и мертвецки усталые, неделями тшечно ожидающие смены. Беззащитные под огнем русской артиллерии и минометов. Малочисленных, кое-как выученных солдат, пробиравшихся к ним на подмогу, снайперы прихлопывали как мух. А внизу, на отвесном склоне, русские засели, вцепившись в землю, словно репы, и даже пикировщикам их оттуда было не вытравить. Каждую ночь с другого берега им поступало подкрепление, и они то и дело шли в контратаку, нанося урон и без того покалеченной дивизии. Как там говорил Гитлер? “Под Сталинградом у меня воюют одни разведчики!” Да, разведбаты – это все, что осталось. Поберегите силы! Конечно – целыми днями в городе на Волге, неуклонно превращающемся в руины под градом бомб и батарейных залпов, в местах сбора пленных в тылу, в полковых и батальонных штабах, прячущихся во тьме каких-то подвалов. А ночами, во время бомбежек, в яме под Городищем... Но все это было уже в прошлом. Дивизию отводят. Танковый полк, артиллерия и другие подразделения уже отступали, за ними должны были последовать гренадерские полки. На зимние квартиры! Тогда, возможно, и будет смысл подумать об отпуске под Рождество.

Если бы только не это новое задание в излучине... Говорят, что ненадолго. Что ж, скоро он узнает подробности. Размышления Бройера прервало резкое торможение. Приоткрыв дверь, Лакош выглянул наружу.

– Перекресток, – сообщил он. – Прямо поедем?

– Думаю, здесь уже нужно повернуть налево. Погодите минутку – и протрите пока стекло горячим, а то ведь совсем ничего не видно!

Обер-лейтенант выбрался из автомобиля, встряхнулся, потягивая окоченевшие конечности, и направился к выдавшему виды указателю. На стрелке, смотревшей на запад, он с трудом разобрал русские буквы: “Вертячий”.

– Налево! – крикнул он шоферу. – Еще двадцать пять километров – и Дон!

Накатанная военная дорога на Вертячий была гладкой, как шоссе, и им почти никого не встречалось по пути. Машинка стрелой мчалась на запад, прочь от Волги и Сталинграда, к берегам Дона.

– Вы, видно, торопитесь поскорее оттуда убраться, а? – добродушно осведомился офицер.

– Ах, господин обер-лейтенант, этот проклятый Сталинград!

– Ну-ну, Лакош, надо радоваться, что мы в городе! И, надеюсь, в нем и останемся. То, что мы его заняли, может сыграть решающую роль! Не время думать о жертвах, и уж точно о тех, что приносишь лично.

Лакош был на этот счет другого мнения, но промолчал. Бройер тоже замолк. После несносного однообразия последних дней и недель сегодняшний внезапный отъезд глубоко взволновал его, и он никак не мог отделаться от мыслей, что роились у него в голове. Послед-

ние сказанные им слова казались Бройеру не очень-то искренними. Не его ли самого все чаще посещало желание убраться подальше из Сталинграда? Не думал ли он и сам все чаще об отпуске, о жене и детях дома, а не о бедных солдатиках на берегу Волги? Каким же эгоистом стал он за эти три года войны! Вот и в нем зашевелился “внутренний подонок”¹, с которым надлежало всеми силами бороться. Бройер чувствовал, что должен презирать себя, но не мог в то же время отделаться и от чувства облегчения. Разумеется, нужно было во что бы то ни стало удержать город, и так оно и будет. У него в ушах до сих пор звучали слова Гитлера по случаю открытия четвертой кампании зимней помощи фронту, которые передавали по громкоговорителю в лазарете: “Волга перерезана. Оккупация Сталинграда неминуема... И можете быть уверены, после этого никому не под силу потеснить нас оттуда”.

Раненые, рассеявшиеся в переполненном вестибюле или лежавшие там же вплотную друг к другу, молчали, глядя в пустоту потускневшим взором. Конечно, они в состоянии были признать военную необходимость битвы за Сталинград. Но над ними довлела тяжесть сражения, и в каждом наверняка теплилась мысль, что *он-то* уж точно пожертвовал всем, чем мог, ради взятия этих жалких развалин города на Волге, и теперь настала очередь других. Оттого они и молчали. Да и дивизия Бройера тоже принесла немало жертв. Они заслужили, чтобы на их место заступили другие. И этому они имели право радоваться!

– Вон он!

– Кто? Где? – вскакивает офицер.

– Вон там! Дон!

Оба наклоняются вперед, чтобы приглядеться. Дорога понемногу уходит под откос, внизу виднеется поселение, а за ним вьется серебристо-серая полоса реки. На другом берегу приветливо клонятся небольшие тенистые рощицы, самые настоящие, о которых долгими месяцами можно было только мечтать. Машина медленно катится по почти безлюдному хутору, сворачивает на бревенчатую гать и наконец скачет по расшатанным планкам понтонного моста.

Стало отчетливо слышно, как строчат пулеметы и то и дело грохочут мощные взрывы. Отсюда недалеко до отсечной позиции, прикрывающей Сталинград с севера. В этом месте реку пока еще не затянуло, но чуть вдалеке уже виднеется кромка рыхлого тускло-серого льда. На пологом берегу раскинулись пастбища, склоны поросли кустами, оголившимися к зиме.

Дон! Бройеру вспоминается тот день, когда он пересек его в первый раз. Тогда, в конце июля, он находился намного дальше к югу. С небес припекало солнце, на дорогах, по которым они продвигались, вздымались клубы пыли, покрывая листву и траву, людей и машины желто-серой грязью. Он, Бройер, был в ту пору еще командиром роты в составе мотострелковой дивизии. Стремительно прорываясь вперед, дивизия перешла реку у винодельческой станции Цимлянкой. Короткий привал позволил пропотевшим, запыленным солдатам окунуться в мощный поток, мирно раскинувшийся у их ног, словно спящий великан первозданного мира. “Тихий Дон” – так звали его казаки. Тихими и безмолвными были и покрытые лесом берега, и виноградники, и утлые деревянные лачуги, то тут, то там проглядывающие в зелени. Не нарушал тиши и труп подбитого русского летчика, простершего восковую длань к небу, лежа на сверкающей песчаной банке посреди реки, у остова своего самолета, чьи части уже наполовину были раскиданы ветром. Но течение, с которым не могли бороться пловцы, позволяло прочувствовать скрытые силы, дремлющие в этом гиганте.

Спустя всего несколько дней все надежды на то, чтобы увидеть Кавказ и пальмовые заросли на берегу Черного моря, потерпели крах. Дивизию развернули на северо-восток, и впервые прозвучало название, сразу показавшееся Бройеру неприятным и даже предвеща-

¹ “Внутренний подонок” (“innerer Schweinehund”) – во время Второй мировой войны в германской армии получило распространение требование “победы над внутренним подонком”, то есть преодоления лени, слабости, тяги к удовольствиям, “низменных” интересов ради долга, службы, достижения “правильных” целей.

шим беду – “Сталинград”. Последовал форсированный марш по унылой калмыцкой степи, где мелкий песок проникал во все щели и швы, перемалывая моторы машин, последовали щедрые на потери, но скупые на победы бои на юге, пока наконец после обходного маневра не удалось проникнуть в город с запада. И это было только начало! Развязалась ожесточенная борьба за каждый дом, каждый подвал, каждую стену и каждую развалину, рукопашные схватки один на один, борьба с невиданным количеством жертв, в которой дивизии таяли, словно снег на апрельском солнце. Еще нигде и никогда за все время войны подобного не бывало. И сейчас, три месяца спустя, борьба эта так и не была окончена...

Но для Бройера она осталась позади. С тихой радостью в сердце он наслаждался видом холмистого пейзажа, так долго укрытого от его глаз, видом рощ и хуторов. У него словно камень с души упал. Дон раскинулся за спиной; третий раз ему эту реку не перейти. Когда дивизия, отдохнув и восстановив силы, следующей весной вновь вернется на фронт, судьба Сталинградской битвы уже будет решена.

В северной части большой излучины Дона лежит хутор Верхняя Бузиновка. По долине на километр тянется узкая полоса деревянных домов, которую прерывают лишь небольшие группы деревьев, посеревшая деревянная церковь и многоэтажное кирпичное здание городского типа, в котором немецкие оккупационные войска развернули лазарет. Местность заполнили обозные отряды – здесь расположился штаб дивизии.

Прохаживаясь по комнатам деревянной избы, зондерфюрер Фрелих раздавал приказы. Стоило ему оказаться в четырех стенах, в настоящем доме, как в нем пробудилась буржуазная тоска по цивилизации. Сунув свой ястребиный нос в каждый угол, он с удовлетворением остановил взгляд на гладкой поверхности икон, в которых отражался свет двух свечей. Всего через несколько часов здесь будет гореть электрический свет – агрегат уже собрали. Но, помимо этого, условия для достойного размещения разведбата оставляли желать лучшего.

– Чтобы к завтрашнему утру были вставлены стекла! И был стол и пять стульев! Понятно?

Бледная женщина, следовавшая за ним на расстоянии, кивнула, глядя по голове мальчонку, уцепившегося за ее подол и глядевшего на незнакомца во все глаза. Они теперь ютились в крохотном хлеву и спали под копытами у коня, которого им оставили.

– Они придут? – спросила женщина.

– Кто? – У Фрелиха-переводчика была мерзкая привычка, разговаривая с русскими, смотреть из-под полуопущенных век так, будто собеседника тут и не было.

– Наши. То есть большевики.

На лице женщины читалось беспокойство, ведь ее муж работал на немецкую комендатуру.

– Красные? – Фрелих хохотнул. По-русски он говорил жестко, словно молотом бил. Он был баллом. – Туда, где стоят немецкие войска, не проникнет ни один большевик, зарубите себе на носу!

“Вот дура! – подумал он про себя. – Все еще верит в батюшку Сталина!”

Вошел ефрейтор Гайбель, держа под мышкой охапку свежей соломы, и соорудил лежанку вдоль стены. Его круглое, точно тыква, лицо излучало спокойствие и удовлетворенность. Месяц за месяцем вокруг были только степь, окопы и руины – тут, в этой деревушке с непроносимым названием, чувствуешь себя почти как дома. Если верить словам рядовых, сюда даже самолеты не долетали. Гайбель расстелил соломку, бросил сверху шерстяные одеяла и любовно их разгладил. Он был счастлив.

В соседней комнате унтер-офицер Херберт возился с большой печью. В ней уже плясал огонек. Тонкими пальцами он выуживал из миски с водой картошку, резво чистил ее и кромсал на куски. Жёлтые, как мед, ломти падали в огромную железную сковороду. Писарь Херберт,

голубоглазый блондин, был в штабе за хозяйку. Он был из тех одуванчиков, которые на службе могут цвести только в тепличном климате канцелярии.

Когда картошка уже скворчала в сковородке, заглянул Лакош. Он только что подъехал, высадив обер-лейтенанта рядом со штабом дивизии для доклада. В мерцающем свете печного пламени казалось, будто его растрепанная рыжая шевелюра горит огнем.

– Херберт, старина! Жареная картошка! Я уж месяца три ее не ел, а то и все четыре. Как думаешь, я в одиночку с целой сковородой управлюсь?

– Про твое обжорство всем известно, – сухо ответил Херберт, снимая с огня кастрюлю с кипящим молоком. Лакош воспользовался случаем, чтобы стащить особо поджаристую дольку и сунуть в рот. Но Херберт все же уловил, как коротышка жмурится оттого, что обжег язык.

– Руки прочь от сковороды, грязная свинья! Пойди лапы вымой сначала!

– Поглядите-ка на него! – вскинулся Лакош. – Сам-то – из грязи в князи! Времени еще впереди полно, завтра домой не попадешь! А кстати, о сковороде – знаешь анекдот про сковороду? Говорит Антек Францеку...

– Рот закрый! – воскликнул Херберт, зажимая уши.

Лакош не был мастером на анекдоты, да и рассказывал он их без конца и невпопад. Но отказ его не расстроил.

– Хербертхен, – заискивающе протянул он, – ты нам пирог завтра испечешь? Такой желтый, добротный... У шефа еще разрыхлитель остался, ну а крестьяне пускай дадут муки.

– Черта с два, – отозвался Херберт, но было видно, что ему льстит откровенное признание его кулинарных способностей.

Лакош пододвинулся поближе и заговорщически подмигнул.

– А я кое-что знаю! Ох, что я знаю! Умереть и не встать. Но скажу, только если испечешь!

– Не говори ерунды! – буркнул Херберт. – Давай, неси сковороду – или нет, лучше кастрюлю возьми! Картошку я сам понесу!

Когда пришел Бройер, они при свете свечей расселись вокруг большой миски с картошкой, резали толстыми ломтями пайковый хлеб, пили молоко и обменивались впечатлениями о поездке.

– И кстати, передаю вам коллегияльный привет от командующего корпусом! – обратился Бройер к зондерфюреру. – Он там живет по-княжески, правда, Лакош? Свой дом, русская женщина и еще два молодца из вспомогательного состава в услужении. Да и сам их штаб... Столовая тамошняя, я вам признаюсь... Даже кино есть. Прямо как в мирное время!

– Тогда я не понимаю, почему мы сюда передислоцировались, – ответил Фрелих,ковыряя ножом в оловянной тубе, в которой снова застрял плавленый сыр. Бройер пожал плечами.

– Там на линии фронта появилось несколько новых дивизий. Румыны запаниковали. И вот теперь мы должны поставить им подпорки, успокоить их нервы, так сказать.

– А что об этом говорит подполковник Унольд?

– “Боевой дух!” – вот что он говорит. Поднимайте боевой дух, денно и ночью! Вытащите граммофоны, игры, ящики с книгами. Мол, мы уже довольно валялись в грязи. Требуется в трехдневный срок достать фильм о Рембрандте².

Зондерфюрер рассмеялся сухим, самодовольным смехом. Значит, он вновь прав: это масштабное “задание” оказалось не чем иным, как интермедией, продолжительность которой исчислялась днями. Это как путешественник на короткой остановке выходит поразмять ноги и бросить беглый взгляд на проделанный путь, прежде чем пуститься дальше и никогда не вернуться назад. На самом деле характер Фрелиха не очень-то соответствовал его фамилии, означавшей “весельчак”. Он был известен своим оптимизмом, но оптимизмом не того сорта,

² Фильм о Рембрандте – премьера биографического художественного фильма Ханса Штайнхофа “Рембрандт” прошла в Берлине 19 июня 1942 г.

что окрыляет людей, вселяет в них радость и делает столь привлекательными, а того, что делает их упертыми, озлобленными, несокрушимыми, точно бомбоубежище, и неизменно готовыми к обороне.

– О фильме он твердит уже не первую неделю, – продолжал Бройер. – Он им прямо-таки одержим. Не знаю, что мне и делать. В качестве награды, к слову сказать, обещал наконец наделить нас третьим адъютантом.

Отделу разведки и контрразведки полагался адъютант. С тех пор как последний погиб при бомбежке, место его оставалось свободным.

– К чему нам новый адъютант? – вставил Херберт. – Я имею в виду, господин обер-лейтенант, что раз мы все равно скоро отправимся на зимние квартиры...

Бройер взглянул в девчачье лицо унтер-офицера, по которому, пока он говорил, пробежали волны краски, точно облака по апрельскому небу. Так они и сидели, беспокоясь лишь о том, когда настанет покой и появится возможность расслабиться, и мыслями были уже далеко. Наконец Бройер промолвил:

– Если пообещаете, что никому не проболтаетесь, я с вами еще кое-чем поделюсь. Знаете, что мне в командовании сказал генерал? “Значит, вы нас только на несколько дней почтите своим присутствием – ведь вам же надо домой, в рейх!” Вот так и сказал!

– Домой, в рейх? Так как же... – Позабыв о бутерброде, Фрелих ослабил свою лошадиную челюсть – да так и остался сидеть с раскрытым ртом. – Значит, в Миллерово?

– По всей видимости, нет, не в Миллерово. По всей видимости, домой, в Германию!

Бледное лицо Гайбеля озарило изумление, точно луна взошла над полем пшеницы. Херберт взглянул на Лакоша. Тот скорчил ироничную гримасу.

– Что я говорил? – хлопнул себя по ноге Фрелих. – К Рождеству будем дома. А весной и войне конец!

– Понимаю, господин Фрелих, – усмехнулся Бройер. – Тогда вы снова откроете свою рыбную лавку и построите на Волге филиал по добыче лососины и икры.

Он достал из кармана ключ.

– Лакош, принесите-ка коричневую фляжку из моего сундука. Мне кажется, у нас есть повод принять на грудь! И вот еще что: с полудня сегодняшнего дня мы снова подчиняемся танковому корпусу. Так что, если снова запахнет жареным, генерал Хайнц³ как-нибудь с этим справится.

Мужчины кивнули. Все они хорошо знали молодого генерала, который воссиял на военном небосклоне яркой кометой. Еще совсем недавно он стоял во главе их дивизии – сперва в должности полковника, затем генерал-майора – и пользовался всеобщим уважением, потому что не щадил себя. С 1 ноября он командовал танковым корпусом в чине генерал-лейтенанта.

Поставив бутылку на стол, Лакош склонился к Херберту.

– Ну что, будешь печь пирог, тютя-матютя? – произнес он, растягивая последние слова.

Херберт кивнул и, устремив взор куда-то вдаль, улыбнулся.

Начальник штаба дивизии подполковник Унольд стоял, склонившись над большим столом, и изучал оперативную карту. Извилистой голубой лентой петлял Дон, пересекая зеленые и коричневые участки, и по большой дуге устремлялся на восток. Он делил иероглифы мелких линий, цифры и знаки на красные и синие. По реке проходила линия фронта, окаймлявшая громадный северный фланг нацеленного на Сталинград клина. На большей части этого стратегически важного участка немецкое командование, полагаясь на то, что русские части ослаблены, а вода станет им естественным препятствием, относительно редко распределило

³ *Генерал Хайнц* – прототипом этого персонажа послужил Фердинанд Гейм (Хайм) (1895–1971), командующий 48-м танковым корпусом.

итальянские и румынские дивизии. Потому они не смогли предотвратить того, что противник создал несколько плацдармов и упорно их удерживал. Перед одним из таких плацдармов было теперь приказано разместить мобильные части дивизии, за которые после перевода комдива временно отвечал он, Унольд – “из соображений надежности”, как говорилось в приказе...

На узком лице подполковника читалось напряжение. Он то и дело хватался за карандаш и властной рукой вносил какие-то правки. Положение дел ему не нравилось от начала и до конца.

Причем беспокойство у него вызывали не те две-три дивизии, которые враг не так давно перебросил на плацдарм у станицы Клетской. Поступавшие оттуда сообщения рисовали привычную картину: в личном составе либо одни юнцы, либо одни старики; настрой паршивый; скудное обмундирование и убогое вооружение (даже гладкоствольные ружья прошлого века встречались). Унольд в этом хорошо разбирался. В бытность свою молодым капитаном генерального штаба он числился в отделе изучения иностранных армий Востока генерального штаба сухопутных войск – как раз в то время, когда готовилось нападение на Чехословакию. Он знал русский и предпочитал допрашивать пленных сам, а потому знал, что с такими дивизиями русские всерьез наступать не будут. Но было и кое-что еще. К примеру, под покровом ночи, практически незаметно для него, выросли два новых моста через Дон. Для чего им было наводить эти мосты, если они не собирались...

За соседним столом первый адъютант дивизии капитан Энгельхард сортировал донесения. Он был молод и отличался совершенно несвойственной данному окружению элегантно-стью. В штаб дивизии его загнала застрявшая в легком пуля.

Поднявшись, он положил Унольду на стол листок. Подполковник краем глаза изучил его и, заинтересовавшись, взял в руки. Он перечел второй раз, и губы его сжались в тонкую линию. Взгляд его серых глаз метнулся к оставшемуся стоять у стола капитану и обратно; затем его рука с карандашом стремительно пронеслась над светло-зеленой областью леса к северу от Дона. Секунду он, прищурившись, разглядывал появившийся на карте красный круг; на скулах у него играли желваки. Затем он задумчиво, почти с нежностью, вписал в кружок цифру “5” и поставил под ней знак танка – ромб.

– Господин подполковник, вы действительно верите, что там танковая армия?

Унольд ничего не ответил. Вместо этого он подошел к низкому оконцу и выглянул наружу. В голубоватом свете, сочащемся сквозь паршивые стекла, его худощавое лицо казалось похожим на посмертную маску. Его подернутый поволокой взгляд, скользя по неровной брусчатке пустынной деревенской улицы, устремился сквозь время и пространство назад...

Полтава, 1941 год. Из окон административного здания, в котором располагался штаб группы армий “Юг”, открывался вид на памятник, знаменующий победу Петра I над шведами. Командование направило майора генерального штаба Унольда в Полтаву замещать слегшего с болезнью начальника отдела разведки и контрразведки. Тот, однако, на удивление быстро пошел на поправку, и Унольд, оказавшись вдруг без дела и свободным от всякой ответственности, все больше и больше углублялся в объемный труд генерального штаба Российской империи, посвященный Полтавской битве, волей случая попавший ему в руки. Вылазки за город, на поле, где пропитанная кровью земля одаривала его то старинным шлемом, то ржавым оружием, дополняли прочитанное как живое свидетельство, а доклады, которые он читал в офицерской столовой перед членами штаба и перед сторонней аудиторией, вскоре принесли ему, искусному оратору, славу тонкого знатока великого освободительного сражения русских. В декабре 1941 года, вскоре после того, как войска противника вновь оттеснили их от Москвы, в ставку прибыл главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал фон Браухич. Однажды вечером в столовой он высказал желание осмотреть поле, на котором состоялась историческая схватка, и уже на следующее утро он, командующий группой армий “Юг” генерал-фельдмар-

шал фон Рундштедт⁴ и Унольд, закутанные в меха и пледы, выехали туда в открытом армейском автомобиле. Рассказ Унольда длился почти час. На сверкающую хрустальную поверхность промерзшей земли он проецировал краски лета, оживлял пейзаж войсками в пестром обмундировании, наполнял звенящий от мороза воздух криками атакующих, громом орудий и стонами раненых. Ему казалось, что он в жизни не говорил так складно. Фон Рундштедт лишь изредка прерывал его вежливыми вопросами. И вот наконец в наступившей тишине, в которой на землю вновь опустилось настоящее, фон Браухич произнес ту подытоживающую фразу, что застыла над полем, точно надпись на надгробном камне:

– И здесь завоеватель потерпел поражение. На родной земле русского не одолеть...

Они молча вернулись к машине, молча двинулись в обратный путь. Но вот майор генерального штаба Унольд стал свидетелем разговора, который показался ему взглядом из ясного полдня в непроглядный бездонный колодезь. Содержание ее было примерно следующее: оперативная цель года достигнута не была – в этом оба генерала были единодушны. После второй и третьей волны мобилизации 175 немецким дивизиям будет противостоять 400 русских. Такими силами разбить неприятеля не представляется возможным. Необходимо отступить к Псковско-Чудскому озеру, Березине и Днепру, а может быть, и дальше, к Неману и Висле, и там выстраивать “восточный вал”, о который враг разобьется вдребезги. Задача в том, чтобы сохранить живую силу.

Унольд глубоко и шумно вздохнул, постукивая пальцами по стеклу. Этот разговор преследовал его даже во сне и оттуда, из подсознания, выматывал ему все нервы. Он был слишком хорошим штабистом, чтобы оставаться глухим к логике этих рассуждений. И слишком ярким почитателем Гитлера, чтобы не противопоставить веру здравому смыслу.

Что же могло оправдать столь глубокий пессимизм знающих людей? “Да ничего, ровным счетом ничего!” – подумал Унольд, и глаза его вновь заблестели. Браухич и Рундштедт отбыли, отстранены, пропали – так им и надо, малoverным. На их место пришли другие, чья вера крепче. Гитлер сам взял на себя верховное командование. С тех пор прошел год, и вот мы подступили к Сталинграду. Непостижимый в своей автономии гений отmel всякую теорию и схоластику. Гений, чью чудодейственную мощь питает вера миллионов людей – та самая вера, которая горами движет. Мог ли кто-либо когда-либо себе помыслить, что одна-единственная дивизия способна удерживать участок фронта в пятьдесят километров? Кандидат в офицеры, который осмелился бы сморозить такое в училище, был бы отправлен домой как безнадежно неспособный кадр. А ныне на Восточном фронте это самая что ни на есть будничная реальность. Все это стало возможно благодаря непоколебимой вере всех и каждого, именно она – залог победы. Сомнение равнозначно дезертирству.

– Мы все должны в это верить! – невольно вырвалось у Унольда. И лишь испуганный взгляд, который бросил на него Энгельхард, заставил его осознать всю двусмысленность брошенной фразы. Подполковник издал жесткий, отрывистый смешок, вернулся к столу и вновь взял в руки депешу.

– Ну и? – раскованно произнес он. – Вы же сами здесь пишете: нельзя исключать вероятность дезинформации. Ваша радиоразведка вам опять лапшу на уши вешает!

Мысль о масштабном наступлении русских абсурдна – разве командование корпусом не было того же мнения? А если русские, руководствуясь своим известным по прошлой зиме упрямством, все же решат пойти в атаку, на пути у них, как показывает состав корпуса, встанет триста танков, в том числе и только-только сошедшая с конвейера техника первой румынской

⁴ *Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт* – в действительности Герд фон Рундштедт (1875–1953) был снят с поста командующего группой армий “Юг” 1 декабря 1941 г., а 5 декабря покинул Полтаву. Его сменил генерал-фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау (1884–1942), прежде командовавший 6-й армией.

танковой дивизии. На этот раз у них есть резервы, которых им не хватило в сорок первом. Так чего же опасаться?

Унольд схватил ластик и уничтожил грозную пометку, а с ней и свою тревогу, свои сомнения. Теперь о них напоминал лишь бледный след на зеленом.

– Это блеф, – произнес он, посмотрев на Энгельхарда, и тот восхитился прямоте и ясности взора командира. – Дешевый трюк! Никаких русских частей не подтянется. У них больше нет сил.

В последующие дни погода переменилась. Стало холодно, сыро и туманно; повисшая в воздухе пелена дождя покрыла булыжники на деревенской улице тонкой корочкой льда. Каждый шаг за порог превратился в испытание. “Фольксваген”, на котором обычно ездил в соседние штабы обер-лейтенант Бройер, даже в надежных руках Лакоша то и дело вилял по гололеду, с трудом продвигаясь вперед.

Во втором отделе штаба Пятого румынского корпуса, расположившегося в избах хутора Калмыковского, настрой был явно не боевой. Черноволосый капитан в элегантной форме цвета хаки, с породистой внешностью тореро, разложил перед немецким коллегой аккуратные восковки со схемой перемещений последних дней.

– Видите, уважаемый товарищ? Эти три пехотные дивизии – новые, – пояснил он на своем певучем балканском немецком. – Последнюю обнаружили несколько дней назад. Они нас не беспокоят. Но за ними третий кавалерийский корпус! Зачем нужен кавалерийский корпус, если не собираешься наступать, позвольте спросить? А что скрывает вон тот большой лес за станицей Клетской, мы и вовсе не знаем. У нас нет своих самолетов, и немецких самолетов-разведчиков в распоряжении не было. К тому же при нынешней погоде разглядеть что-либо невозможно. Пленные русские говорили, что там должна быть танковая армия. Это может быть правдой – а может и не быть. Но если это правда, то наши дела плохи, уважаемый товарищ! Вы знаете, что у нас нет тяжелых орудий, а люди наши вымотаны...

Он бросил мрачный взгляд на стенку, которую украшали портреты молодого Михая I и маршала Антонеску. Они самоуверенно взирали на происходящее из своих массивных рам.

– Поэтому мы и прибыли к вам, господин капитан, – ответил Бройер и взял из серебряного портсигара, который предложил ему офицер, сигарету из турецкого табака. – У нас достаточно и тяжелых орудий, и танков.

– Я знаю, уважаемый товарищ. Когда ваши части будут готовы?

– Ну, я полагаю, через несколько дней!

Капитан наполнил из бутылки две ликерные рюмки на тонких ножках.

– Прошу вас, уважаемый товарищ. Вам надо согреться! Настоящая цуйка.

Он поднял рюмку, глянул на просвет и опустошил ее маленькими глоточками.

– Было бы лучше, если бы ваши части поторопились, – произнес после этого румын. – Мы ждали наступления русских еще девятого ноября. Но не дождались.

– Вот увидите, капитан, – возразил Бройер, – вы его и не дождетесь!

– Хотелось бы надеяться, уважаемый товарищ...

На обратном пути Бройер сделал крюк, направившись к возвышенности к югу от Клетской. На перекрестке, там, где одна из дорог спускалась к Дону, дрожа от холода, под дождем топтался румынский часовой со стволом под мышкой, то и дело поглядывая в сторону севера. Поверх высокой грязно-белой шапки из овчины был нахлобучен стальной шлем, с края которого на плечи и спину тонкими ручейками стекала вода. Пестрая плащ-палатка, которую он накинул на шинель, придавала ему вид с особой любовью смастеренного огородного пугала. Заметив автомобиль, он размашистыми жестами дал понять, что проезд закрыт. Бройер вышел и начал подниматься вверх по склону, пока его взгляду не открылась лежащая к северу полоса

обеспечения. На несколько сотен метров вперед земля была изрезана румынскими окопами. Все было тихо, залито дождем. Возвышенность плавно перетекала в лощину, в которой можно было разглядеть несколько крохотных домишек. Клетская! А за ней – бледное русло, едва различимое в серости дождливого дня: Дон! Тихо извиваясь, он раскидывал рукава, пока еще не пускал... А вон темные очертания в кажущейся нереальной дали – это тот самый страшный лес. Холмы казались идеальным оборонным рубежом. Не было сомнений, что они доминировали над всей долиной; в ясную погоду с них открывался вид далеко вперед, на расположение вражеских частей. Черт его знает, как русские при такой расстановке умудрялись снабжать свои войска на южном берегу, да еще и наводить мосты!

В это время в Верхнюю Бузиновку прибыл новый командующий дивизией и тотчас изъявил желание познакомиться со штабом и офицерским составом подчиненных формирований, если таковые уже прибыли, в столовой, в непринужденной обстановке. Начальнику командного пункта капитану Факельману было приказано приготовить обильный ужин для плюс-минус сорока человек. Этот низкорослый резервист – мастер не столько в военном деле, сколько в кулинарном – принялся за дело со старанием и сноровкой; по мере сил его поддерживали трое ординарцев, которым такой способ несения службы был явно по душе. Вечером придел деревянного деревенского храма, служивший столовой, засверкал праздничными огнями многочисленных ламп и забелел кипельными скатертями. Генерал – человек корпулентный, с красным одутловатым лицом – появился в сопровождении подполковника Унольда, который по торжественному случаю был облачен в элегантный черный мундир танковых войск. Генерал поприветствовал каждого из собравшихся персонально, выслушал представления с именем и должностью и каждого одарил непродолжительным взглядом водянистых голубых глазок, тщетно пытаясь изобразить огонек. Затем он пригласил старших по званию присоединиться к нему во главе длинного стола; младшие офицеры заняли оставшиеся места. Бросалось в глаза, что среди них много молодых капитанов. Белобрысому, усыпанному веснушками капитану Зибелю, сложившему в бытность свою командиром роты под Волховом левую руку на алтарь отечества и с тех пор довольствовавшемуся грохочущим протезом, Рыцарским крестом Железного креста, должностью начальника тыла и ждущей его в светлом будущем благодарностью народа, было двадцать семь лет. Первому адъютанту дивизии капитану Энгельхарду и адъютанту командира дивизии капитану Гедигу, бодрому берлинцу с беличьими карими глазками, не было еще и двадцати пяти. Под воздействием белого бордоского вина быстро завязалась оживленная беседа. Преимущественно разговор вращался вокруг перемены блюд, которыми всех удивил капитан Факельман. Основным были печеночные клецки с отварным картофелем.

– Поистине нежнейшие, дорогой Факельман, – снисходительно заметил капитан Зибель. – Это что же, тпрушечка?

– Я бы не решился, господа, – поспешил оправдаться толстяк Факельман.

– А ведь это настоящий изыск! Вы, видно, и не знали, что лошадиная печень относится к числу величайших деликатесов? Даже для знаменитой брауншвейгской ливерной берется преимущественно печень жеребят.

На Зибеля устремились неуверенные, несколько заинтригованные взгляды. Он был известен как большой любитель приврать. Командир взвода полевой жандармерии капитан Эндрихкайт, неотесанный пруссак с густыми усами, протянул ординарцу тарелку, чтобы тот положил ему еще картошки, и обратился через стол к казначею:

– Ну, коль поедете завтра к станции Чир затариваться, Циммерман, не забудьте захватить у крестьян с полдюжины кобылок! Колбасный пир закатим!

Но на этом их гастрономические излишества были прерваны. Постучав прибором по бокалу, генерал с трудом поднялся, прочистил горло, и раздался его дребезжащий голос.

– Господа! Фюрер оказал мне честь, призвав встать во главе дивизии, которой под чутким руководством моего предшественника удалось снискать столь громкую славу. Я направлю все

свои стремления на то, чтобы оправдать проявленное ко мне доверие и достойно продолжить традицию. От каждого из вас я ожидаю покорности, преданнейшего исполнения обязанностей и непоколебимой строгости к самому себе, к нашим солдатам и беспощадности к неприятелю. Само название нашей дивизии должно стать символом ужаса для злейшего врага-большевика. В этой священной войне против азиатских недочеловеков победа должна быть и будет нашей! Она стоит любой жертвы. Без нее в нашей жизни не будет никакой ценности. Итак – за дело! Я призываю вас поднять со мной бокал за наше любимое германское Отечество и за Адольфа Гитлера, нашего верховного главнокомандующего и неповторимого фюрера!

За тостом последовало неловкое молчание. Бройер бросил взгляд на сидевшего напротив бледного лейтенанта Визе, который, поджав губы, едва качал головой.

– Ну, будем! – произнес капитан Зибель так, что слышали только соседи. – Чую, нас впереди ждут славные времена.

Полковой адъютант обер-лейтенант фон Хорн направил на генерала свой монокль.

– Спорю на ящик шампанского, – прогнусавил он, – что он в жизни танка изнутри не видел.

– Танка? – грубо прервал его командир противотанкового дивизиона капитан Айхерт, кадровый военный с двенадцатью годами службы за плечами. – Да если он вообще Россию видел, я веник съест готов. Как по мне, больно он попахивает эсэсовцем или полицаем!

Хихикнув себе под нос, капитан Факельман протер платком сверкающую лысину.

– Признаюсь откровенно, господа, – шепнул он, – вареной на серебряном блюде да с лимоном во рту мне бы эта головешка нравилась куда больше!

Грянул хохот, на сидящих в конце стола начали коситься.

– Я вас очень попрошу, господа, – смутился капитан Энгельхард. – Генерал еще с начала сорок второго командовал здесь сперва артиллерийским полком, а затем и дивизией не один месяц!

– Энгельхард, не кипятитесь, пожалуйста, – поспешил успокоить его Факельман. – Увидим. Да и для Франции и его будет достаточно.

Для Франции? Все наострили уши.

– Неужто вы еще не знаете, господа? – засиял Факельман, ощутив в полной мере собственную важность. – Действительно не знаете? Дивизию ведь переводят во Францию! В окрестности Гавра – до Парижа рукой подать!

– Во Францию?

– Хотелось бы знать, – рявкнул капитан Айхерт, – в каком отхожем месте вы снова выкопали эти грязные слухи?

Толстые ручонки Факельмана завораживающе заплясали.

– Нет, в самом деле, господа! У меня хорошие связи! Новость эта из абсолютно надежного источника.

– Тогда, полагаю, первому адъютанту было бы о чем нам доложить? – не выказал доверия Энгельхард, но потом как-то неопределенно продолжил: – Впрочем, нет ничего невозможного.

Старик Эндрихкайт вытянул под столом ноги и засопел, точно морж.

– Ну что же, Гедиг, – обратился он к адъютанту, который на следующий день должен был отправиться на учебу, – пусть вам перепишут ваше обратное направление! И не забудьте поинтересоваться у Унольда, где в Париже его любимый бордель, ха-ха! Иначе вам нас и не найти!

Молодой капитан рассмеялся.

Зондерфюреру Фрелиху в качестве собеседника достался сосед справа.

– Видите? Что я говорил, господин пастор! Впереди большой удар по Великобритании! Насколько же, должно быть, велики наши силы, что Гитлер в такое-то время отзывает из-под Сталинграда дивизию и направляет на Западный фронт! Попомните мои слова, к весне победа будет нашей!

Миролюбивое лицо лютеранского полкового священника Иоганнеса Петерса, с которым совершенно не вязался Железный крест первого класса на груди, расплылось в снисходительной улыбке.

– А возможно, все совсем не так, господин Фрëлих... Возможно, Гитлер вынужден отозвать дивизию, чтобы получше подготовиться, прежде чем встретить грозящую на втором фронте опасность.

Зондерфюрер достал сигару и принялся молча пускать дым. Его это заявление сильно задело.

Тем временем на противоположном конце стола генерал излагал свои соображения по поводу текущего положения дел. Мутный взгляд его скользил по лицам сидевших рядом офицеров.

– Я, разумеется, заблаговременно изучил, в каком состоянии находится дивизия. Очевидно, что необходимо как следует восполнить силы. Кейтель, с которым я беседовал до моего отъезда, отнесся к этому с полным пониманием. Да и вы видите, что пора бы уж!.. Просто неслыханно, что нас здесь удерживают истерические вопли этих румынских конокрадов. Им бы стоило порадоваться, что их вообще удостоили чести пролить кровь за свободную Европу! Но им незнакомо понятие героизма, у них нет никаких идеалов. Что ж, мне остается только надеяться, что, как только победа окончательно будет за нами, фюрер проведет основательную чистку и среди этих так называемых союзников.

Ужин закончился рано. Генералу хотелось еще какое-то время побеседовать со старшими офицерами с глазу на глаз.

Двое военных молча брели в темноте по заброшенному кладбищу в сторону полей. Дул свежий северо-восточный ветер, дорогу подсушил легкий морозец. Порой сквозь рваные тучи проглядывала то одна, то другая звезда. Издалека, со стороны деревни, доносилось пение:

Снова наступит ти-ши-на,
И к фонарю при-дет о-на...
Ко мне – Лили Ма-а-арлен...⁵

– Что вы на самом деле думаете о происходящем, Бройер? – спросил капитан Энгельхард. Бройер замер в изумлении. В голосе собеседника слышалось беспокойство.

– Вы всерьез полагаете, господин капитан, что нам есть чего опасаться? – спросил оберлейтенант.

Повисла пауза.

– Вы знаете, – наконец промолвил Энгельхард, – порой у меня возникают сомнения в том, что затея эта кончится добром. К Унольдусу с такими мыслями даже приближаться нельзя – его сразу тряссти начинает. О нашем новом генерале вообще и вести речи не стоит. Я совершенно уже не понимаю кадровой политики начальства. А руководство корпуса... Я ничего не имею против Хайнца, но на своем ли он месте?..

– У него всем заправляет полковник Фиберг, а он стреляный воробей.

– Фиберг! Душа полка! Да, он холоден и расчетлив – и превосходный тактик. Именно поэтому я не могу найти объяснений тому, что все вдруг разлаживается. Ну что это такое, сами поглядите... Ни координации с румынами, ни разведки нормальной нет! Даже на позиции еще толком не выдвинулись...

⁵ *Снова наступит ти-ши-на...* – строки из популярной песни “Лили Марлен” (1938). Перевод Н. Краубнер.

Вдалеке в небе внезапно вспыхнула парашютная светящая авиабомба, озаряя все желтоватым светом. С земли к ней потянулись красные и зеленые следы от трассеров. После долгой паузы донесся приглушенный шелест выстрелов.

– А эти русские, – продолжил капитан. – Я думаю, что на волне успеха нашего первого наступления мы склонны их недооценивать. Как часто Красной армии прочили гибель – а она по-прежнему держится, и более того, прибавляет в силе! Стремительный переход на минометы и “катюши” – это огромное достижение. А если сравнить их нынешнюю авиацию с той, что была в сорок первом!.. Вон там наглядное тому свидетельство. Их командование тоже постоянно совершенствуется. Будем честны, Бройер, то, с каким изяществом уклонялся от нас прошлым летом Тимошенко, – большое искусство! Мы и в плен-то почти никого не взяли. Но разве же с такими доводами к кому подберешься! Никто этого признавать не хочет.

Потом Бройер долго не мог уснуть на своей соломенной лежанке. В голове его роились самые что ни на есть странные помыслы. Если даже Энгельхард начал, как бы это сказать, жаловаться, то... Веки его наконец сомкнулись на мысли о том, что капитан, видимо, склонен сейчас к пессимизму. Невеста ждала его в Эссене, а Эссен недавно подвергся крупному авиаудару.

Вопреки ожиданиям вопрос с фильмом удалось решить. Послав вежливый запрос в соседний корпус, он сумел договориться, чтобы те впредь дважды в неделю одалживали чужой дивизии приставленную к их частям автокинопередвижку. Каким-то непостижимым образом у них оказался еще и вожделенный “Рембрандт”, а значит, можно было организовать в Бузиновке показы на два дня подряд.

Под кинозал переоборудовали деревянный храм. Бройер наметил максимально честный график сеансов по подразделениям. Настало то утро, когда начальнику штаба дивизии можно было доложить, что в четверг, 19 ноября, в 17 часов состоится открытие кинотеатра “Бузиновка” с премьерным показом “Рембрандта” и еженедельного киножурнала в придачу.

Подполковник Унольд не поспешил на похвалы, что с ним случалось нечасто.

– Я свое слово держу. Будет вам третий адъютант. Уже кого-нибудь присмотрели?

– Я думал о лейтенанте Визе, господин подполковник.

– Командире связьбата? Ну что ж, если Мюльман будет готов с ним расстаться, я ничего против не имею.

Тем же днем глазам изумленных солдат был явлен плод труда картографа – две пестрые афиши, возвещавшие о готовящемся событии. Их повесили на двери церкви и перед комендатурой.

Лакош возлагал на кинопоказ особые надежды, которыми не преминул поделиться с Гайбелем за мытьем машины.

– Фильм нам покажут что надо, ты уж мне поверь! Рембрандт – это ж был такой художник, который еще в Средние века самолеты рисовал и лодки подводные. А потом они ему голову отрубили, потому что слишком много знал... Эй, ты что на меня уставился, чурбан? Тебе-то за это тыкву не снесут!

Глава 2

Гроза на Дону

Начиналось серое сумеречное утро 19 ноября. Ефрейтор Гайбель ворочался на лежанке. Ему снился отвратительный сон: будто он у себя в лавке в Хемнице, которая отчего-то подозрительно напоминает последний сталинградский блиндаж, обливаясь потом, кропотливо перебирает горох из мешка и сыплет в эмалированную кастрюлю – а каждая горошина, падая, свистит, точно бомба, и, коснувшись дна, с грохотом взрывается и исчезает. “Удивительное дело, – думал Гайбель, – мешок уж наполовину пуст, а в кастрюле ни грамма!” Тут перед ним внезапно вырос человек в золотом шлеме, из-под которого выбивалась черная прядь, и проникновенно взглянул на него широко раскрытыми глазами. Гайбелю тут же стало ясно, что это Рембрандт. “У меня есть самолеты и подводные лодки, – угрожающе произнес незнакомец. – Но нет сельди!” – “Прошу, господин хороший, – поторопился ответить Гайбель. – У меня есть отличная сельдь матье, мягкая, точно масло!” И указал на большую кадку, из которой, свесившись через край, в ужасе взирали на них селедки. “Беру все!” – заявил мужчина в шлеме и сунул обе руки в бочонок. Селедки, вид которых сделался вдруг весьма человеческим, возмущенно вскричали, но чужак разинул огромную бегемочью пасть, затолкал в нее целую гору сельди и проглотил. Гайбель скрючился от резкой боли. “Пятьдесят семь рейхсмарок тридцать пфеннигов”, – с грустью констатировал он. “Это вся сельдь?” – жадно озираясь, поинтересовался гость. “Вся, что есть в Германии!” – твердо ответил Гайбель. “Мне недостаточно! – вскричал Рембрандт. – В Европе должно водиться гораздо больше сельди!” Лицо его превратилось в огромную гримасу. “Слишком вы много знаете! – насмешливо воскликнул художник. – Мне придется забрать вашу тыкву!” Гайбеля охватил неопишуемый ужас. “Тыква не продается, – дрожа, пролепетал он. – Это выставочный экземпляр. У нас есть другие, ничуть не менее красивые тыквы, по тридцать пять пфеннигов фунт!” – “Но я хочу именно эту тыкву! – завопил незнакомец и вцепился своими длинными зеленоватыми пальцами Гайбелю в горло. – Никто ничего не должен знать, понимаете? Никто!” Гайбель отчаянно размахивал руками. Он знал: стоит ему потерять тыкву, как ему конец. Левой рукой он заехал Рембрандту прямо в гримасу, в глаза под обрюзглыми веками, а правой схватил телефонный аппарат, чтобы сообщить в полицию, что его грабят. “Караул! – закричал он что было сил. – Караул!!!”

И проснулся от болезненного тычка в бок, произведенного чьим-то локтем.

– Я тебе щас как дам караул! Ух, проклятуший! – свирепствовал Лакош. – Навыдумывал тут себе невесть что, перебудил всех, а до нас дозвониться не могут!

Вновь раздался звонок. Трещал телефонный аппарат, который на ночь Гайбель ставил рядом с лежанкой. Он с удивлением заметил, что уже, оказывается, снял трубку.

– Канцелярия начальника отдела разведки и контрразведки штаба дивизии, ефрейтор Рембрандт! – спросонья ответил он.

Лакош расхохотался, на что в ответ на него возмущенно зашикал разбуженный унтер-офицер Херберт.

– Просыпайтесь, болван! – раздался голос из трубки. – Говорит канцелярия начальника штаба дивизии, унтер-офицер Шмальфус! Обер-лейтенанту Бройеру срочно явиться к начальнику штаба готовым к выступлению! Без машины!

– Обер-лейтенанту Бройеру срочно явиться к начальнику штаба без машины, – на автомате повторил Гайбель и удивленно прибавил: – Прямо сейчас, среди ночи? Что, неужто стряслось что-то?

– Не несите ерунды! – резко ответил Шмальфус. – Во-первых, восемь утра, а во-вторых, стряслось! Русские наступают!

Сон у Гайбеля как рукой сняло. Он бросил трубку, даже не дав отбоя, подскочил и бросился в соседнюю комнату.

– Подъем! – завопил он. – Подъем, герр обер-лейтенант! Русские наступают!

– Наступают, значит, – зевнул обер-лейтенант Бройер. – Понял я, понял! Это же не повод так орать!

“Все-таки наступают, – повторил он про себя, еще окончательно не проснувшись. – Одиноль в пользу румын!” Он торопливо оделся и на ходу влил в себя чашку холодного чая, покуда Лакош быстро мазал с собой два бутерброда с ливерным паштетом из консервной банки.

– И именно сегодня! Вот жалость-то, – на прощание произнес Бройер. – Позаботьтесь там о фильме, господин Фрёлих! Может статься, мы к пяти уже давно снова будем в лагере.

Лучи утреннего солнца медленно пробивались сквозь клубы плотного тумана, укрывшего долину Дона и холмы у станицы Клетской. Широкое заснеженное поле сверкало белизной, но при этом уже было иссечено черно-коричневыми линиями колеи, троп и кое-как вырытых румынских окопов. Часовые у пулеметов уныло глядели из-под тентов в нависшую над проволочными заграждениями молочную пелену. В полутьме видимость в направлении Дона составляла не более ста метров. Ночь прошла спокойно, и сейчас на вражеских позициях царила та же глубокая тишина: ни выстрела, ни шума машин – ни звука. Да и кому бы пришла в голову мысль вести войну при такой погоде!

Радуюсь возможности поразмяться, которую давал им густой туман, из своих щелей и блиндажей выползли первые промерзшие до костей пехотинцы и, по-кучерски похлопывая себя по плечам, принялись мелкими шажками семенить по полю. Уже вскоре рядом с окопами стали собираться по несколько человек, курить и болтать, выплескивая раздражение.

Ведь как все было: румынские дивизии направили на Восточный фронт лишь на полгода. Командование понимало, что их войска, и без того уже утратившие всякое желание воевать, дольше не продержатся. Уже давно было решено, что для пехотной дивизии, занимавшей средний участок линии фронта у Клетской, 18 ноября станет последним днем на Дону. Солдаты неделю за неделей считали дни до отъезда. Мыслями они были уже не в жутком чужеземном настоящем, а в будущем, где их ждала родина, ждали дети и жены, плодородные долины Добруджи, густые карпатские чащи, прелести бонвиванского Бухареста. Но из-за каких-то логистических неувязок дивизия, которая должна была прийти им на смену, вовремя не прибыла. К тому же в результате допущенной немецким управлением снабжения оплошности пайки на последние два дня были отчего-то направлены прибывающим, а не ожидающимся. Не было ничего удивительного в том, что солдаты ругались на чем свет стоит – ругались на скудную кормежку, на мерзкую русскую зиму, которая решила напоследок дать о себе знать, и на всю эту тягостную войну, которой они не желали и к которой не имели никакого отношения.

Чу!.. Вдруг раздается зловещий свист и разрастается в жуткую волну, накрывающую всю линию фронта... Слышны крики ужаса, предупредительные возгласы. И разражается гроза. Откуда ни возьмись из содрогнувшейся земли вырастает лес островерхих языков пламени, градом свистят осколки, сметая все на своем пути, по полю тянутся тучи серного дыма. Этот артобстрел в вялую зимнюю рань пришелся так неожиданно, так внезапно, что фронтовиков подвело даже их ни минуту не дремлющее чутье. Лишь часть ни о чем не подозревавших, грудившихся у окопов людей успела засечь угрожающий предупредительный шум и сиганула в укрытие; остальных скосило еще до того, как они осознали, что произошло.

Огонь усиливается. К бесчисленному множеству “катюш” присоединились орудия всех калибров. Взлетающие в воздух фонтаны земли вырастают стеной размером с дом; она приближается, идет по грохочущему минному полю на полосе обеспечения, раздирает проволочные заграждения, накрывает окопы и пулеметные гнезда, неся с собой обломки бревен, оружие и людские тела, и надвигается на позиции артиллерии. Все бурлит, свистит, воеет и грохочет...

Даже сама земля, распоротая и разодранная, покорилась адскому неистовству материи. Куда уж тут человеку!..

Артподготовка длилась около полутора часов и прекратилась так же внезапно, как началась. Несколько запоздалых снарядов, клекоча, пронеслись по воздуху и разорвались где-то вдали. Дым рассеивается, обнажая вывернутую, точно перепаханную гигантским плугом землю. От румынских позиций мало что осталось. Повсюду убитые, воцарившуюся тишину пронзают стоны и крики раненых.

Те, кому удалось выжить в окопах, пальцами цепляются за сырую землю, вжимаются в грязь лицом, сознавая, что в любой момент огненная геенна может разверзнуться вновь. Они собираются с мыслями, вернее, мысль у них прежде всего *одна*: “Все это могло быть уже позади, мы могли бы уже быть почти дома! И вот теперь – теперь еще и напоследок гибнуть здесь за этих чванливых, не видящих ничего за свастикой немцев?” Во всеобщем молчании это стремительное протрезвление превращается в стремительное решение: прочь, прочь из этого ведьмовского котла! Спасти свою шкуру любой ценой! И вот они вскакивают – сперва поодиночке, затем и группами. Бросить оружие, сбросить все, что мешает! Назад, назад! Они бросаются наутек, скачут по полю, словно зайцы, виляя между коричневыми воронками, падают, поднимаются, исчезают в тумане. То тут, то там раздаются гневные крики офицера, размахивающего руками и палящего им вслед из пистолета. Но как можно воспрепятствовать воле к жизни? Так что и офицерам под конец не остается ничего иного, кроме как сделать то, чего они еще не делали никогда, но в нынешней ситуации это единственный разумный выход: пуститься следом за своими солдатами.

Когда немного погода пошла в атаку русская пехота, на этом участке она почти не встретила сопротивления – лишь несколько разрозненных групп пытались сражаться, их быстро уничтожили. Тучи русских танков, выкатившихся из лесного укрытия, прошедших через собственные позиции и устремившихся прямо в атаку, прорвались далеко за линию неприятельской обороны.

Подполковника Унольда разбудила срочная радиogramма от танкового корпуса. Почти сорокакилометровая телефонная линия, соединявшая их, тут же оказалась вновь прервана.

“Противник атакует с раннего утра по всему румынскому фронту с мощной поддержкой артиллерии и танков, – прочел он. – Положение дел в настоящее время неясно. Стоит ожидать, что в отдельных местах танки прорвали линию обороны. Дивизия согласно приказа заняла отсечную позицию за 1-й рум. кав. див. вокруг высоты 218 и отбрасывает прорвавшегося неприятеля назад”.

– Допрыгались, – произнес Унольд, возвращая листок капитану Энгельхарду. – А теперь живее! Отдайте Кальвайту и Люницу приказ вступить в бой!

Майор Кальвайт руководил теми тридцатью танками, оставшимися в распоряжении дивизии; полковник Люниц командовал артиллерийским полком.

– Ориентировки просто превосходные! – возмущенно добавил он. – “Положение дел неясно” – как это вообще понимать? Позвоните-ка в румынский корпус!

– Кабель перебит два часа назад, – коротко ответил капитан, натягивая танковые штаны.

– Тогда свяжитесь по радио!

– По радио? С румынами? – сострадательно улыбнулся Энгельхард. – С ними нет радиосвязи!

– Да что ж такое! – не выдержал подполковник. – Для чего мы вообще тут сидим? Шмальфус! Подайте мою машину, и поторапливайтесь!

– Господин подполковник желали бы сами?.. – изумился Энгельхард. Он впервые видел, чтобы во время сражения начальник штаба дивизии покидал командный пункт.

– Так точно! Поеду сам! – завопил Унольд. – Я хочу знать, в чем там дело! Или вы надеетесь, что нас, может, генерал просветит?

На это капитан Энгельхард не надеялся. Но поскольку произнести это вслух было рискованно, он предпочел промолчать. В дверях подполковник столкнулся с обер-лейтенантом Бройером.

– Вы поедете с генералом, – проходя мимо, крикнул он. – И проследите за тем, чтобы... Ну, вы поняли!

Оба штабных легковых автомобиля с треугольными черно-бело-красными флажками сперва направились к румынскому штабу, располагавшемуся на хуторе Платонов. Генерал, облаченный в элегантное меховое пальто и фуражку с золотой филигранью, молча сидел рядом с водителем в большом сером лимузине марки “Хорьх”, окутанный дымом толстой бразильской сигары. Бройер, которого генерал не удостоил вниманием, расположился на заднем кожаном сиденье. Ориентировка, переданная штабом 1-й румынской кавалерийской дивизии, была скуднее некуда.

– Удивительно, как русские смогли подвести сюда всю эту артиллерию совершенно незаметно, – доложил немецкий офицер связи. – На нашем участке удалось отразить все атаки, но они велись без применения танков. Наши соседи слева, на которых, очевидно, пришелся основной удар, противнику, кажется, уступили, и неприятелю удалось осуществить прорыв. Более точных сведений нет. У нас нет с ними прямого соединения, а телефонная линия нашего корпуса повреждена еще с утра.

– Естественно, – озлобленно буркнул генерал. – Кроме того, нам могут быть не важны эти сведения.

Они продолжали путь. Автомобили обогнали несколько небольших колонн техники с орудиями, медленно двигавшихся в направлении своих новых позиций, и устремились к высоте 218.

Зондерфюрер Фрелих подготовился к кинопоказу на отлично. В церкви повесили большой экран; пробный пуск киножурнала показал, что изображение и звук на высоте. Теперь Фрелиху оставалось ждать возвращения Унольда и Бройера у себя на постое. С ним сидел капитан Эндрихкайт, чья полевая жандармерия удерживала толпившийся перед кинотеатром народ. Расстегнув мундир, он потягивал из трубки с крышкой зеленую махорку, к пряному аромату которой пристрастился, и уже в четвертый раз подливал себе из посуды дымящийся кофе. Золотисто-желтый пирог, самое совершенное чудо из всех чудес, которые только могли свершиться на крышке от кастрюли, к глубокому сожалению Херберта, все уменьшался. При этом с уст капитана не слетело даже слова одобрения – настолько он был погружен в беседу с зондерфюрером. Они уже успели поговорить о родине, о последнем отпуске – настал черед поговорить о войне.

– Видите ль, – в задумчивости протянул Эндрихкайт, – я ничего против войны сказать не хочу. Война была всегда и всегда будет...

Тут он с некоторым смущением вспомнил, что когда-то рассуждал иначе. Тогда, в восемнадцатом году, когда он возвратился домой, все еще ощущая в костях шквальный огонь Сен-Миеля, он, как и почти все вокруг, считал, что мнение может быть только одно: чтобы больше никогда такого не повторилось! Чтобы никогда больше не было войны! И вот ненароком оказываешься снова в нее ввязавшимся... Ввязавшимся по самые уши, вопреки всем благим намерениям. А все так неспешно, безобидно и мило начиналось... Пересмотр Версальского договора казался справедливым, а стороны – готовыми к примирению. Соседи будто бы шли навстречу – Австрия, Судетская область, Мемельланд пали, как падают спелые яблоки с дерева. Дать полякам по репе? Дозволительно: если верить Геббельсу, они и впрямь стали вести себя слишком дерзко. Да это, по сути, и была-то всего-навсего полицейская операция. Кроме них, все стояли по стойке смирно – ну, поглядите! На взятии Варшавы и Модлина все вообще могло закончиться: объявления войны оставались лишь на бумаге, а на деле мало что происходило. Однако

война была войной и ей и оставалась. И когда в конце концов Франция – та самая Франция, за которую некогда четыре года тщетно проливали кровь, – рухнула, точно от удара молнии, все вновь успокоились. Гитлер оказался парень не промах! Провернул все, умудрившись избежать повторения Вердена, Соммы и “брюквенной зимы”⁶. Отделался легко, почти без потерь. Та пара-тройка погибших, о которых он время от времени давал тщательный отчет, были, в общем, не в счет. То, что в тот момент именовали громким словом “война”, вряд ли можно было даже принимать всерьез – пока не заварилась эта каша с Россией... Эндрихкайт до сих пор хорошо помнил тот ужас, который пронзил его до костей, когда по радио передали невообразимую весть. С первого дня в воздухе витало некое дурное предчувствие. И хотя поначалу даже здесь дела шли довольно гладко, если соотнести с тянущимися в неимоверную даль просторами, продвигались они медленно. Где тут вообще был конец? У Сталинграда? На Урале? Или и впрямь только во Владивостоке? Начались контрудары, настала зима сорок первого, потом эта гнусность с Москвой... Фанфары умолкли, о потерях давно перестали сообщать. Они, черт побери, сами того не ведая, вновь угодили из череды бодрых походов прямо в эпицентр мировой войны, не зная, почему и как так получилось...

– Вот эта с Россией история, – произнес Эндрихкайт, пуская через стол клубы густого табачного дыма, – она мне совершенно однозначно не по нутру. Это ж была глупость откровенная!

На самом деле он лишь выразил мнение, к которому некоторые солдаты на Восточном фронте в тот момент пришли дорогой ценой. Но Фрелих придерживался иных воззрений.

– И почему же вы называете это глупостью, могу я поинтересоваться? – парировал он. – Может, нам следовало подождать, пока большевики сами бы на нас накиннулись? Русские уже давным-давно стремятся к единственной цели: добиться мирового господства.

– Вы это точно знаете, милейший? – отозвался капитан. – Да, я, конечно, понимаю, вам там в Прибалтике красные в печенках засели. Обошлись с вами и впрямь неласково. Но как они подготовились к войне? Что сделали? Построили несколько укреплений. Имели все основания, кстати. Но силы, взаправду необходимые для нападения – танки современные, авиацию настоящую... Они ж это все соорудили прямо на ходу! Нет уж, дорогой мой, не так все с ними просто!

Он вытащил большой носовой платок в серую клеточку, громко высморкался и задумчиво отер платком бороду.

– А что до целей, – продолжил Эндрихкайт, – сперва говорят: “Цель – уничтожить большевизм!”, а потом вдруг бац! И цель наша – “жизненное пространство”. Выясняется вдруг, что немецкий народ жить не может, если границы его пространства ближе Урала!

– Дух немецкий утвердится – целый мир оздоровится!⁷ – пафосным тоном вставил Фрелих.

– Но если представить, уважаемый, что мир вовсе и не болен? Видите ль, доктор-то направляется туда, куда его зовут... Неужто, будь вы крестьянином или управляющим угольями, вы хотели бы оказаться здесь? Иль, может, хотели бы быть лесником в этом нашпигованном партизанами лесу?

– Мы, балты, всегда были в авангарде культуры, – с особым усилием подчеркнул Фрелих. – Если уж на что и годна Россия, то исключительно благодаря нам!

– И в благодарность за ваш, без сомненья, совершенно бескорыстный вклад они вас выставили, – расхохотался капитан. – Вот уж нет, дружочек, нет, не так все просто! И что Адольфу и самому от своей затеи было несколько не по себе, вы наверняка могли заметить по

⁶ “Брюквенная зима” – во время голодной зимы 1916/1917 годов основным продуктом питания в Германии была брюква.

⁷ *Дух немецкий утвердится – целый мир оздоровится!* – завершающие строки стихотворения “Предназначение Германии” (1861) немецкого поэта Эмануэля Гайбеля, получившие распространение во времена Третьего рейха, несмотря на антивоенный пафос стиха.

тому, как он нам до последней минуты лапшу на уши вешал со своей так называемой восточной кампанией! Каких только слухов не ходило – Сталин, видите ль, присоединился к Тройственному пакту! Молотов затеял национальную революцию и просит у нас парочку дивизий – так, в качестве дружеской поддержки! Русские открыли проход к Ирану, вот уже несколько недель наши эшелоны идут по Украине! И кто же распространял все эти небылицы? Самые что ни на есть серьезные люди – парторги, предводители штурмовых отрядов, железнодорожники! Племянница моя, Эмма, писала мне из Берлина, что ее бумажная фабрика получила от партии заказ на две тысячи красных флажков с советской звездой к приезду Сталина! От партии, именно что на настоящем бланке с настоящей печатью начальника окружного отдела пропаганды! Для чего вот это все? Да потому что, видите ль, было ясно, что никто добровольно в эту войну ввязываться не будет! Что грядет большой скандал!

– Не позволит ли господин капитан, – крайне официально ответил Фрелих, – мне в этом отношении придерживаться совершенно иного мнения? Но сейчас это, впрочем, неважно. Наш фюрер посчитал эту войну необходимой для того, чтобы раз и навсегда уничтожить большевистскую чуму, и мы должны продолжать вести ее до победного конца!

– Да вот только видите ль, дорогой господин зондерфюрер, – добродушно-насмешливо произнес Эндрихкайт, – тут мы с вами вновь пришли к единому мнению. Мы эту кашу заварили – нам ее и расхлебывать. Нет никаких сомнений, что мы эту войну должны выиграть, даже если для этого придется снять с себя последнюю рубашку. И я, в общем-то, верю даже, что мы придем к какому-то более или менее разумному мирному договору. Но могу вам сказать одно: сидел я всю жизнь себе тихо в своем лесу под Йоханнисбургом и о политике думать не думал. И, наверное, ошибался. Но вот когда вернемся домой, придется нам в некоторых местах аккуратненько подчистить... Ну, что вылупились? Подлейте-ка мне еще чашечку кофейку!

Он вытащил из кармана внушительные никелированные часы.

– Черт подери, – переполошился он, – мы тут с вами уже почти два часа языком чешем!

Кто-то хлопнул дверью, голоса в сенях зазвучали громче. Вошел обер-лейтенант Бройер. Вид у него был усталый и злой.

– Слава богу, вы наконец прибыли, господин обер-лейтенант! – воскликнул Фрелих; ему было чему обрадоваться. – Кино готово, мы уже несколько часов ожидаем. Но времени еще достаточно, можно устроить отличный показ после ужина.

– Кино, кино! – возопил Бройер, скинув тем временем верхнюю одежду. Он навзничь упал на лежанку и уставился в потолок. – Кина не будет, мой дорогой!

– Это почему же это? – испугался Эндрихкайт. – Никак случилось что?

– Ничего особенного не случилось. Но и тем, что случилось, Унольд сыт по горло. Если вы ему сейчас под руку попадете со своим кино, он вас пошлет куда подальше.

– А не могли бы мы в таком случае без господина подполковника... – начал было Фрелих.

– Не могли! – оборвал его обер-лейтенант. – Мы не имеем права развлекаться, когда дивизия в бою – а может статься, вскоре нас ждут серьезные сражения!

– Тогда мне, видно, пора приказать моим мальчуганам распустить народ по домам, – озабоченно протянул Эндрихкайт. – Вот шума-то будет! Они же там уже три часа толпятся!

Он ненадолго вышел, чтобы отправить посыльного к церкви. Бройер встал и налил себе кофе. Заботливо припасенные для него унтер-офицером Хербертом два куса пирога его разговорили.

– Ничего из ряда вон выходящего в действительности не произошло, – продолжил он. – Опасения румын были оправданы. Русские перешли в наступление, и наступление настоящее. Стоявшие перед нами части румынской кавалерии держались безукоризненно, хоть по ним и пришелся серьезный артиллерийский удар. Но что происходило на левом участке – черт его знает. Там было подозрительно тихо. Танки Кальвайта бороздили их тылы весь день – от наших частей, которые должны были там дислоцироваться, не осталось и следа, зато с севера на юг

ведет широченная танковая колея! Что говорит генерал? “Ерунда!” – говорит он... Впереди в тумане видим скопление танков, штук тридцать-сорок. Две плюхи уложили прямо у нас перед носом, так что с генерала фуражка слетела! “Русские”, – позволил себе заметить я. – “Ерунда!” У него на все один ответ: “Ерунда!” Слышали бы вы, как неистовствовал Унольд, когда он ушел. Кричал во всеуслышанье, что с сумасшедшими работать невозможно.

– Хотите сказать, положение там у них может стать опасным? – спросил капитан Эндрихкайт. Бройер лишь пожал плечами.

– Унольд не на шутку взволновался. Прежде всего потому, что с румынами и танковым корпусом не было никакой надежной связи. Во всяком случае, наша группировка на высоте двести восемнадцать готова к любому развитию событий. Полковник Люниц выстроил на ближайшую ночь круговую оборону из зениток “восемь-восемь” и орудий помельче между ними. К ним даже в темноте ни один танк не приблизится.

– Что ж, господин обер-лейтенант, – ответил Фрёлих, – несколько прорвавшихся в тыл танков не представляют для нас ничего нового. Пару дней покружат, попугают народ – а потом у них топливо кончится, и мы их выкурим.

Обер-лейтенант стащил куртку.

– Не обижайтесь, господин капитан, – повернулся он к Эндрихкайту и на прощанье пожал ему руку. – Я чертовски устал.

– Ну, тогда пускай вам приснится фильм про Рембрандта, – пожелал капитан, кутаясь в овчину. – Хоть какая-то будет замена неудавшемуся сеансу!

Глубокая ночь. Вокруг крошечная тьма. По дороге, ведущей с Манойлина хутора, в деревню стремительно влетает мотоцикл. Пятно света пляшет по стенам и заборам.

– Стоять! Пароль!

Мотоцикл резко останавливается, падает, фара гаснет. Мотоциклист соскакивает и подбегает к часовому.

– Здесь штаб? – задыхаясь, спрашивает он.

– Здесь начальник штаба дивизии, – недоверчиво отвечает часовой. – А ты кто такой?

В наступившей темноте он не мог ничего различить. Но незнакомец, не обращая внимания, бросился мимо него в дом. Дежурный писарь вскочил с места, уставившись на позднего непрошеного гостя. Тот, едва переводя дух, облокотился на дверной косяк. Казалось, он вот-вот потеряет сознание. Это был совсем еще молодой вахмистр, без головного убора и без шинели, весь изодраный и с головы до ног перемазанный грязью. Спутанные волосы падали ему на лоб, на голове зияла кровоточащая рана.

– Начштаба, – только и мог выдавить он. – Мне нужен начштаба!

Из-за двери выглянул сидевший за работой капитан Энгельхард.

– Что случилось?

– Русские, господин капитан, русские! – задыхаясь, пробормотал молодой человек и в самом деле сполз по косяку. Энгельхард едва успел подхватить его и усадить на стул.

– Да успокойтесь вы для начала, – произнес он, наливая изможденному гонцу рюмку коньяку. Тот дрожащими, обессиленными руками поднес ее ко рту, затем сразу же опрокинул вторую. Постепенно он пришел в себя, и к нему вернулась связная речь. К тому времени к ним присоединился Унольд, набросив шинель поверх шелковой пижамы.

– Откуда же вы прибыли? – спросил он.

– Из Манойлина, господин подполковник. В Манойлине русские!

Унольд и Энгельхард переглянулись.

– В Манойлине? – переспросил подполковник. – Да как такое вообще возможно?

Капитан Энгельхард умоляющим жестом призвал его успокоиться и держать себя в руках.

– Расскажите обо всем спокойно и по порядку, – попросил он.

Вахмистр все еще не мог подобрать слов.

– Лежим мы в постели, ни сном, ни духом... И вдруг как грохнет! На нас крыша валится... И вся изба в огне! Я к окну, оттуда на волю... А там черт-те что творится! Полдервни горит! Всюду пальба, все носятся туда-сюда. Между домов русские танки... Стреляют по избам... Скачут наши кони из конного лазарета... Некоторые из горящих стойл так и не выбрались... Они кричали... кричали... Ужас какой-то.

Вахмистр снова теряет сознание. Еще одна рюмка коньяка приводит его в себя.

– Сколько примерно было танков? – спросил Унольд.

Вахмистр задумался.

– Может, шесть или восемь... А может, и двадцать, – неуверенно отвечает он. – Все, что я видел, были Т-34.

– И пехота?

– Да, и пехота!

– Сколько примерно?

– Этого сказать не могу. У всех были пистолеты-пулеметы.

– Просто отлично, – подытожил подполковник.

Энгельхард увел впавшего в полную прострацию юношу в соседнюю комнату; кровь у него из раны опять пошла сильнее.

– Отдохните сперва. На ночь вы останетесь здесь – возможно, вы нам еще понадобятся. Я позову врача, он вам сделает перевязку. А с утра поглядим.

С этими словами Энгельхард последовал за подполковником в другую комнату. Унольд стоял, склонившись над картой. Он был очень бледен, в глазах у него блуждали странные огоньки. Казалось, до него только сейчас дошло, о чем именно ему доложили.

– Черт возьми, вы только посмотрите на это! Манойлин! Да это же почти в тридцати километрах за линией фронта! Это гигантская дырища! Как такое вообще могло произойти? Ее ведь уже не залатать!

– Солдат, вне всяких сомнений, сильно напуган, – произносит Энгельхард. – Кроме того, ночью чувства обостряются. Возможно, в тылу сеют панику всего-навсего несколько прорвавшихся танков с горсткой пулеметчиков на броне.

Подполковник лишь качает головой.

– Не думаю, Энгельхард. Нет-нет, там случилась большая заваруха.

Он берет в руки линейку.

– От Манойлина до нас примерно пятнадцать километров. Пятнадцать километров укатанной дороги... И больше ничего!

Он поднял голову, бледный как смерть.

– Если они повернут на восток, через полчаса будут здесь! И мы здесь, на западном краю встретим их первыми! Немедленно поднимите весь штабной персонал и уведомите командный пункт! Нам необходимо срочно организовать хоть какую-нибудь оборону!

Сигнал тревоги пробудил Бройера от крепкого сна. Он не имел понятия, что на самом деле стряслось, но мог предположить, что начальник штаба дивизии не на шутку взволнован. По опыту он знал, что Унольду в такой момент лучше не попадаться, поэтому решил направиться в пункт связи. Там всегда можно было узнать последние новости – и, кроме того, там он мог лично удостовериться, было ли отправлено в штаб корпуса вечернее сообщение разведки.

В комнате начальника связи он встретил лейтенанта Визе.

– Как, и вы здесь, Визе? – удивленно и в то же время обрадованно воскликнул он и от души пожал товарищу руку.

– Чем же вы так удивлены, герр Бройер? – улыбнулся в ответ лейтенант. – Я же еще со вчерашнего дня вступил в должность начальника. Разве вы не знали?

– Так вас сделали начальником связи? Какая жалость, какая жалость... – протянул Бройер. – Не поймите меня превратно, дорогой мой, – тут же спохватился он, увидев, с каким изумлением воззрился на него лейтенант. – Разумеется, я за вас рад. Но мне удалось до такой степени удовлетворить Унольда, что он был согласен перевести вас в штаб на должность третьего адъютанта. Ведь и вы того же хотели... А теперь, видно, ничего не выйдет. Жаль, очень жаль!

– Что наши чаянья, что наши планы!⁸ – продекламировал лейтенант. – Кто знает, не изменилось бы в нынешней ситуации его мнение...

– И верно! – опомнился Бройер. – Есть у вас новости? Из-за чего тревога?

– Пока ничего не слышно. Может быть, учебная. Вечером по радио пришло лишь краткое сообщение от танкового корпуса о том, что с нуля часов сегодняшнего дня дивизия снова подчиняется одиннадцатому армейскому корпусу.

– Странно, – отозвался обер-лейтенант. – Но возвращаясь к теме третьего адъютанта: мне действительно жаль, что теперь уж наверняка ничего не выйдет с вашим назначением... Знаете, я частенько вспоминаю тот прекрасный воскресный день, который мы провели у вас в блиндаже под Городищем. Вы нам читали Гофмансталя и Рильке...

Бледное лицо лейтенанта как-то странно оживилось. На нем заиграла блуждающая улыбка, в которой чудилась нотка самоиронии.

– К чему нам всё – и эти игры тоже, —
Нам, кто, велик и одинок душой,
Бесцельные скитанья вечно множит,
Нам, много повидавшим?..⁹

произнес он и добавил:

– Да, вы правы, то был чудесный день. Кстати сказать, мне пришел новый томик Рильке, “Рассказы о Господе Боге”. Невеста моя недавно мне послала. Некоторые события оттуда происходят в России. Удивительно простая набожность, местами напоминающая Толстого. Эта книга заставит вас полюбить русских. Когда выдастся вновь спокойная минутка, обязательно почитайте.

– Весьма любезно с вашей стороны, – обрадованно отозвался Бройер, совсем забыв о цели своего визита. – Да, дорогой мой друг... Россия! Еще мальчишкой мечтал я о ее девственных просторах. Мне всегда казалось, что вся она сплошь зеленая и фиолетовая. Как часто я в мечтах сидел на берегу Волги...

– Где мечты, а где исполнение! – мрачно ответил лейтенант. – Вот они и сбылись, наши мечты. Не сбылись бы – мы бы Бога благодарили...

Когда-то штаб дивизии располагал целым подразделением пехоты, которое могло обеспечить его оборону. Оно носило гордое название “штабной роты”. В условиях Сталинграда было уже не до роскоши – существованию роты пришел конец. С тех пор осталось только дежурное подразделение, состоявшее из тех писарей, фурыеров и ординарцев, что не так уж требовались на рабочем месте и в случае тревоги могли взяться за оружие. Случай тревоги наступил впервые. Подразделение в составе примерно 80 человек заняло позицию в паре сотен метров от западной окраины деревни по обеим сторонам дороги, ведущей к Манойлину. Военные, большинство из которых муштра прусской службы практически обошла стороной, явно

⁸ *Что наши чаянья, что наши планы!* – ставшая крылатой строка из трагедии Шиллера “Мессинская невеста, или Братья-враги” (1803).

⁹ *К чему нам всё...* – Г. фон Гофмансталь, “Баллада внешней жизни” (1894). Перевод Ю. Корнеева.

не испытывали расположения к оружию и поначалу на чем свет стоит кляли тех, кто нарушил их ночной покой. Но как только фельдфебель Харрас распорядился выдать дополнительно по двадцать боевых патронов на каждого и сообщил, что настал наконец тот момент, когда и им, старым канцелярским крысам, придется показать, осталась ли в них хоть толика истинного солдатского духа, они поутихли.

Капитан Факельман, мебельщик из Висмара, окончивший Первую мировую свежеепеченным лейтенантом запаса, по своему роду занятий не находил ни времени, ни желания упражняться в мирное время в хождении строем, а потому к началу новой войны был понижен до третьеразрядного, не пользовавшегося особым уважением чина офицера для поручений. Крайне обрадовавшись, что таким образом он может как бы на законных основаниях не иметь ни малейшего представления о том самом пресловутом хождении, капитан с облегчением свалил все воинские обязанности на своего “исполняющего обязанности главного фельдфебеля”. Человеком, занимавшим эту должность – порождение гениальных умов Верховного командования вооруженных сил вермахта, – и был фельдфебель Харрас. Бросив гимназию почти перед самым выпуском, Харрас ступил на долгий путь военной службы в надежде когда-нибудь стать офицером. Но хоть на первый взгляд этот пергидрольный блондин с впечатляющей спортивной фигурой и соответствовал всем требованиям к офицерской должности, он каким-то образом умудрился уже дважды провалить офицерский экзамен.

Почему – никто толком не знал. Когда началась война, он надеялся достичь занимавшей весь его ум цели, показав себя на передовой. Но распределение в штаб до сих пор не оставляло ему никаких шансов. Однако это ничуть не останавливало фельдфебеля Харраса в его стремлении соответствовать недостижимому пока идеалу. Он носил элегантные сапоги для верховой езды, собственные – не казенные – брюки с замшевой отделкой и офицерскую фуражку, с которой он снял серебристую канитель. Говорил он отрывисто, немного гнусава, считая, что так и должен говорить офицер. Излюбленной его командой было “*Всем слушать сюда!*” – “*Alles mal herhör'n!*”, причем, стремясь казаться благороднее, он пропускал звук *r*, так что выходило невразумительное “*Всем хе-хё!*”, ставшее в штабе крылатым выражением, а солдаты прозвали Харраса Хехё.

И вот сегодня фельдфебель Харрас наконец ощутил, что его звездный час настал. Представилась та самая долгожданная возможность отличиться храбростью и организаторскими способностями. Он подготовился по полной программе: на голове начищенный до блеска стальной шлем, на шее полевой бинокль, в руках пистолет-пулемет, а на поясе – две ручные гранаты. С фонариком в руках он взбудораженно расхаживал среди солдат и отдавал последние поручения.

– Хе-хё! Без приказа никому не стрелять! Дать неприятелю подойти метров на двадцать-тридцать – и тогда сразу в бой! А если побегут – примкнуть штыки и за ними!

Тут он замер, глаза его сделались круглыми.

– Где ваш штык-нож, вы, размазня?

Лакош, до того момента в задумчивости возившийся с пулеметом, сперва недоуменно оглянулся, затем с трудом поднялся. Утопая в широком плаще, с обмотанным вокруг головы шерстяным шарфом, он соорудил фонарю самую глупую рожу, на которую только был способен.

– Я... Он... – тут он зашелся в приступе кашля. – Я... Да я... Он в машине, господин фельдфебель!

– В машине! Вы только поглядите! – протянул Харрас. – Ну разумеется, вы же у нас водитель, человек благородный... Вы сейчас пехотинец, поняли, недотепа? – заорал вдруг он. – Пехотинец! Вы вообще смысл этого слова понимаете? Пехота – это венец всей армии!.. Пехотинец без штыка! Чтобы завтра с утра явились в канцелярию. Три дня вам гарантированы!

Он сделал пометку в своей прославленной записной книжечке в переплете из бордово-коричневой телячьей кожи, неизменно торчавшей меж пуговиц его шинели, и направился дальше. “Придурок”, – отчетливо пробормотал Лакош, опускаясь обратно в сугроб, и вновь занялся затвором своего пулемета. Он был одним из немногих, кому пришлось вынужденно освоить это оружие, а потому Харрас доверил ему один из двух МГ-34, которыми располагал штаб. Вторым стрелком, в чьи обязанности входила подача патронной ленты, был Гайбель. Его выудили из лавки в Хемнице всего недель десять тому назад и отправили прямо в штаб после восьми дней обучения в полевом запасном батальоне. Для него пулемет оставался тайной за семью печатями.

– И что же будет, если на нас покатают танки? – с искренним волнением спросил он. – Разве с этой штукой против них пойти можно?

– Естественно! – ответил Лакош. – Надо только палить по визиру!

О том, что такое визир, Гайбель имел весьма смутное представление.

– А разве его ночью разглядеть можно? – усомнился он.

– Коли нельзя, – снисходительным тоном стреляного воробья ответил Лакош, – так крышку поднимаешь – и гранату туда!

– Но ведь у нас нет гранат, – с еще большим беспокойством отозвался Гайбель.

– Ну, значит, чего-нибудь еще... Кирпич! Они растеряются и повывезают. Или можешь штык свой в гусеничную цепь воткнуть. Тогда танк будет кружить по кругу, пока бак не опустеет.

Гайбель покосился на него с выражением явного сомнения. С Лакошем он никогда не мог понять, шутит тот или говорит всерьез.

Время шло, ничего не происходило. Был уже, наверное, пятый час. На смену холодной сырости туманного, сумбурного вчерашнего дня пришел снег. Торчать ночью на улице было занятием не из приятных. Зимней формы у них не было, войлочных сапог тоже еще не выдали. От водянистого снегопада они быстро промерзли до костей. Влага проникала даже сквозь плащ на подкладке, боевой дух стремился к нулю. Фельдфебель Харрас стоял посреди дороги с биноклем в руках и напряженно вглядывался в темноту. Внезапно ему показалось, что он слышит голоса вдали. Сердце его застучало, он наострил уши. Вот, снова! Это определенно были чьи-то голоса. Теперь уже до слуха его долетали и другие звуки, издаваемые марширующей колонной солдат. Спутать их было невозможно ни с чем. Вне всякого сомнения, они приближались! Сколько их? Рота? Батальон?..

– На позиции! – вполголоса распорядился он. Хриплыми, сдавленными от волнения головами солдаты передавали его приказ. – Целься!

Харрас был полон решимости позволить врагу – и пусть даже там был целый полк – приблизиться на максимально возможное расстояние, чтобы затем смести его внезапным огнем. Шум усилился. Помимо голосов, можно было различить звон посуды и лязг оружия. Казалось, враг перемещался совершенно беззаботно. Напряжение стало невыносимым. И вот!.. На мгновение среди редких хлопьев снега показались темные очертания группы людей. Они уже были близко! У Харраса до того дрожали руки, что он едва мог удержать у лица бинокль.

– Внимание! – подняв руку с зажатым в ней штыком, прошипел он... – И, внезапно опустив ее, крикнул: – Не стрелять! Отбой!

В бинокль ему удалось разглядеть белые меховые шапки. Это были румыны.

Рухнув с небес своих геройских мечтаний на землю отрезвляющей реальности, фельдфебель Харрас не мог позволить себе осрамиться перед своей же частью. Он сделал вид, будто именно их и ожидал увидеть, остановил эту достойную жалости, лишившуюся командира горстку солдат и подверг суровому допросу. Пришли они не из Манойлина, а с передовой 1-й румынской кавалерийской дивизии, рассеянной после того, как вечером русские неожиданно атаковали их еще и с фланга, и с тыла. Однако по дороге никаких русских им не попадалось.

Оставшаяся ночь прошла без происшествий. Ближе к утру дежурное подразделение сменили другие отряды, сформированные командованием из располагавшихся поблизости обозов. Уставшие и совершенно разбитые, солдаты двинулись на квартиры. Фельдфебель Харрас тоже подрастерял свой пыл. Ему вновь пришлось похоронить свои надежды отличиться. А еще – осознать, что какими бы элегантными ни были его сапоги для верховой езды, сшитые из тонкой кожи, они не вполне подходили для ночного кукования в холоде и сырости, да и вообще у войны, оказывается, были не только положительные стороны.

С самого утра валил снег. Стоило заняться заре, как в деревню потянулись румыны. Снежные хлопья покрыли их черные и желтые шапки из овчины, землисто-коричневые шинели, прилипли к кудлатым бородам и бровям, оставляя мокрые холодные следы. Они появлялись и поодиночке, и группами, большими и маленькими, выглядели устало и жалко, не говорили ни слова. У кого-то на обессиленном плече еще болталось оружие, кто-то, спотыкаясь, тянул за собой одинокий пулемет на колесах, но большинство постаралось избавиться от всего, что не могло защитить их от голода и холода. По обе стороны дороги были разбросаны противогазы, каски, остатки вооружения; часть из них еще выделялась на фоне снега яркими пятнами, часть уже была укрыта белым покрывалом. Жестяные ящики были доверху наполнены патронными лентами. Солдаты ковыляли, обмотав израненные ноги лохмотьями и мешковиной, опираясь на палки, приволакивая обмотанные затвердевшими от грязи бинтами простреленные конечности. Повезло тем, кому досталась лошадь – они где поодиночке, а где и вдвоем покачивались на спинах костлявых кляч. Еще больше повезло тем, кто смог примоститься на скрипучей крестьянской телеге, переложив свою тяжелую ношу на вконец заезженную кобылу, которая, преодолевая страдания, тащила вперед себя и перегруженный обоз, погоняемая криками и ударами. Поток солдат становился все гуще, все нереальней, невозможней, неудержимей, и гротескность этого сборища беглецов придавала ему некое сходство с армией призраков. Неужто восстала из мертвых разбитая Великая армия Наполеона?

Унтер-офицер Херберт и зондерфюрер Фрелих стояли у окна и обескураженно смотрели на тянущуюся мимо скорбную процессию.

– Это просто ужасно, – промолвил Херберт. – Какая участь нас постигла!

– Нас? – возмутился Фрелих. – Почему это “нас”? Вы что, не видите, что это румыны? С нами такого не могло бы произойти ни при каких обстоятельствах!

У беглецов желание было только одно: поесть и поспать. Несчастные, точно насекомые, расплзались по избам, сараям и хлевам. Но деревня была перенасыщена, словно мокрая губка, и ее возможностей ну никак не могло хватить на то, чтобы вобрать в себя еще и этот поток нечаянных постояльцев. Перед входом в лазарет и на продовольственный склад собралась толпа. Тот, кого еще держали ноги, продолжил свой путь на юг и на восток – прочь, подальше от тех мест, где ждали их танки и “катюши”.

На сеновале у того дома, где еще оставались русские и квартировался отдел разведки и контрразведки, яблоку было негде упасть. Бройер отдал румынам свои сени – так он надеялся что-нибудь узнать о том, что произошло на передовой. Но тщетно. Солдаты его даже не слышали. Они где стояли, там и упали и теперь храпели, навалившись друг на друга. Каждый, кто хотел войти в дом, вынужден был пробираться, наступая на гору переплетенных рук и ног, но спящие при этом даже не издавали и звука. От оттаивающих шинелей, сапог и перевязей исходило чудовищное зловоние. Снаружи у забора стояли на вахте Лакош и Гайбель, не давая завалиться внутрь еще кому-нибудь.

– Найн, найн! Комплетт, комплетт! – кричали они на том универсальном, всеми более или менее понимаемом, рожденном в смешении русских, румын, немцев, итальянцев и других народов языке, оттесняя стремящихся внутрь беглецов обратно на улицу.

– Все номера заняты! – поясняя ситуацию, прибавил Лакош. И, обращаясь к Гайбелю, сообщил:

– Вот видишь? Им воевать уже разонравилось. Они сейчас все по домам отправятся.

– По каким еще домам! – ответил Гайбель. – Кстати, и нам, видать, отправиться домой теперь не светит, – обеспокоенно присовокупил он, думая при этом о жене, которой приходилось одной тянуть на себе лавку, и о сынишке Эрнсте, которому был всего месяц от роду.

– Это почему? – изумился Лакош.

– Ну, раз они все поразбежались, надо же кем-то заполнить брешь! А поскольку мы здесь, наверняка нами прореху и заткнут.

– Слышь, ты! – одернул его Лакош. – Тоже мне, стратег! погоди, тебя еще генералом сделают!.. Глянь-ка вон на того жокея! – перевел разговор он и указал на босого румына в каске набекрень, ехавшего верхом на корове. Оторвав от земли примерзший полусгнивший мешок, Гайбель бросил его солдату. Тот по-кавалерийски ловко поймал его на лету. Чуть поодаль на главной улице послышался шум. С севера в переполненную деревню ворвался табун неоседланных лошадей, связанных четверками и шестерками, каждой из которых правил обозный. В вытаращенных глазах коней читался неистовый ужас, они вставали на дыбы и с грохотом врезались в машины. Копыта их разъезжались, лошади скользили и падали, утягивая за собой всю упряжку. По земле покатались кубарем люди и животные. Отовсюду раздавалось неистовое ржание, крики и стоны; полевая жандармерия палила в воздух; всех охватила паника. Румыны в меховых шапках теснились у дверей и внутри командного пункта: оттуда пахло едой и порядком. “Пайком будут обеспечены только укомплектованные отряды под предводительством офицера”, – значилось на дверях по-немецки и по-французски. Но разве ж кому это было понятно? Упитанный начштаба был в отчаянии. От постоянных криков у него окончательно сел голос.

– Нихт кушаит, нихт манже! – сипел он. – Кушаит колонн мит офицер! Зонст нихт кушаит!

Из задних рядов к нему, раздвигая ряды хлыстом, пробился невысокий смуглый офицер в коротком меховом полушубке, начищенных юфтовых сапогах на кривых, точно сабли, ногах и фуражке набекрень, нахлобученной поверх сверкающей черной шевелюры.

– Позвольте, капитан кавалерии Попеску! Приветствую! – Он протянул упитанному капитану через стол свою правую руку в перчатке. – Мне необходим немедля стойло, сено и овес для мои пятьсот лошадей из первая кавалерийская дивизия!

У капитана аж челюсть отвисла. Он давно уже был сыт по горло, а тут еще и этого с хлыстом принесло!

– И как вы себе это представляете, господин хороший? – процедил он. – Видите, что здесь творится? Какое мне дело до ваших лошадей!

Капитан кавалерии рассек воздух хлыстом и какое-то время громко ругался по-румынски. Вот они, господа союзнички: сперва рот разевают, а как припечет – так им и дела нет! Он тоже давно уже сыт по горло! Последняя капля в чашу его терпения упала еще вчера. Наконец ярость его обрела выражение и по-немецки.

– Мои лошади сражаться! – возопил он. – За кого они сражаться? За Гитлер! За Германия! А теперь им голодать и умирать от холод?

– Я комендант, а не директор цирка! – взвился толстяк, повысив голос настолько, насколько это еще было возможно. – Почему бы вам не забить свою скотину и не накормить людей?!

Он и не подозревал, насколько пророческими окажутся его слова. Коротышка-капитан побагровел. Кого тот назвал скотиной – его драгоценных лошадей? Это истинное чудо селекции? Скормить эти благородные создания, каждое из которых стоило целое состояние, гряз-

ным крестьянам? Такое предложение нельзя было даже расценивать как каннибализм – это было настоящее богохульство, и оно могло лишь сорваться с уст варвара.

– Это неслыханно, герр капитан! – взвизгнул он. – Неслыханно! Я буду применить сила, вы это понимать? Сила! Я реквизируют всё... Всё!

И, чертыхаясь, он скрылся в толпе.

– Желаю приятно провести время! – крикнул ему вслед капитан. “Какое нам дело до этих свинопасов?” – думал он, как и зондерфюрер Фрёлих.

По комнате начальника штаба дивизии, широко шагая, прохаживался из угла в угол генерал. Подполковник Унольд стоял, опершись кулаками о стол с развернутой на нем большой картой и устремив невидящий взор в окно. Лицо его было бледнее обычного, резкие складки в уголках рта казались глубже. Внезапно он решительно обернулся.

– Господин генерал, необходимо дать приказ об отступлении, – решительно произнес он. – Расположенные на возвышенности зенитные орудия остались без какой бы то ни было поддержки со стороны пехоты. Еще немного – и у них кончатся снаряды, а значит, мы их потеряем. Высоту окружили уже с трех сторон. Еще полчаса – и может быть поздно!.. Не исключено, что уже поздно, – нервно прибавил он.

– Не надо меня поучать, Унольд! – раздраженно оборвал его генерал. – Я вам уже много раз объяснял, что я не буду отдавать такой приказ. Высоту необходимо удержать – и она будет удержана! Вы знакомы с приказом фюрера?!

– Приказ, согласно которому даже для отвода небольших формирований требуется разрешение фюрера – если господин генерал имеет в виду этот приказ, – был продиктован особыми условиями, сложившимися прошлой зимой. У нас нет резона придерживаться его сейчас.

– Вы что, осмеливаетесь критиковать решения фюрера? – вскипел генерал. – Каждый его приказ для меня священен, понимаете? Священен!

В области своей юрисдикции Унольд, полагаясь на опыт великих полководцев, признавал только железные законы военной тактики. Для него существовало лишь ясное, трезвое рассуждение и холодный расчет.

– Лежащая на мне как на начальнике штаба дивизии ответственность вынуждает меня со всей настойчивостью объяснить вам, что упрямо... – губы его дрожали, когда он произносил эти слова, – именно что упрямо цепляться за высоту двести восемнадцать с позиций военного дела – просто бессмыслица! Даже удержав высоту, мы не сможем препятствовать наступлению русских.

Генерал остановился напротив него, потрясая кулаками.

– Вы хотите, чтобы я попал под трибунал?!

Лицо Унольда застыло, лишь в глазах его горел устрашающий огонь.

– Речь идет не о судьбе господина генерала, – отрезал он, – не о моей судьбе и не о судьбе любого другого солдата. Речь единственно может идти об исполнении нашего воинского долга. Ради этого я готов пожертвовать чем угодно. Однако недальновидный приказ господина генерала не просто ставит под угрозу его исполнение, а грозит нам настоящим бедствием. Господин генерал готов дать врагу уничтожить целое артиллерийское подразделение с дорогостоящим вооружением, и прежде всего с зенитными орудиями “восемь-восемь”, которых нам уже сейчас катастрофически не хватает! И ради чего? Впустую... Впустую, совершенно впустую!

– Совершенно впустую? Геройский подвиг подразделения, сражавшегося до последнего бойца и последнего патрона, всегда будет служить дивизии примером!

Подполковник окончательно утратил самообладание. Слышать такие слова из уст этого трепла! Священный сан гения примерил на себя какой-то шарлатан! Его прорвало, как плотину. Унольд ударил кулаком по столу так, что аж карандаши подпрыгнули, и закричал:

– Я больше не намерен участвовать в этом представлении! Либо мы командуем, как подобает ответственным военачальникам, либо размахиваем руками и бросаемся громкими словами! Но так мы проиграем войну, господин генерал!

Генерал побагровел. Под румянцем проступили пунцовые вены, налились кровью белки его отвратительно округлившихся глаз. Он раскрыл рот, глотая воздух, точно рыба на суше. “Сейчас его хватит удар”, – с надеждой подумал Унольд. Но внезапно кровь отхлынула от сдвнувшегося генеральского лица, и оно вновь обрело свой привычный желтый оттенок; генерал опустился на стул, обхватил голову руками и съежился. Повисло долгое молчание. Наконец он поднял взгляд. Вид у него был, как у выжатого лимона.

– Не будет у вас рюмки коньяка, Унольд? – изменившимся тоном спросил он. – Нервы мои в последнее время опять расшатались... Думаю, мне надо дать себе отдых.

Он медленно поднялся, протер глаза и взял в руки фуражку.

– Скажите Люницу, – бросил он на ходу, обращаясь к двери, – пускай делает, что хочет... Все и так бессмысленно.

Подполковник бросил ему вслед уничижительный взгляд и схватил телефонную трубку, чтобы отдать командиру артиллерийских частей полковнику Люницу приказ немедленно оставить высоту 218. Но связи не было.

Глава 3

Отступление – на восток!

Штаб дивизии пустился в бега! Иными словами то, сколь поспешно они покинули Бузиновку, назвать было нельзя. Ранним утром, как только послышались первые залпы советских орудий, подполковник Унольд отдал приказ штабным подразделениям немедленно отступить любым удобным путем и собраться в деревне в паре километров к востоку. Несколько машин уже прибыли на место и остановились на главной улице деревни.

Ночью ударил сильный мороз. Дул пронизывающий восточный ветер; окна крестьянских домов покрылись толстым платком инея. В рядах толпившихся рядом с машинами солдат и офицеров царило глубокое непонимание происходящего. До этого дивизия знала лишь победоносное наступление и тяжелые, кровопролитные, но все же неизменно приносившие победу оборонительные бои. А теперь – отступление? Такого нельзя было и представить! Еще вчера они смеялись над румынами... И вдруг узрели реальное положение вещей, осознали, прочувствовали весь его ужас, но еще не могли этому поверить. Был и еще один нюанс: крохотное, почти незаметное словечко “восток”. Оно засело где-то очень глубоко и очень крепко и представляло собой бомбу замедленного действия. Даже зондерфюрер Фрелих, обычно пребывавший в непоколебимой уверенности относительно правильности их курса, был словно парализован. Рот его был приоткрыт, скуластое лицо осунулось, глаза чуть навыкате, взгляд блуждал. Из-под обледенелых усов Эндрихкайта торчала неизменная трубка, однако и та не дымилась – но капитан этого даже не замечал.

Унольд взволнованно расхаживал неподалеку. Он был небрит, а лицо его – до того серым, что могло потягаться с замызганным кожаным пальто.

– Да господи боже! – вскричал он. – Где же носит этого Факельмана? И Зибеля с его лавочкой! И Харрас с полевой кухней все еще не прибыл! Тошнит меня уже от этого... Надо двигаться дальше! Здесь нас в любой момент могут сцапать русские!

Замыкали колонну автобус и легковушка Бройера. Унтер-офицер Херберт и ефрейтор Гайбель зашли в один из домов, чтобы погреться. Бройер, ежась от холода, вышел из машины поразмять ноги. Накануне вечером выдали войлочные сапоги. Ему досталась отличная пара, с кожаными носками и подошвами, но они оказались ему малы. Он даже не сумел их натянуть. Несчастье, свалившееся на дивизию, как гром среди ясного неба, взволновало и Бройера. Перед глазами его вновь мелькнули представшие утром картины: как после первого удара “катюш” рядовые, размахивая руками, с воплем покатались вниз с холма; как истекал кровью румын, которому оторвало конечности попавшим прямо в сеновал снарядом; как рыдала женщина с ребенком на руках; как посмотрел на него мужик, пускаясь наутек с узлом в руках... Его взгляд будто бы говорил: “Видишь, старина, я знал, что так и будет!” Деревня полыхала, люди в суматохе сновали туда-сюда, неслись куда-то автомобили по затянутой дымом, изрытой минами дороге; мчалась прочь лошадь со вспоротым брюхом, таща за собой кишки... Вдруг Бройер расхохотался. Внутреннему взору его вновь предстал подполковник Унольд, скрючившийся на усыпанном известью и осколками полу. Задница его торчала в выбитой ударной волной оконной раме. В ушах обер-лейтенанта по-прежнему звучал растерянный голос командира: “Черт подери, кажется, пора уносить ноги!”

Хорошо, что им еще было над чем потешаться...

– У вас как будто все хорошо, герр Бройер! – прервал его размышления голос молодого офицера.

– А, герр Дирк! – Бройер протянул руку военному в белом маскхалате, бесшумно подкрадываясь к нему в войлочных сапогах. – Ну и в лепешку же мы угодили! Вам хоть удалось вывезти ваши пулеметишки?

– А как же иначе! – отозвался лейтенант, командовавший батареей четырехствольных зенитных установок. – Но сам я чуть не увяз в этих проклятуших колодцах!

С этими словами он указал на новехонькие сапоги, которые ему были явно велики.

– Снимайте их, смелей! – воскликнул Бройер. – Может, мы могли бы поменяться?

– Генерал! Где генерал? Кто-нибудь видел генерала? – раздалось впереди. Кричал Унольд, в очередной раз обходивший колонну. Он приблизился к полуразутому Бройеру, скакавшему на одной ноге.

– Вы должны немедленно вернуться, Бройер. Уверен, что генерал по-прежнему в Бузиновке. Передайте ему, что мы выдвигаемся в Верхне-Голубую, и, если можно, захватите его с собой!

Бройер натянул второй сапог, похлопал по плечу лейтенанта Дирка, который был явно доволен обновкой, и запрыгнул в машину. На выезде из деревни он наткнулся на капитана Факельмана. Тот был блее мела, а струившийся со лба его пот был холодным.

– Парни, парни, вот я угодил! – еле переводя дух, вымолвил он. – Прямо в руки этим негодьям... Они ко мне на своих клячах подобрались метров на тридцать уже! Ох, парни!

С этими словами он указал на следы от пуль на капоте. Вдали на вершине холма гулял ветер, по земле вилась поземка. Справа от него в низине располагалась Бузиновка. В нескольких местах над деревней взмывали языки пламени. Чуть поодаль, на дороге, заняла позицию зенитка “восемь-восемь”. Не обращая внимания на огонь, который вела с противоположного склона пехота, расчет не отходил от орудия ни на шаг и стоял, подняв воротники и сунув в карманы руки. Лакош притормозил и высунул голову из окна.

– Автомобиль с флагом дивизии не проезжал? И с ним две бронемашины?

– Не, – ответил командир зенитчиков, не вынимая изо рта сигареты. – Но мож статься, мы не видели. Мы тут отвлеклись немного.

Бройер вышел из машины и проследил, куда именно смотрел уставившийся перед собой мужчина.

– Ах ты ж тысяча чертей, – вырвалось у него. – Вот это да!

Через гребень холма по ту сторону хутора, точно сироп, лился поток вражеских сил. Кавалерия!

– Все не так плохо, господин обер-лейтенант, – ответил командир орудия, – они так уже в третий раз за сегодня развлекаются.

– Так не хотите ль вы по ним разок-другой врезать?

– Погодите, пусть они сначала все на эту сторону переберутся! Тогда хоть смысл в нашем ударе будет...

Лакош, которого появление русских волновало куда меньше, чем обер-лейтенанта, смотрел в это время в другую сторону.

– Вон они, внизу! – воскликнул он, указывая на горящие провиантские склады на подъезде к хутору. Бройеру удалось различить две бронемашины. Чуть поодаль, у стены, стоял и генеральский лимузин. Лакош покатыл вниз по склону на холостом ходу. Одетый в землисто-серую дубленку с широкими отворотами генерал стоял посреди дороги, подняв бобровый воротник. Ни брошенные автомобили, ни пробегающие мимо него в панике солдаты, ни русские военнопленные, безнадзорно бродившие по окрестностям, его не волновали. Не волновал его и свист пуль, и звон проносящихся высоко над ним зенитных снарядов, пробивавших жуткие бреши в коннице по ту сторону поселения. Он глядел на танкистов, которые в этот момент как раз выволакивали из дымящегося остова провиантского склада окованный железом ящик.

– Опять бордо! – вознегодовал он, прочтя, что на нем написано. – А ну давайте-ка еще разок! Где-то же должен быть еще ящик коньяка!

И внимательно осмотрел ящички с сигарами, которые только что поднес ему солдат.

– “Карл Пятый”! – безрадостно хмыкнул генерал. – Ну что ж, если выбора нет, и эти скрутить можно... Но уж постарайтесь отыскать еще пару ящичков бразильских! Они неизменно хороши!

Обер-лейтенант Бройер уже какое-то время наблюдал за происходящим, не находя слов.

– Господин генерал! – наконец взял себя в руки он. – Подполковник Унольд докладывает, что...

– Вы-то что здесь забыли?! – подскочив, обернулся генерал.

– Штаб отступает дальше к Голубой. Мне поручено...

– Да мне насрать, куда там катится этот штаб! – покраснев от злости, рявкнул генерал. – Катитесь и вы отсюда к чертовой матери!

И хотя Бройер понимал, что приказ ему удастся исполнить лишь в общих чертах, он посчитал, что на этом его миссия выполнена. Не говоря ни слова, он зашагал к машине. Где опять носит этого проклятого шофера?

– Лакош! – крикнул он. – Лакош!

Тут он увидел, как в дыму, валящем из догорающего склада, показался знакомый силуэт. Лицо коротышки было черно от дыма, карманы плаща туго набиты, под мышками зажаты два ящика с сигарами. Бройер, как ни сдерживался, приснул со смеху.

– Хорошему сухарю печка не страшна, – пояснил Лакош, сгружая ящики на приступку автомобиля, – а вот шоколад, увы, наполовину оплавился!

Из карманов штанов он выудил три банки консервов и бутылку “Мартеля”.

– Кстати, сигары-то бразильские, – прибавил он. – Господин генерал ведь говорил – они неизменно хороши!

Пристанищем, которое отвел отделу разведки и контрразведки фельдфебель Харрас, оказалась одна из так называемых “финских палаток”, что располагались немного поодаль от станции Верхне-Голубой, в невысоком сосновом бору. Эти круглые постройки состояли из деревянного каркаса, обитого каким-то картоном с водоотталкивающей пропиткой. Тепла в них хватает, только если они наполовину зарыты в землю, но тут строителям явно было не до таких стараний. Издалека эти хижины походили на деревню кафров.

Унтер-офицер Херберт и ефрейтор Гайбель запаслись дровами и затопили маленькую буржуйку, но ледящий ветер, дувший в каждую щель, разгонял все тепло. Зондерфюрер Фрелих, укутавшись во все свои одеяла и шинели, храпел на тощей соломенной лежанке, оставленной предыдущими постояльцами. Так как нынче ему не удалось найти применения своему оптимизму, он принял решение по возможности проспать критический момент. Бройер, которого Унольд весь день гонял по разным адъютантским поручениям, по новому своему месту пребывания появился лишь под вечер.

– Вот дыра унавоженная! – чертыхнулся он. – До штаба пятьсот метров, а связи по телефону нет. По мне, пускай так и будет! По крайней мере, оставят нас в покое.

Поставив войлочные сапоги сушиться к буржуйке, он, в чем был, не снимая даже фуражки, шлепнулся на охапку вонючей соломы и тотчас же уснул. Заботливо прикрыв его всеми свободными одеялами, Лакош поинтересовался ужином.

– Паек с сегодняшнего дня укорочен вполтину. Обоз так и не вернулся, – ответил Херберт. – Приятного аппетита!

– Этого еще не хватало! – воскликнул Лакош. – Что ж, тогда придется вот из этого телячье жаркое устроить!

Он извлек из кармана консервную банку и протянул Херберту. Присев у печки на вязанку дров, он сдвинул фуражку на затылок и потер руки. Гайбель восседал на козлах, которые притащил невесть откуда, и рылся в потрепанном бумажнике из искусственной кожи.

– Ты, кстати, сегодня с полуночи до двух на посту, – бросил он мимоходом.

– Кто? Я? – возмутился Лакош. – Хехё совсем, что ль, рехнулся? Сперва гоняет нас весь день туда-сюда, а потом еще и ночью на вахту ставит? И речи быть не может!

– Может, это вместо тех “трех суток”, которые он тебе давеча сулил, – предположил Гайбель, рассматривая в свете огня фотографию. – Вот, погляди, – гордо сказал он. – Это моя жена!

Настроение у Лакоша было испорчено. Он с неохотой бросил взгляд на карточку. На ней была пышнотелая молодлица, которую можно даже было назвать симпатичной.

– Чересчур хороша для такого чурбана! – буркнул он.

Гайбель воспринял это как комплимент и, желая отблагодарить, поинтересовался:

– А у тебя нет с собой никаких фотокарточек?

– Я тебе что, альбом? – взвился Лакош, но потом все же вытащил из солдатской книжки потрепанное паспортное фото и протянул ефрейтору.

– Так не годится, – ответил тот. – Это ж ты!

– Угадал, молодчина!

– Штурмовик? – изумился Херберт, глянув Гайбелю через плечо. – Хотя нет, НСМК¹⁰, верно? Шарфюрер, ничего себе!

– Ничего от вас не утаить, – сухо заметил Лакош.

– Я ведь тоже партийный, – как-то жалобно протянул Гайбель, возвращая снимок. – Я поначалу и не рвался особо, но жена покоя не давала. А сейчас оно даже и к лучшему, все равно клиенты наши все...

– Вот чего-чего, а этого мне не требовалось, – подчеркнул Херберт. Он за это время уже нарезал колбасу из банки и теперь жарил ее над огнем на крышке от кастрюли. – Какая кому разница, партийный его зубной врач или беспартийный!

– Хорошенькая у вас точка зрения, – отозвался Лакош, листая солдатскую книжку. Херберт воспринял это на свой счет.

– Ты еще скажи, что ты себе добровольно каждое воскресенье дежурствами отравляешь.

Лакош убрал удостоверение и возмущенно взглянул на Херберта:

– Конечно, добровольно! Ты себе, видно, и представить не можешь, что кому-то есть дело до жизни простых рабочих?

– Кто б жаловался! Ты на своих разъездах заработал достаточно!

– А я и не про себя говорю. Но ты только погляди на силезских шахтеров! Мой отец горняком был, и знаешь ли... Им не до смеха!

– Ага, а с тридцать третьего у него, значит, жизнь наладилась?

– Нет, – растерялся Лакош. – Не наладилась... Умер он давно... Но у других-то! – вновь оживился он. – У других много чего изменилось, могу я тебе сказать! А если б они не навязали нам эту войну, так мы бы в Германии уже и социализм построили!

– Если бы да кабы, – издевательски произнес Херберт. – Если б ты не прихватил консервов, нам бы сейчас жрать нечего было! На, бери кусок, социалист хренов!

Он пододвинул коротышке крышку, от которой исходил запах горелого жира. Достав из кармана алюминиевую ложку и кусок сухаря, Лакош принялся за еду.

– Вот как все с этой войной на деле обстоит, – продолжил он, двигая челюстями. – Почему ее те развязали? Потому что им завидно было, что у нас социализм, вот почему! И только поэтому! Но запомни: стоит нам только победить, вот времена наступят! Адольф все банки и тресты поразгонит, да и вообще всех капиталистов вместе взятых. Все социализирует!

– Все социализирует? – испуганно переспросил Гайбель. – И лавки наши тоже?

– Да сдались ему твои лавчонки, телячья твоя башка! – с презрением в голосе отозвался Лакош. – Тут тебе не коммунизм!

¹⁰ НСМК (НСКК) – Национал-социалистический механизированный корпус, полувойсковая организация в составе НСДАП.

– Так и крупные предприятия не сдались тоже, – возразил Херберт. – Ты что же, считаешь, что Гитлер им позволит на войне нажиться, только чтоб потом все у них отобрать?

– Да что вы понимаете! – разошелся Лакош. – Или вы, может, думаете, “национал-социализм” и “рабочая партия” – это просто слова такие красивые? Адольф и сам был простым рабочим. Говорю вам, своих он в беде не оставит!

В дверь просунул голову постовой.

– Эй, меня тут менять кто-нибудь собирается? – поинтересовался он. – Десять минут первого!

Ругаясь на чем свет стоит, Лакош поднялся, напялил каску, схватил ружье и вышел на мороз. Разговор его и в самом деле взбодрил, поэтому бросать его на середине было жалко. Он принялся неторопливо расхаживать между землянками, из которых доносился приглушенный храп и свист. В нем пробудились воспоминания о далеком прошлом, позабытом в стремительном течении солдатской жизни. Подумалось об отце, которого вот уже шесть лет как не стало. Воспоминания о нем были смутными – виделись они редко. Тот либо работал в дневную смену, либо, если работал в ночную, днем спал. Но вот по воскресеньям он порой, взяв маленького Карла за руку, бродил вдоль раскопа, показывал ему мрачные своды углемоечного цеха, высоченный копер, на котором крепился тросовый барабан лебедки, огромные отвалы, переплетенье путей, между шпалами которых грудилась угольная мелочь, рассказывал о тяжелом подземном труде, а стало быть, и о будущем – о тех временах, когда шахта наконец-то будет принадлежать рабочим и они заживут вольной, достойной жизнью. Он рассказывал сыну о Ленине, который хотел освободить рабочих всего мира от оков. Мальчику, росшему в огромном, топившемся по-черному доме, где под одной крышей ютилось множество бедных семей, в душу запал этот образ будущего мира, в котором будет солнце, воздух, яркие краски и непременно белый хлеб на столе. Он вместе с другими мальчишками носился по улице, выкрикивая “Да здравствует Москва!”, кидался в полицейских камнями из укрытия и мелом рисовал на стенах советские звезды. Улюлюкая, отбивая такт в ладоши и горланя песни, он бежал впереди отряда, когда через их квартал проходил отряд “Союза красных фронтовиков” в зеленых гимнастерках и с музыкантами-шалмейщиками¹¹ во главе... Потом наступил тридцать третий год. Карлу тогда уже стукнуло четырнадцать, но на вид было по-прежнему десять. Свершилась “Национальная революция”, и его забрали в гитлерюгенд. В отряде и в школе ему вбили в голову, что фюрер создаст теперь “фольксгемайншафт”¹², и фольксгемайншафт этот “сбросит путы долгового рабства”, последует освобождение рабочего класса, и создастся мощная, великая держава, в которой будет царить социальная справедливость. Когда он вдохновенно пересказывал это дома, отец, которого преждевременно состарила непосильная работа, реагировал в лучшем случае презрительным смешком, а то и вовсе таскал его за нос. Они все больше отдалялись, отец начинал казаться ему чужаком, каким-то странным пережитком прошлого. Карл не понимал, как можно было восхищаться чем-то, чего и вовсе не было – как этим самым Лениным, давно уже умершим, – и не видеть при этом, а может, и не хотеть видеть,

¹¹ *С музыкантами-шалмейщиками* – Шалмей (шалмай) – деревянный духовой музыкальный инструмент, с двойной тростью, распространенный в Средние века и эпоху Возрождения. Отличается большой громкостью.

¹² *Фольксгемайншафт* – “народное единство”, термин, вошедший в оборот в Германии еще в конце XVIII – начале XIX вв. В частности, его употребляет социолог Фердинанд Тённис в книге “Общность и общество”, противопоставляя биологическое (расы, народы, племена) и социологическое (строящееся на отношениях) единство, т. е. общность, людей. К началу XX в. понятие стало употребляться для обозначения гармоничного общества, преодолевшего стадию классовой борьбы, и после Первой мировой войны широко использовалось различными политическими партиями. После прихода к власти национал-социалистов оно радикально изменило значение и с тех пор употреблялось в значении “жизненная общность народа, основывающаяся на кровной связи, общей судьбе и общих политических убеждениях, которой чужды классовые и сословные противоречия. Народное единство – исходная точка и цель мировоззрения и государственного устройства национал-социализма” (из определения, данного в “Народном Брокгаузе” в 1943 году: *Der Volksbrockhaus A – Z*, 10. Auflage, F. A. Brockhaus, Leipzig 1943, S. 741). Во избежание смешения понятий термин, имевший хождение во времена нацистской диктатуры, на русском языке обычно передается через транскрибирование: “фольксгемайншафт”.

как прямо в родной стране свершается великое чудо. Ну и пускай старик верит в этого своего Ленина, коль ему от этого легче! Хоть бы он нос на улицу высунул да поглядел, что творится! Но нет, он повсюду твердил, что Гитлер это война – и прочую подобную чепуху. Однажды его наконец схватили и упекли в концентрационный лагерь. Прошло несколько недель, и пришла короткая телеграмма: “Застрелен при попытке бегства”. Лакош помнил тот скорбный день, как вчера. Мать, побледнев, все глядела на карточку, не в силах ни расплакаться, ни вымолвить хоть слово; он же рыдал что есть мочи от боли и гнева. Как же мог его старик так безрассудно поступить – бежать! Что с ним могло такого страшного случиться? Два месяца работ да немного политподготовки, которая ему наверняка бы не повредила. И из-за этого рвать когти? Но что произошло, то уже произошло. Отцу не суждено было застать новый порядок, который наверняка заставил бы его примириться с властью. Два года спустя, когда Карл пошел служить в механизированный корпус, они с матерью не на шутку повздорили. Изможденная женщина, после гибели отца замкнувшаяся в себе и ставшая несколько с причудами, пришла в такую ярость, какой ему еще никогда не доводилось видеть. Называла его классовым врагом, кричала, что он предал память отца. Он в гневе покинул дом, чтобы больше никогда туда не возвращаться. Лакош регулярно слал матери короткие неловкие письма, в которых сквозила плохо скрываемая любовь, и каждый месяц отправлял деньги, даже с фронта. Но ответа никогда не получал. Настоящее мученье! Если бы дома не ждала его маленькая смуглая чертовка Эрна, это было бы просто невыносимо...

Вдруг он прислушался. Где-то позади него раздались выстрелы. В деревне зажглись огни. Оттуда доносился шум и звуки голосов. Подъехал мотоцикл.

– Тревога! – издали закричал посыльный. – Русские танки в деревне!

Лакош заскакал от землянки к землянке, точно резиновый мячик.

– Тревога! – кричал он сквозь затворенные двери. – Тревога!

Из хижин показались заспанные офицеры и загрусили к месту сбора перед бомбоубежищем, в котором располагался начальник штаба дивизии. Туда же поспешили и еще не протерший глаза обер-лейтенант Бройер с пулеметом на шее, и зондерфюрер Фрелих, и Херберт с Гайбелем. Перед бомбоубежищем царил хаос: смешались танки и машины, кричали и размахивали руками люди. Фельдфебель Харрас напрасно пытался призвать всех к порядку. Среди толпы носился растрепанный Унольд с непокрытой головой.

– Где Кальвайт? – кричал он, захлебываясь. – Кальвайт!!!

– Здесь! – пробасил майор.

– Кальвайт, выдвигайтесь! Судя по всему, с юга прорвались танки!

Майор и три его танка умчались в заданном направлении. В нервном ожидании прошло минут пятнадцать, и он вернулся.

– Все чисто! – доложил он. – Брехня!

– Господь мой Спаситель, – простонал Унольд чуть ли не со слезами в голосе. – С ума можно сойти! Еще три дня таким манером – и ко мне впору будет санитаров вызывать!

После ложной тревоги спать идти никому не хотелось. Офицеры собрались в просторном бомбоубежище, которое уступил штабу связьбат. В тусклом свете свечей они сидели и стояли вокруг в надежде узнать, каково положение вещей. Перед подполковником Унольдом стояла бутылка коньяка, время от времени он делал из нее большой глоток. Видно было, что коньяк его успокаивает, хотя по его бледному лицу все еще время от времени пробегала мрачная тень того волнения, что ему пришлось пережить.

– Итак, о положении вещей, – произнес он, проводя рукой по лбу. – Что можно сказать о положении вещей... Вы и сами видите... Натек-ка, выпейте по глоточку! Хотя бы один ящик генерал нам оставил.

Обстановка незамедлительно разрядилась.

Майор Кальвайт, вытянув ноги, сидел у стола и разглядывал на просвет свой стакан.

– И то верно, – сказал он. – До меня там всякие доходили слухи... Что же стряслось с нашим генералом?

– Дал деру.

– Как – деру?

– Вот так, деру! Просто взял и свинтил, да еще и прихватил с собой “хорьх” и половину нашего провианта.

Все загудели.

– Что же, вот так вот и сбежал? – изумился молодой офицер. – Да это же... Это же дезертирство!

Капитан Энгельхард приструнил его взглядом. Бесцеремонность Унольда задела его за живое.

– Господин генерал страдает тяжелым нервным расстройством, – подчеркнуто беспристрастным тоном сообщил он. – Внезапно возникла необходимость в отдыхе в санатории под Веной. Командование армией разрешило ему немедленно отбыть.

– Кое-что проясняется! – не выдержал стоявший у стены Бройер и рассказал о том, как встретил генерала у горящих складов.

– И представьте себе, – прибавил Унольд, – он еще хотел, чтобы я ему для его барахла выделил грузовик! Не на того напал!

– Тьфу, пропасть! – воскликнул капитан Зибель. – В такой ситуации взять и исчезнуть... Стыдно после этого даже носить звание немецкого офицера!

– Кто знает, удастся ли ему вообще выбраться! – вставил кто-то.

– Таким всегда удается! – парировал капитан Эндрихкайт.

– Вы не меня ли имели в виду? – раздался голос из дверей. Все обернулись и уставились появившегося на пороге человека в белом камуфляже.

– Бог мой, полковник Люниц! – подскочив, произнес Унольд, не выдавая эмоций. – Это и правда вы? Мы в мыслях уж было похоронили вас с почестями на двести восемнадцатой высоте...

Отряхнув снег, Люниц стянул с покрытой короткими седыми волосами головы капюшон, укрывавший его обветренное лицо, и приблизился.

– Рано радовались, дружище, – мрачно произнес он и окинул тусклым взглядом уставленный стаканами и бутылками стол. – Впрочем, не хочу мешать вашим... милым посиделкам. Зашел лишь поздороваться. А что до похорон с почестями, дорогой мой Унольд, считайте, что можете приступать. Не так уж много от нас и осталось – две пушки да человек двадцать солдат... Как только мы выстрелили последний снаряд, они смели нас и уничтожили.

Повисла мертвая тишина. У всех оставались невысказанные вопросы.

– Ну что ж, – выдавил полковник, и это “что ж” говорило о многом. – Ну что ж, – повторил он с напускным весельем. – Пойду я вздремну на сололке часок-другой. Все равно спиртное у вас, того и гляди, кончится. Всем доброй ночи!

Он удалился усталой походкой. На Бройера, распахнувшего перед полковником дверь, накатило тяжелое чувство, словно он почуял надвигающуюся бурю. Дело было не только в том, что они потеряли подразделение, не только в том, что дивизия распалась буквально на глазах, но и в том, как они провели этот странный вечер за вином и беседой, в том, как позорно покинул ставку командир, в почти что наглом несоблюдении Унольдом субординации, столь ему несвойственном, в наигранной политкорректности Энгельхарда. Что все это значило? Стабильный и ясный солдатский мир, в котором он до сих пор пребывал, мотаясь по Европе, ни о чем не задумываясь и отдавая себя во власть мгновения, обретал вдруг новые, пугающие очертания. Неужто одно это поражение способно было распахнуть ящик Пандоры? В какой-то

миг Бройеру показалось, будто он стоит у жерла вулкана и кажущаяся твердь может в любой момент разверзнуться, обнажив геенну огненную.

– Сколько еще будет продолжаться это доблестное отступление? – нарушил молчание капитан Зибель, будучи не в силах сдерживаться. – Должно же что-то наконец произойти!

Он нервно теребил свой протез, который никак не желал нормально работать.

Подполковник Унольд налил себе еще рюмку. Коньяк был для него как анестетик.

– Словами дело не поправишь, Зибель, – произнес он. – Русские прорвались, тут ничего не попишешь, и теперь они стремятся увеличить разрыв в наших рядах. Верховное командование вооруженных сил, разумеется, направит нам на подмогу резервы. Это может занять еще несколько дней. До тех пор положение остается печальным, и нужно быть готовыми к любому развитию событий. Но по крайней мере, отступать мы больше не станем. У нас есть приказ любой ценой удержать долину реки Большой Голубой. Для этого одиннадцатый корпус передал нам в подчинение подразделение под командованием Штайгмана, сражающееся сейчас за Бузиновку, и еще кое-какие части. Главное сейчас что? Чтобы русские дали нам хотя бы завтра продохнуть и, что важнее всего, не прорвались бы к открытому южному флангу.

– Насколько далеко им уже удалось прорваться? – спросил Бройер. Он вдруг осознал, что со вчерашнего утра вообще ничего не слышал о позициях неприятеля.

Подполковник лишь пожал плечами.

– Корпус более точными сведениями не располагает – вернее, от корпуса никаких более точных сведений не поступало. На пятьдесят, может, на шестьдесят километров. Дальше русские вряд ли отважатся забраться, хоть и не видят перед собой противника. Их командование просто не сможет так далеко направить части, даже если подойдет подкрепление. Мы это уже знаем по прошлой зиме. Кроме того, они до трясушки боятся удара во фланг.

Капитана Энгельхарда позвали к телефону. Вернувшись, он при всем своем самообладании не мог скрыть радостного волнения.

– Звонили из корпуса! – воскликнул он, обращаясь к Унольду. – Армия отвела с передовой шестнадцатую и двадцать четвертую танковые дивизии. Они уже на подходе!

Настроение мгновенно улучшилось. Все загалдели наперебой.

– Двадцать четвертую только недавно пополнили!

– А уж шестнадцатая! Это они летом прорвались вперед к Волге!

– Вот уж зададим мы им жару, господи!

– А то! Ишь, обнаглели! Вон куда прорвались!

– А на востоке стоит Хайнц с двумя целехонькими танковыми дивизиями! – вставил майор Кальвайт. – Если и он подключится, они в один день сметут весь вражеский клин. Тогда русским точно несдобровать!

– Выпьем за это, Кальвайт! За Хайнца! – вскричал Унольд, пододвигая командиру танковой части наполненный стакан. – Я тоже думаю, что пройдет несколько дней, и все уляжется. Русские потеряют парочку танковых бригад и обретут бесценный опыт.

Под воздействием алкоголя лица офицеров зарумянились. Они погрузились в воспоминания и мечты о будущем. Даже Унольд все больше и больше расслаблялся, позволял себе то один, то другой выпад. Майор Кальвайт, как следует налегавший на алкоголь, в свойственной ему сухой манере травил сальные анекдоты, вызывавшие раскатистый гогот. К тому моменту, как капитан Энгельхард деликатно намекнул, что пора расходиться, напомнив, что впереди их ждет трудный день, ящик давно был пуст.

Ночь была светлая. Бройер возвращался на свою квартиру. До слуха его доносился шум колонн, проезжающих по дороге на противоположном берегу Голубой. Рядом, увязая в снегу, молча шагал лейтенант Дирк. Луна бросала странные тени на его молодое, еще не успевшее ожесточиться лицо.

– Вот негодяй! – вырвалось наконец у лейтенанта. – Жалкий оборванец! И он еще смеет называться... Он еще смеет произносить имя фюрера!

Бройер уставился на него в изумлении и заметил, что в глазах юноши стоят слезы. “Мама родная, – подумал он про себя. – Вот его проняло!” До войны Дирк был вожатым гитлерюгенда. Со всем присущим ему в двадцать лет восторженным максимализмом он настаивал, чтобы его послали на фронт, до тех пор пока не добился своего. Бройер уже не раз беседовал с ним, в том числе и осторожно касаясь определенных слабых мест и недостатков молодежного движения. Как правило, лейтенант бурно возмущался: вероятно, и были досадные прецеденты, но где их не было? Сетовать на это не стоило, и уж тем более не стоило позволять им замутнить взор, устремленный к великой цели. Критика, подобная той, что сорвалась с его губ в адрес дезертировавшего командира, была для него совершенно нехарактерна.

– Плохо то, – несколько легкомысленно заявил Бройер, – что подобные личности встречаются не так уж редко – по крайней мере за пределами рядов вооруженных сил!

– Ничего подобного! – возмутился лейтенант. – Это случай единичный! Слава богу, единичный. Но то, чего таким трудом добились в многолетней борьбе десятеро, такой негодяй способен разрушить в одно мгновение – вот что самое ужасное.

– Не поймите меня превратно, Дирк, – нерешительно произнес обер-лейтенант. – Я тоже не большой любитель говорить на подобные темы... Но вот есть у меня дома один крайсляйтер¹³ – он не только крайсляйтер, он еще и ландрат¹⁴, и владелец лесопилки. И вот все заказы, что поступают от района, “старый боец”¹⁵ ландрат направляет “старому бойцу” хозяину лесопилки. И то, что он за свои заслуги перед отечеством считает себя вправе ставить цену выше, чем другие поставщики леса, что господин крайсляйтер не привязан ни к какой тарифной сетке и самым наглым образом эксплуатирует своих рабочих, что район за что-то награждает его загородным поместьем – на это все почему-то закрывают глаза. Не так давно его отдали под суд за дачу ложных показаний под присягой. И что же? Верховному судье пришлось подать в отставку, а он остался на своем месте! С тех пор он приличным людям и в лицо-то смотреть не осмеливается, но гауляйтер его, несмотря на все жалобы и иски, с должности не снимает, и фюрер ничего с этим не делает! Вот этого я, как видите, понять не могу. Неужто все это не стоит внимания?

К тому времени они уже добрались до хижин и остановились. В тишине раздавалась лишь тихая поступь часового. Лейтенант Дирк поднял глаза и взглянул на луну, бледный диск которой терялся где-то в облаках.

– У меня нет ни малейшего повода сомневаться в истинности ваших слов, герр Бройер, – невозмутимо произнес он. – Но и то, о чем вы мне поведали, – единичный случай, поверьте мне! А что до того, почему фюрер его не снимет, – так я вам объясню. Потому что этот человек занял сторону Гитлера, когда движение еще стояло у истоков, не обрело своей нынешней значимости. Он боролся в его рядах, верил в него, возможно, даже проливал за него кровь. Понимаете ли, фюрер со всей искренностью придерживается правила оставаться верным тому, кто верен ему. На нем зиждется вся этика движения, в нем заключается секрет его успеха.

Глаза молодого офицера горели лихорадочным блеском, он был словно опьянен.

– И именно за эту непоколебимую верность я люблю фюрера. Моя жизнь принадлежит ему, я пойду за ним на край света, потому что знаю – он всегда будет верен мне, верен нам всем!

Бройер решил не продолжать. “Какое счастье, – подумал он, – что есть еще такие молодчики! Мало, прискорбно мало в движении людей со столь чистыми помыслами!” Сам он, как

¹³ *Крайсляйтер* – районный руководитель НСДАП.

¹⁴ *Ландрат* – глава районной администрации.

¹⁵ “*Старый боец*” – официальное звание членов НСДАП, вступивших в партию до ее прихода к власти в 1933 г. “Старые бойцы” имели преимущество при трудоустройстве и продвижении по службе.

и многие, в тридцать третьем вступил в партию, если уж говорить честно, не из самых благородных побуждений. В тот момент он еще только подыскивал себе место школьного учителя, а уже был женат, и первенец был на подходе. Каким еще путем он мог добиться назначения? Нельзя сказать, чтобы ему легко было жить с подобным проявлением низменных чувств. Но теперь на душе у него полегчало.

По обледенелой дороге, ведущей от станции Чир к Калачу, подпрыгивая, катился грузовик. Перед ним по земле плясали лучи света фар, то и дело выхватывая из темноты пучки степной травы по бокам укатанной колеи. Глубоко в тылу нынче можно было позволить себе ездить с включенными фарами, как бы ни о чем не беспокоясь. При такой погоде никакого авианалета можно было не опасаться. Часы на приборной панели показывали без пяти минут половину третьего ночи.

– Двадцать второе еще не наступило? – спросил закутанный в меха пассажир.

– Уж пару часов как, господин начальник финансовой части!

– Проклятье! Получается, мы опаздываем уже почти на два дня... Из-за этой дурацкой поломки еще три часа потеряли!

– Помилуйте, господин начальник. Ну, пришлось штабным на два дня затянуть ремни потуже – никто ведь не будет бузить по этому поводу, – ответил шофер. – Стоит им только увидеть, что мы им привезли – провианта на сто семьдесят четыре человека на десять дней, хотя с семнадцатого числа мы обеспечиваем только сто пятьдесят три... – тут он довольно усмехнулся. – И вдобавок двести плиток шоколада, а еще раздобыли им трех свиной да десять гусей – так и вижу, как у капитана Факельмана глаза на лоб полезут!

Начфинчасти Циммерман тоже заулыбался и не без удовольствия прислушался к звукам, доносившимся из кузова сквозь прерывистый шум мотора. Гоготали гуси, взволнованные тем, что их везут куда-то в деревянной клетке по такой ухабистой дороге. Вот уж впрямь ему чертовски повезло отхватить их в одном далеком колхозе, в то время как в преддверии Рождества все земляки гоняются за птицей, словно оголтелые.

– И все же не мешало бы нам поторопиться, – произнес он, обращаясь к унтер-офицеру. – Думаю, в этот раз нам лучше направиться прямым путем к Клетской. Если дорога и дальше будет подморожена, часа через три будем уже в Бузиновке... Надеюсь, штаб по-прежнему там!

Он призадумался. В Чире ходили слухи, что на севере вот уже несколько дней ведутся ожесточенные бои.

В свете фар из темноты показалась развилка. Дорога сворачивала к переправе через Дон близ Калачевского. Укутанный, как капуста, постовой с зажатым под мышкой ружьем, стоя посреди дороги, подал им знак остановиться. Шофер включил ближний свет, затормозил и открыл дверцу.

Постовой потребовал путевку и водительское удостоверение.

– Вы, значит, направляетесь в Клетскую, – констатировал он. – Будьте начеку! Русские прорвались! Мы на всякий случай уже готовимся к обороне. Будет надежнее, если вы поедете по восточному берегу через Калач.

– Глупость какая, – пробормотал начальник финчасти. – Поедем прямо. Ну, трогай!.. Странно то, – добавил он чуть погодя, когда грузовик вновь двинулся в путь, – что тыловые всегда самые паникеры. Стоит только прорваться горстке танков... Ну, в полковом штабе жизнь еще кое-как продолжается, в штабе дивизии у всех поджилки трясутся, в корпусе пакуют чемоданы, а километрах в полутора за линией фронта уже склады жгут!

Циммерман уже много лет служил и за проявленную отвагу даже был награжден Железным крестом второго класса.

Новая дорога была укатанной, машина быстро продвигалась вперед. На часах было самое начало четвертого. Впереди показались огни – им навстречу двигалась колонна.

– Ну вот, – удовлетворенно заметил начфин, – самое что ни на есть мирное дорожное движение! И кстати, заодно узнаем, что там впереди творится. Сбавьте ход!

Колонна приблизилась. Кажется, это был гусеничный транспорт. Шофер включил вторую передачу, Циммерман покрутил ручку окна. “Танки? – пронеслось у него в голове. – С севера на юг?” И тут уже их миновал первый бронированный колосс – немецкий Т-IV с несколькими солдатами в белом камуфляже на броне. “Значит, все-таки отступают! – подумал начфин. – Кажется, плохи дела!”

– Все впереди чисто? – выкрикнул он, поравнявшись с двигавшимся на расстоянии от первого вторым танком. Сперва никто ему не ответил. Затем раздался голос:

– Аллес гут!

Циммерман опешил. Он ясно слышал, что мужчина крикнул не просто “гут”, а какое-то “гутт”.

– Придурок, – пробормотал он.

– Впереди русские? – крикнул он ехавшим на третьем танке. Ответа не последовало... Внезапно его охватил ужас. Циммерману показалось, будто в руках одного из солдат русский пистолет-пулемет – до боли знакомое ему оружие с деревянным прикладом и большим круглым магазином. Здесь явно было что-то не так!

– Быстрее! Вперед! – крикнул он унтер-офицеру. Внезапно он рассвирепел: до чего же нервным он стал за три года! Просто смех! Грузовик почти уже миновал колонну, оставался последний танк. Начальник финчасти с облегчением вздохнул, но все никак не мог отделаться от того странного чувства... Как вдруг впереди блеснула вспышка, зазвенело стекло, и пуля просвистела у Циммермана прямо над ухом.

– Дави на газ! – завопил он, вжимаясь в кресло. – На газ!!!

Шофер утопил педаль в пол так, что грузовик скачком рванул вперед и пролетел мимо танка. Слава богу, все позади!.. Как вдруг сзади по кабине дали очередь. Хрипя, шофер сник; потерявший управление грузовик завихлял по дороге. Циммерман распахнул дверцу и выпрыгнул. В спину ему попала метко выпущенная пуля. Он повалился вперед; кровь, хлынувшая у него изо рта и из раны на груди, образовала черную лужу на обледенелой дороге. Прокатившись еще несколько метров, грузовик повернулся вокруг своей оси и с грохотом завалился набок. На дорогу выкатились ящики и бочки. Клетка сломалась, и, хлопая крыльями, гуси с громким гогогом устремились в окутанную темнотой степь.

Лейтенанта Визе вызвали к начальнику штаба дивизии. Визе направился в штаб со смешанными чувствами. За несколько дней на новом посту ему довелось понять на собственном примере, что состоять начальником связбата при дивизионном штабе – работенка не из приятных. Стоило ему только попасться Унольду на глаза, как тот набрасывался на него, принимался орать из-за того, что опять не работала то одна, то другая линия, обзывал главным идиотом столетия и грозился посадить его на губу или уволить по причине профнепригодности. Даже при том, что в свете сложившейся ситуации Визе мог понять его недовольство, он все же предпочитал по возможности не попадаться подполковнику на глаза. Кто знает, что в следующий раз окажется не так! Но сегодня – глядите-ка! – подполковник Унольд был сама любезность, хоть по нему и было видно, что он не спал всю ночь.

– Хорошо, что вы прибыли, мой дорогой. Вы заняты? –

Озадаченный лейтенант не нашелся, что и ответить, а потому смущенно промолчал.

– Я имел в виду, может ли вас сегодня кто-нибудь заменить? –

– Начальник радиостанции лейтенант Остер, – предположил Визе. – У нас в настоящий момент почти все сообщение ведется по радио. Телефонные линии опять все... – он бросил виноватый взгляд на подполковника, но тот никак не отреагировал.

– Знаю, на телефонную связь в нашем положении рассчитывать не приходится... Итак, как вы знаете, сегодня утром к нам прибыл новый комдив. Он желает отправиться на передовую. Гедиг отбыл на обучение, остальные все заняты. Да и кроме того, не могу же я в первый раз отправить с комдивом абы кого, согласитесь. Мы должны произвести хорошее впечатление! – Он попытался улыбнуться, но, как всегда в таких случаях, лицо его исказила нелепая гримаса. – А потому, дорогой мой Визе, я вспомнил о вас... Итак, пойдите, подготовьтесь к отбытию и доложите о себе полковнику!

– Есть, господин подполковник! – вытянулся по струнке лейтенант. “Я понял, старик, отчего ты вдруг так подобрел, – подумал он про себя. – Ты ведь не имеешь права мне приказывать через голову моего командира!” Сама возможность того, что Унольд может получить за это взбучку, не могла его не радовать.

Когда спустя несколько минут Визе, в плаще, с биноклем и пистолетом-пулеметом, вошел в блиндаж по соседству, он встретился с полковником, показавшимся ему смутно знакомым. На вид ему было лет сорок пять. Командир сидел за столом и что-то писал, лишь слегка наклонив голову. Он был гладко выбрит, с ухоженной темной шевелюрой, открывавшей высокий лоб без единой морщины. Изящная рука его, украшенная перстнем с красноватой гербовой печаткой, не спеша выводила на бумаге острые буквы. От мысли о том, что подобный человек и спустя месяц сидения по окопам будет выглядеть так же спокойно и аккуратно, как сейчас, лейтенант воспрял духом. Он доложил о своем прибытии.

– Рад вас видеть, дорогой мой, – отозвался полковник. Теплые нотки в его голосе мгновенно создавали расположение. – Значит, вы меня будете нынче сопровождать? Нам надо будет вернуться в Бузиновку. Я сейчас освобожусь.

Он продолжил писать. Визе тем временем огляделся по сторонам. На столе аккуратной стопкой были сложены книги, рядом с ними лежал дорожный несессер и стопка свежевystиранных носовых платков. Тут же стояла фотокарточка в матовой серебряной рамке, на которой был изображен снятый по грудь молодой солдат в форме летчика. Лейтенант пригляделся повнимательней.

– Да это же... Это же старина Ферди! Ферди Герман! – изумился он. Полковник поднял взгляд.

– Это мой сын Фердинанд, – подтвердил он, удивленный ничуть не меньше Визе. – Вы с ним знакомы?

Теперь Визе понимал, отчего полковник показался ему знакомым. От радости он забыл обо всякой субординации.

– Разумеется, это же мой старый школьный товарищ! Он учился на пару классов младше меня, но мы часто вместе ходили в походы и крепко сдружились, несмотря на то что характером были не схожи. Он уже тогда грезил военной службой.

– И вы, надеюсь, тоже! – улыбнулся полковник.

Визе ступешался.

– Я стараюсь исполнять свой офицерский долг на войне, господин полковник. Но представить, что останусь в армии на всю жизнь, не могу.

– Что ж, – отозвался полковник. – Не могут же все быть солдатами. Но вы правы, Ферди еще мальчуганом мечтал поступить на службу, прежде всего, конечно, в авиацию.

Он с теплом посмотрел на фотографию сына.

– Больше всего его тревожит, что его не посадили за штурвал истребителя. В последнем письме возмущается, что хотят отправить его в транспортную авиацию. Ничего не поделаешь, придется понять, что и там нужны усердные трудяги, что хороший солдат будет исполнять свой долг на любой службе, неважно, на какой фронт работ его направили.

“Немного шепелявит, – отметил для себя Визе. – Прямо как Ферди!” Шепелявый полковник казался ему просто дивом дивным, отчего сердце его еще больше наполнялось радостью.

– Итак, в путь! – произнес тот, вставая из-за стола.

Визе уловил слабый аромат парфюма. Он помог новому комдиву накинуть плащ; погон на плаще не было.

Снаружи их уже поджидал гусеничный бронетранспортер, в котором пожелал ехать полковник, и две приставленных к ним в качестве охраны бронированных разведывательных машины. Утрамбованная проезжавшими по ней ночью колоннами дорога на Бузиновку была почти пуста. Лишь изредка попадались им отдельные отставшие от части солдаты, по большей части пешком; то тут, то там на обочине копался в моторе шофер; мелькали мимо мотоциклы. Поскольку существовала опасность нарваться на неприятеля, разведчики двигались далеко впереди, обозревая окрестности с каждого возвышения. Завидев группу раненых, полковник остановился, поинтересовался видом и тяжестью ранений и тем, к какой войсковой части они относились. Не доверяя незнакомому офицеру, те замялись.

– Рассказывайте, не бойтесь, – успокоил их военный. – Я ваш новый комдив, полковник Герман!

Солдаты оживились. Как дела в Бузиновке? Все в лучшем виде. Эту деревню они русским не отдадут!.. Двинувшись дальше, полковник в задумчивости уставился прямо перед собой.

– Невесело, конечно, перенимать дивизию в столь плачевном состоянии, – поделился он с лейтенантом. – Ну да ничего, скоро настанут лучшие времена.

И он указал на многочисленные покореженные остовы танков, торчавшие повсюду из-под снега, точно грибы.

– Видите? Это следы нашего продвижения прошлым летом. Большую часть из них я сам подобрал вместе со своим полком. Тогда я и подумать не мог, что мне предстоит проделать тот же путь при совсем иных обстоятельствах...

В это время подполковник Унольд мерил шагами бомбоубежище. Растрепанные волосы, небритое посеревшее лицо и расстегнутые пуговицы его задрипанного мундира, увы, наглядно свидетельствовали о том, что боевая дисциплина его стремилась к нулю.

– Посадить мне под нос какого-то желторотого... Просто возмутительно! – возмущался он, обращаясь не то к самому себе, не то к капитану Энгельхарду, служившему ему полигоном для вымещения постоянно вскипающего гнева. – Мне, годами служившему при Верховном командовании! Будто я сам не мог бы возглавить эти жалкие остатки дивизии! Кто тут до сегодняшнего дня всеми командовал? Я и только я! Они ведь все меня просто травят... Шмидт мстит мне за то, что я не дал в свое время его племяннику подняться по службе. Знаю я все это, знаю! Ведь именно ему, и только ему я обязан тем, что меня в свое время так и не представили к Немецкому кресту... Но говорю вам, долго я в эти игры играть не буду! Такой человек, как я, здесь совершенно не на своем месте!

Энгельхард недоуменно молчал. Он единственный из всех штабных был, по крайней мере отчасти, знаком с нелегкой судьбой подполковника. Еще мальчиком тому пришлось бежать из России; оставшись сиротой, он, нищенствуя, прокладывал себе путь наверх каторжным трудом. Неужто такой человек, как он, мог вот так просто взять и все бросить?

Крохотная колонна полковника добралась до Бузиновки без происшествий. Еще вчера хутор сотрясала паника, но, несмотря на причиненный ущерб, в нем снова воцарились покой и порядок. На улицах было довольно пустынно, но все же движение наладилось. Артобстрелы, из-за которых то тут, то там вновь вспыхивал пожар, уже не нарушали течения жизни – они стали ее частью. В том месте, где торчал обгорелый остов провиантского склада, группа бойцов разбирала завалы.

Сидевшие в разведмашинах солдаты, ввиду особенности своей службы привыкшие к тому, что постоянно представляется возможность чем-то разжиться, в ответ на свою просьбу получили дозволение полковника обыскать пепелище на предмет оставшихся припасов. Они разговорились с теми, кто расчищал завал.

– Какое бесстыдство! – посетовал осуществлявший надзор унтер-офицер. – Сжечь склад, когда свои же собственные части продолжают стоять по соседству... Вне всякого сомнения, дело рук пакостника, стремящегося во что бы то ни стало продлить войну. Только представьте себе, как он стоит со списком в руках и следит за тем, как все догорает, пугая рядовых пистолетом. Если б только мне такой попался, я бы его...

Тем временем полковник отправился на поиски штаба тактической группы Штайгмана. На проселочной дороге его транспортер остановил фельдфебель, стоявший рядом с бочкой бензина со шлангом в руке.

– У вас горючки много?

Шофер кивнул.

– Возьмите еще про запас! – настаивал фельдфебель. – Мы никого без дозаправки не пропустим, у нас еще несколько бочек “Отто”, – прибавил он, разглядев, с кем имеет дело. – Не оставлять же их русским!

Искомый штаб располагался в одном из домов на северной окраине деревни. В низкой горнице комдив обнаружил горстку офицеров в наипрекраснейшем расположении духа.

– Бузиновка им не достанется, господин полковник! – отрапортовал полковник Штайгман – гренадерского роста офицер, возвышавшийся над шуплым коллегой больше чем на голову. – Мы их сегодня уже пять раз в кровавую лепешку размазали!

– Мне жаль, что приходится начинать наше знакомство с нерадостного распоряжения, – произнес полковник фон Герман, – но Бузиновку придется оставить. Высока опасность окружения. А ваши силы нужны в долине Голубой, на новом рубеже обороны.

Все замерли, не веря своим ушам.

Полковник Штайгман тяжело вздохнул.

– Черт побери, – произнес он наконец подавленным тоном. – Вот досада! Как мне теперь это объяснить моим людям...

На обратном пути на высоте рядом с деревней колонна попала под огонь советской батареи. Броневики осыпало градом осколков и комьев земли. По дороге куда-то бежали дезориентированные раненые. Фон Герман приказал остановиться, подобрал их и сам помог забраться в машину.

– Не суетитесь, сынки, – успокаивал он. – Выстрелить и попасть – не одно и то же!

Достав из сумки свой завтрак, он разделил его среди раненых.

Окольный путь, ведущий к другой части, которой также необходимо было передать приказ об отступлении, пролегал вдоль полевого аэродрома. Ничто на нем не подавало признаков жизни. Примерно три десятка стоявших на нем самолетов – исключительно истребители и разведчики – были разбиты в пух и прах.

– Пришлось подорвать их, – доложил стоявший у дороги одинокий зенитчик. – Взлететь в тумане было невозможно. Наземный персонал и застрявшие здесь пилоты и бортрадисты пополнили ряды пехоты на передовой.

Полковник в задумчивости взирал на этот апофеоз самоуничтожения. Был ли он рад тому, что его дорогой мальчик не попал в боевую авиацию? Лейтенант Визе не осмеливался делать подобные предположения, а лицо полковника ничем не выдавало его истинных помыслов.

Глава 4 В западне

День, прошедший в беспокойстве и суете, завершился для Бройера лишь несколькими часами беспокойного сна. Утром на пути к подполковнику Унольду он встречает у дверей капитана Энгельхарда. Его не узнать: лицо офицера то и дело вспыхивает, точно языки пламени пробиваются сквозь разодранный занавес.

– Русские прорвались к Калачу! – рычит он. – Новый приказ: отступаем за Дон!

Бройер вздрагивает. “Энгельхард сошел с ума”, – мелькает у него в голове.

– За Дон? – участливо повторяет он. – Но мы ведь как раз за Доном и стоим.

– Вы неужто не понимаете? На восточный берег! К Сталинграду!.. Вся Шестая армия взята в кольцо. Гитлер приказал ей отступить к Сталинграду и выстроить оборону.

Лицо обер-лейтенанта застыло. Откуда-то из глубины к горлу подступает тошнотворный ком.

– В кольцо? – наивно переспрашивает Бройер.

– Ну да, вы же еще не знаете! На юге у Бекетовки произошла та же дрянь. И то же с румынами. Вчера под Калачом русские сомкнулись.

– Этого не может быть, – запинаясь, бормочет Бройер. – Не может быть! – восклицает он. Энгельхард протягивает ему листок.

– Суточный приказ Паулюса. Только что поступил.

Дрожащей рукой Бройер берет телеграмму. Буквы расплываются.

“Солдаты 6-й армии!

Армия взята в кольцо. Это не ваша вина! Вы, как всегда, сражались стойко и храбро, пока враг не начал дышать вам в спину... Фюрер обещал нам помощь, а он всегда держал свое слово... Сейчас необходимо продержаться, пока нас не освободит обещанная подмога извне!”

Он опускает руку.

– За Дон, – повторяет он. До него все еще не дошло, что происходит на самом деле. – А нам удастся? У нас ведь почти нет топлива!

В ответ капитан лишь пожимает плечами. В глазах его стоят слезы.

– Что не сможем взять, придется бросить... Кальвайт уже получил приказ подорвать танки, если ситуация окажется безвыходной.

Бройер бесцельно бредет дальше. Действительность обрушивается на него, мысли путаются. Взятые в кольцо... Подорвать танки... Фюрер всегда держал свое слово... “Папочка, когда ты вернешься?..” В кольцо... В кольцо.

К нему кидается капитан Факельман. С лица его схлынула привычная бодрость; кажется, он резко постарел.

– Вы уже знаете? Уже знаете?

Бройер беспомощно кивает.

– Это же ужасно, это просто обескураживающе! Окружили целую армию, и даже больше, чем армию... А что скажете о внезапном нападении на Калач? У нас же захваченными танками, с прожекторами... Светопреставление!..

В последующие несколько часов командный пункт был перемещен на несколько километров к северо-востоку. На карте эта точка обозначена как молочное хозяйство, хотя в реальности там ни кола, ни двора. Ряд первоклассных блиндажей спрятан в расщелине, заросшей густым кустарником. В них проведено электричество, стоят кровати с матрасами, есть туалетная комната с настоящей ванной. Казалось, прежние хозяева – штаб пехоты, переехавший дальше на восток, – намерены были просидеть здесь всю оставшуюся жизнь.

Отдел разведки и контрразведки штаба дивизии вместе с делопроизводственным отделом и топографическим отделением общим составом тринадцать человек были втиснуты в крохотную каморку, предназначавшуюся для троих. Но это было неважно: главное, внутри было тепло, а на сложенной из кирпичей печке можно было по-быстрому приготовить поесть. Унольд, один большой комок нервов, направил Бройера еще на одно задание – в деревню, куда, по имевшейся информации, прорвались русские танки. Заснеженная дорога вся забита грузовиками, самоходными орудиями, длинными рядами телег. Ежась от холода и замкнувшись в себе, поодиночке и группами плетутся немецкие пехотинцы и небольшие отряды рассеянных румынских войск. Пробраться практически невозможно. Высоты заняли пулеметные команды. Их бойцы, облаченные в белый камуфляж и напряженно всматривающиеся вдаль, не отвлекаясь ни на что, – островки спокойствия в царящей суматохе.

Углубившись в деревню, Бройер видит гусеничную машину с открытой кабиной. В ней возвышается полковник Штайгман.

– Чего? Какие русские танки? – коротко усмеяется он. – Нет здесь никаких танков. Вы там в своем штабе уже совсем с ума посходили. Проехала пара наших самоходок – по всей видимости, какой-то идиот принял их за русских.

Лязгая и звеня, машина удаляется. Доносятся отзвуки гулкого, ожесточенного смеха полковника.

В штаб Бройер возвращается уже в потемках. На площадке перед расщелиной, где стоят штабные автомобили, горит костер. Приблизившись, он видит странную и жуткую картину: разломанные ящики, папки с бумагами, сапоги, плащ-палатки, белье, форма, книги – все навалено горой и полыхает ярким пламенем. Все охвачено уничтожительной пляской смерти. Из машин подтаскивают и бросают в огонь все новое “топливо”: посуду, представления к награде, календари... Все, что может представлять собой препятствие на пути к рассредоточению, в никуда – долой! В красных отблесках пламени фельдфебель Харрас кажется самым дьяволом, заправляющим этим шабашем.

– И даже не пытайтесь ничего припрятать! – кричит он. – Оставляем только то, что на вас! В толпе, точно призрак, бродит Унольд. Его осунувшееся лицо напоминает череп.

– Долой все! – истерически вопит он. – Все уничтожить! На машины грузим только вооружение – пехоту, провиант и вооружение! На кону наши жизни!

Лакош видит, как писарь тащит в темноту какой-то ящик. Подскочив, он выхватывает его из рук, тащит к костру, вскрывает... В костер летят две шелковые рубашки, сеточка для волос... На него, точно ястреб, накидывается Харрас:

– Что вы себе позволяете?! Вы с ума сошли?

– Как же, господин фельдфебель, – изумляется Лакош. – Вы ведь не собираетесь...

– Проваливайте отсюда! Я сам этим займусь!

Но Лакош продолжает преспокойно потрошить ящик.

– Господин фельдфебель не стали бы пачкать руки, – дружелюбно-назидательным тоном произносит он. За рубашками следуют сапоги для верховой езды, элегантная фуражка, пара замшевых перчаток, маникюрный набор... А это еще что там, на самом дне ящика? Ничего себе, настоящий офицерский кортик! Туда его! Вокруг них собралась горстка зевак; они злобно посмеиваются. Фельдфебель смотрит на это, сжав кулаки. Глаза его чуть не вылезают из орбит, но он не говорит ни слова. Внезапно развернувшись, Харрас исчезает во тьме.

Бройер направляется к машине. Шофер занят тем, что впихивает в нее какой-то ящик.

– Лакош! – окрикает его обер-лейтенант.

– Господин обер-лейтенант... – смущается тот. – Да я... Я думаю, влезет!

– Отставить! – командует Бройер. – Давайте, хватайте с той стороны!

Они оттаскивают ящик к костру и переворачивают. Бройер глядит в огонь. У ног его тлеют письма, фотокарточки... Внутри бурлят эмоции. “Чистилище”, – с болью думает он.

Мелочи, хранящие тысячи теплых воспоминаний, предметы, связывающие с далекой родиной, пожирает пламя. Прощайте, мир, родина, бывшие времена! Спасительная ниточка к жизни перерезана... Суждено ли им когда-нибудь вернуться назад?

Войдя в блиндаж, Бройер вскрывает последнюю бутылку “Куантро”, отпущенного войсковой лавкой в августе и припасенного на ближайший отпуск. Бутылка идет по кругу, комнату наполняет тонкий, сладостный аромат прощания с прошлым. Отпуск... Боже мой! Да случится ли в его жизни еще отпуск?... Распахивается дверь. На пороге появляется ассистент делопроизводственного отдела и, глядя на Бройера безумным взглядом, вопрошает:

– Господин обер-лейтенант, тут предписания для служебного пользования! Я... Не могу же я все их сжечь! У вас в машине не найдется места?

– Вы мне предлагаете... Да боже ж мой! Мы все свое сжигаем, а вы со своими идиотскими предписаниями... Уничтожьте это дерьмо, немедленно! На такой случай нет никаких предписаний!

Юноша, казалось, ничего не понимает. Он, словно в прострации, опрокидывает поднесенный ему стакан и, выходя, продолжает бормотать:

– Но это же для служебного пользования... Предписания для служебного пользования...

Взвизгивает телефон; Бройера вызывают к подполковнику. Тот вместе с командиром дивизии изучает карту.

– Вы должны немедленно выдвигаться, Бройер, – взволнованно произносит начштаба. – Вот по этой дороге... По ней до Дона тридцать километров... Нам неизвестно, проезжая она или нет, не знаем, не отрезали ли русские и этот путь. Вам необходимо тотчас же это прояснить. Возьмите с собой Эндрихкайта! От этого многое – нет, от этого все зависит. Прощайте.

Половина первого ночи. Серебрится в лунном свете снег. Холод собачий. Стоя рядом с автомобилем, Бройер натягивает зимний шерстяной подшлемник; Лакош помогает ему надеть плащ. Вдруг к нему подлетает унтер-офицер Херберт; на лице его отчаяние.

– Господин обер-лейтенант... В автобусе... Он... Он там лежит. О господи!..

– Кто? Что случилось? Говорите внятно!

– В штабном автобусе... Ассистент... Только что застрелился.

На западной стороне устланного снегом аэродрома рядом со станцией Гумрак дымились торчащие из земли трубы блиндажей, выкопанных еще русскими. В северной части этого подземного поселка располагался штаб 2-го армейского корпуса – мозговой центр всех сражающихся под Сталинградом дивизий. В блиндажах южнее 22 ноября было расквартировано командование 6-й армии, которое прогнали из прежнего штаба на Дону русские танки.

В одной из таких нор на севере сидел, погрузившись в работу, офицер штаба корпуса. Свет падал сквозь крохотное оконце в крыше блиндажа. Перед ним на сколоченном из досок столе была расстелена карта территорий между Волгой и Доном в масштабе 1:100 000, вся испещренная черными линиями, стрелками и цифрами. Это был план прорыва армии на юго-запад.

– Должно сработать, – бормотал он себе под нос, стремительно добавляя еще какие-то пометки углем. – Конечно, сработает!

На заднем плане денщик, расправив брошенный на земляную лежанку тюфяк с соломой и накрыв его коричневым казенным покрывалом, подбросил в жестяную печурку еще пару поленьев и, усевшись в угол, забренчал каким-то металлическим устройством.

– Опять кого-то изловили, Мюллер? – не отрываясь от работы, спросил офицер.

– На этот раз целых три, господин полковник! – отозвался тот. Румяное лицо его расплылось в лукавой улыбке; он гордо потряс артиллерийской гильзой, в которой что-то тихо пищало. – Семь штук за три дня!

– После того как уловили паек, мышам тоже не особо-то достается, – пробурчал полковник, рисуя очередную стрелку.

– Вчера эти твари уже начали грызть генеральские сапоги, – бросил уже на пороге денщик.

На лестнице раздались шаги, пахнуло морозом, и в низенькую дверь протиснулся рослый мужчина. Это был генерал фон Зейдлиц, командующий 2-м корпусом. Сняв фуражку, он провел рукой по седой голове с коротко стриженными висками и снял камуфляжную куртку. На груди блеснул Рыцарский крест с дубовыми листьями. Судя по лицу, изборожденному морщинами, генералу было лет пятьдесят, но благодаря подтянутой фигуре наездника – результату неукоснительного следования семейной традиции – он казался много моложе.

– Итак, поступил ответ из главной ставки фюрера, – произнес он. – Паулюс его только что получил... Категорический отказ!

Отложив угольный карандаш, полковник поднял глаза. Генерал грел руки над печкой; на лбу у него проявились глубокие морщины.

– Вы ведь знакомы с рапортом Паулюса, – продолжил он. – Вы сами были свидетелем тому, как мягко он стремился все обставить, обойти все острые углы, как мы боролись за каждую конкретную формулировку. Но ведь в общем и целом положение он обрисовал достаточно убедительно... И тут такой ответ! Никакой реакции на наши непростые рассуждения, ни одного слова о моем предложении. Вообще ничего! Только краткое уведомление: армия обязана, согласно приказу, выстроить круговую оборону внутри очерченной территории!

Полковник тяжело вздохнул.

– Сильно! – тихо произнес он. – Я такого не ожидал. Если командующий армией и пять командующих корпусами выражают единое мнение, оно все-таки должно хоть что-нибудь да значить. Вам, господин генерал, известно, что я не склонен критиковать руководство, но это – это просто... Это добром не кончится!

Рассвирепев, генерал хлопнул ладонью по столу.

– Да это маразм! Полное отсутствие мозгов! Чтобы двадцать две дивизии добровольно заняли круговую оборону – да где это видано?! Это только буйнопомешанному могло в голову прийти!.. Кроме того, Гитлер требует от Паулюса немедленно объясниться, как он посмел без его распоряжения отвести правый фланг на севере. Вы только себе представьте!..

Он принялся расхаживать по комнате, уставившись невидящим взором в стену, вместо обоев оклеенную старым номером “Ангрифа”¹⁶. Заголовки кричали о скорой окончательной победе на Востоке. Полковник уронил голову на руки.

– Что сказал Паулюс? – помолчал, спросил он.

– А что ему сказать? – вполборота взглянул на него генерал. – Ничего! Естественно, он ничего не сказал! Сделал свой фирменный жест рукой и пожал плечами... Командующий армией позволяет обращаться с собой, как с безмозглым юнцом! Это просто позор!

Полковник покачал головой. Опершись о стол, генерал фон Зейдлиц посмотрел своему начштабу в глаза. Лицо у Зейдлица дергалось.

– Одно вам скажу, – выдавил он. – Я молчать не буду! Кто угодно, но не я!

И вновь зашагал по комнате.

– Паулюс должен действовать самостоятельно, – продолжил он уже в более спокойной манере, – или в крайнем случае его заставят.

– Но мы ему уже всё по полочкам разложили, – удрученно произнес начштаба. – И не помогло! Он как глина в руках начальства, а Шмидт – злой дух нашей армии, тут ничего не попишешь.

¹⁶ “Ангриф” (“Атака”) – популистская газета антисемитско-антикоммунистической направленности, издававшаяся Геббельсом с 1927 года.

– Знаете что? – вдруг замерев, сказал генерал. – Мы составим письменное обращение к армии... С настоятельной просьбой передать его куда следует! В нем я еще раз доходчиво изложу наши соображения. Может, хоть это поможет... Да, это будет верное решение. Пишите!

Полковник призадумался. Он был знаком со вспышками генеральского гнева и их порой весьма постыдными последствиями, но, промолчав, взял бумагу и карандаш. Генерал вновь продолжил мерить шагами блиндаж. Взгляд его светлых глаз блуждал.

– Главнокомандующему Шестой армии генералу танковых войск Паулюсу! – начал он. Голос генерала дрожал, как натянутая струна. Постоянно корректируя сказанное, он описал опыт, обретенный им на Валдайской возвышенности и при освобождении из кольца укрепленного пункта в деревне Терновой под Харьковом, изложил всю невозможность сформировать западную линию обороны так, как им приказано, поскольку она проходила по голой степи, где не было ни окопов, ни укреплений, ни каких-либо естественных преград, обосновал невозможность снабжения с воздуха, подробно охарактеризовал текущее состояние вымотанных тяжелыми боями частей. При поддержке полковника он находил все новые, все более точные выражения и наконец приблизился к завершению.

– В случае, если фюрер по-прежнему будет настаивать на своем, – отрывисто и четко продиктовал он, – я настоятельно требую от господина генерала независимым решением осуществить прорыв на юго-запад вопреки приказу Гитлера, исполняя свой долг единственно перед германским народом!.. Все, точка. Перепечатайте немедленно! Тотчас же отправлюсь с этим к другим командующим.

Полковник пересмотрел записанное.

– Господин генерал и в самом деле полагает, – задумчиво произнес он, – что мы тем самым добьемся реакции... И что другие генералы его поддержат?

– А черт его знает... Но надеюсь, что да. Должно же наконец что-то сдвинуться!

Полковник посмотрел на него с сомнением.

– Если Паулюс передаст ваше прошение дальше, господина генерала ждет военный трибунал, – осторожно заметил он. – Фюрер не терпит, когда с ним говорят таким тоном. В нынешних обстоятельствах это может стоить вам головы, господин генерал!

На мгновение генерал фон Зейдлиц замер в нерешительности.

– Ах, ерунда, – промолвил он наконец. – Да и речь вовсе не о моей голове. Речь о трехстах тысячах немецких солдат!

На полночном небе воцарилась огромная полная луна. В ее молочно-белом свете тускнели звезды и беспощадно обнажалась залитая кровью земля, которой куда как лучше было бы укрыться во мраке. По промерзшей дороге мчался автомобиль. В округе полыхали костры – всюду горело то, что еще вчера казалось важным, а сегодня утратило всякую ценность. Вверху мелькала череда красных и зеленых навигационных огней советских самолетов, спокойно, беспрепятственно продолжавших охоту. Время от времени мимо тянулись обозы. Кудлатые низкорослые лошадки с трудом передвигали копыта. На восток брела серая толпа людей – русские пленные из какого-то разогнанного лагеря, неспешно погоняемые горсткой конвоиров в истрепанной форме. Общая судьба примиряла тех и других.

На заднем сиденье расположился капитан Эндрихкайт. Настроение у него было паршивое, густые усы шевелились, зубы скрипели. Его одолевало чувство какой-то неполноценности: в суматохе дня он потерял трубку. В конце концов он, вздохнув, зажег сигару и в расстройстве гонял ее из одного уголка рта в другой. Дело ей было не поправить.

После случившегося Бройер по-прежнему пребывал в некотором оцепенении. “Застрелился! – крутилось у него в голове. – Отчего? Из-за этих дурацких предписаний – или все же нет?.. Может, он не хотел больше воевать, искал какой-то выход – но разве пулю в лоб можно назвать выходом? Что теперь написать жене с кучей маленьких детишек – что он «пал

за фюрера и рейх»? Но ведь так тоже нельзя! Самоубийство было равнозначно дезертирству, их семьи не получали поддержки... Нет, никакой это был не выход, это трусость, эгоизм!”

Дорога, извиваясь, спускалась по оврагу к переправе. На подъезде скопилась пробка. Вымпел дивизии на машине работал как жезл регулировщика – Бройер возил его с собой на случай дорожных затруднений, хоть и не имел на то права. Благодаря этой уловке они, пусть не без криков и ругани, но все же потихоньку продвигались вперед сквозь столпотворение.

– А какое сегодня число? – рассеянно поинтересовался Бройер, когда они вновь оказались на свободном участке. В суете последних дней он напрочь утратил чувство времени. Лакош глянул на наручные часы.

– Вот уже час как двадцать четвертое! – ответил он.

Двадцать четвертое... У Бройера ком встал в горле. К этому числу он относился с суеверным страхом – странная история, корнями уходящая в школьные годы, во времена Веймарской республики. В его родном городе, где некогда располагалась ставка рыцарского ордена, был у них в гимназии учитель, преподававший немецкий язык и физкультуру. Штудиенрат¹⁷ Штраквиц был среднего роста мужчиной лет сорока пяти, с аккуратно причесанными на прямой пробор волосами, строгим взглядом, пенсне и со шрамом на левой щеке, оставшимся еще со времен студенческих мензурных поединков; когда он сердился, рубец наливался кровью. Штраквиц обычно появлялся на службе в зеленом костюме из лодена; на лацкане пиджака у него порой, несмотря на запрет политической символики в школе, блестел начищенный значок союза солдат-фронтовиков “Стальной шлем”; на ногах, слегка выгнутых колесом, он носил шерстяные гетры и горные ботинки. Несмотря на то что он держал класс в ежовых рукавицах – а может, как раз благодаря этому, – он был довольно популярен среди учеников. В начале каждого урока физкультуры они строем ходили по периметру школьного двора. “Разобьем французов и уйдем с победой!” – разносился по площадке хор высоких детских голосов. Со временем, ввиду перемены политической обстановки, французы сменились поляками. Другие преподаватели, качая головой, прикрывали окна.

На праздновании дня рождения кайзера, который мальчишки ежегодно “тайком” отмечали в классной комнате, покрыв преподавательскую кафедру старым имперским военным флагом – гимназия их была весьма почтенным заведением, главной задачей своей видевшим терпеливое и снисходительное воспитание чванливых отпрысков восточно-прусского помещичьего дворянства и доведение их до выпуска, и Бройер, сын чиновника среднего ранга, относился к самым низким слоям воспитанников, – так вот, на этом праздновании штудиенрат Штраквиц непременно являлся почетным гостем. Будучи не просто учителем, а республиканским чиновником, он старался на этих мероприятиях не выделяться, но те из учеников, кто выступал на торжестве с речью, могли твердо рассчитывать по крайней мере на четверку в следующем табеле. Однако случалось, что Штраквиц – любитель закладывать за воротник – прибывал на службу уже в изрядном подпитии, и для мальчишек это был настоящий праздник. Привычную строгость его как рукой снимало, и он позволял творить во время урока, что заблагорассудится. Лишь когда случалось, что школяры чересчур разбушевались, он разок-другой дружелюбно грозил им пальцем и предупреждал, что вынужден будет “снова натянуть вожжи”. В такие дни Штраквиц, вспоминая свое участие в Первой мировой, произносил поистине воодушевляющие речи.

– Надеюсь, мальчишки, – подытоживал обычно он, – когда начнется следующая война, вы все окажетесь в моей пулеметной роте – там и свидимся!

И, пожимая каждому руку, он проникновенно глядел на учеников поверх своего пенсне.

¹⁷ Штудиенрат – школьный учитель (как правило, старших классов), имеющий чин государственного служащего.

Прошли годы. Бройер уже был студентом, и вот однажды ночью ему приснился кошмар. В мрачном полуосвещенном зале собрались его школьные товарищи из всей параллели; перед ними, держа в руках записную книжечку, стоял штудиенрат Штраквиц.

– Экзамены окончены. Вы отправляетесь на войну! – коротко и жестко сообщил он. – И чтобы сразу ввести вас полностью в курс дела, я назову каждому из вас день, когда вы погибнете.

Бройера трясло от ужаса. Он хотел было вскрикнуть, но не мог издать ни звука. Раскрыв книжечку, Штраквиц спокойно и деловито, словно сообщая оценки за контрольную, начал зачитывать имена по алфавиту, вслед за каждым называя дату.

Абель... Арнольд... фон Батоцки... Брандес... Следующий – он! Бройер хотел было пуститься бежать, зажать уши, но некая высшая сила заставила его замереть.

– Бройер, – учитель строго взглянул на него сквозь пенсне, – двадцать четвертого...

Завопив что есть мочи, он проснулся в холодном поту.

С тех пор как только приближалось двадцать четвертое, Бройера охватывало беспокойство. Он пытался бороться с этим, но тщетно. Звал себя дураком и суеверной бабой, но не помогало. И хотя он не был трусом, в этот день он инстинктивно стремился не подвергать себя особой опасности. И, видимо, как раз вследствие этой внутренней неуверенности именно двадцать четвертого с ним, как правило, приключалась какая-то неприятная история. Остальных Бройер, разумеется, не ставил в известность о своей слабости.

И вот снова наступило двадцать четвертое! Сегодня 11-му корпусу предстояло просочиться по последнему еще не перекрытому узкому перешейку на тот берег Дона и уйти на восток. Русские сделают все, чтобы преградить им путь к отступлению – уж постараются так постараются. День обещал быть ясным и безоблачным. Непрерывные атаки советской авиации разобьют отступающие колонны и разрушат оба моста через реку. Это что, конец? Его парализовал страх. Нет, это не может быть конец, он не мог вот так вот взять и покинуть этот мир. У него оставались незавершенные дела... Должно же было хоть что-то еще оставаться! Предназначение его еще не было исполнено. Из потаенных глубин выросло в нем чувство вины – вины непостижимой, неопределимой, такой, что ничем было не загладить.

– Атака с воздуха! – произнес капитан Эндрихкайт. – Видать, за холмом кто-то засел.

Впереди над дорогой повисли парашютные светящиеся авиабомбы. От земли исходило красное зарево, время от времени прерываемое желтыми вспышками. Гулкие удары бомб заглушали тарактение мотора. Дорога пошла под откос, они спускались в долину. Там полыхала деревня. На подъезде к ней дорога расходилась. Бройер и Эндрихкайт вышли из машины. В нескольких метрах в стороне от них стояла почти сгоревшая машина. Еще дотлевали части мотора; по почерневшим ребрам кузова блуждали язычки пламени. Рядом лежал обуглившийся труп шофера. На скукожившемся лице выступали белые зубы и остекленевшие глазные яблоки. Он тянул свои иссушенные, почерневшие руки к небу. Вокруг пепелища грудились русские пленные, держа котелки над слабым огнем. Один из них поставил мертвецу ногу на грудь. Они смеялись и болтали, радуясь, что им досталось хоть немного тепла.

Бройер взглянул на карту.

– Унольд отметил правую дорогу, – сообщил он. – Нет сомнений, этот путь лучше, но уводит далеко на юг. Кто знает, свободен ли он вообще. Полагаю, лучше будет сперва проверить левую дорогу! Она существенно короче. Возможно, колонна сможет по ней пройти.

Эндрихкайт не возражал.

– Да все один черт, – едва различимо пробормотал он.

Вскоре выяснилось, что проехать по дороге почти невозможно. Она была узкой, с глубокими колеями, по которым легковушка беспомощно переваливалась из стороны в сторону. А теперь дорога еще и спускалась крутым серпантинном в поросшую кустарником расщелину. Нет, это был не вариант! Бройер собрался поворачивать вспять.

– А ну погодите, – остановил его Эндрихкайт. Его охотничий глаз что-то углядел. – Там стоит кто-то впереди! Может, он нам что скажет!

Капитан выбрался из автомобиля. Бройер безучастно смотрел, как тот, спрятав руки в карманы тулупа, приблизился к человеку в белом камуфляже, стоявшему прямо посреди дороги метрах в тридцати от них. Внезапно он вздрогнул. Человек как-то странно дернулся, и Эндрихкайт рухнул навзничь. В тот же миг в кустах сбоку от дороги засверкали вспышки, верх авто пробил пуля. В мгновение ока Лакош схватил гранату, выскочил из автомобиля, выдернул чеку и швырнул гранату в кусты. Грохот, блеск разрыва. Из кустов повалил густой дым. Во мраке расщелины исчезли две фигуры в белом. Бройер, только сейчас оправившийся от шока, послал им вдогонку несколько пуль из пистолета-пулемета. Чуть поодаль на дороге, постанывая и хрипя, в клубок сцепился с неприятелем Эндрихкайт. Ему удалось схватить противника за ноги и повалить, и теперь он отчаянно удерживал его правую руку с зажатым в ней револьвером. Враг, выпустивший уже две пули, казалось, был готов идти до конца. Лакош кинулся к ним широкими скачками, ища на ходу оружие. Тут он нащупал под плащом штык. “Ага, – смекнул он, – значит, не зря задал мне трепку фельдфебель!” Он выхватил клинок и всадил его в спину человеку, только что выстрелившему в третий раз. Стальное лезвие, скользя вдоль кости, вошло глубоко в плоть. К горлу Лакоша подступил какой-то склизкий, как медуза, ком. Хватка русского ослабла, его грузное тело судорожно затряслось, потом он упал навзничь и больше не шелохнулся. Тяжело дыша, Эндрихкайт поднялся. Отделали его на славу: чудная белая овчинка свисала лохмотьями, лицо было расцарапано, усы торчали венником. На левом рукаве виднелись свежие пятна крови.

– Батюшки, батюшки! – промолвил он, отдуваясь. – Еще бы немного – и конец мне! Вот же ж сволочь проклятущая!

Вытащив пестрый носовой платок, он утер с лица грязь.

– Лакош! Бог ты мой, Карл! – вдруг спохватился он и хлопнул коротышку по плечу своей огромной лапищей, да так, что тот чуть с ног не свалился. – Если б не вы, хоронили бы меня сегодня... Я такого не забуду, мальчик мой!.. Если что понадобится, сейчас иль после войны, ты ни к кому не ходи, а иди сразу к старине Эндрихкайту, смекнул?

– Так точно, господин капитан! – выдавил Лакош, по-прежнему преодолевая тошноту, и осторожно протянул руку для рукопожатия.

В это время возвратился осматривавший окрестности Бройер.

– Там лыжня, – сообщил он. – По всей видимости, русская разведка на лыжах. Максимум четыре-пять человек. Если б было больше, они бы не прятались. Небось, решили, что могут прикончить нас тут втихаря вместе с нашим драндулетом, пока никого нет.

Они осмотрели лежавшее в луже крови тело. Под маскхалатом обнаружилась горчичного цвета советская гимнастерка. Бумаг при нем не было.

– Что ж, Лакош, – произнес обер-лейтенант на обратном пути, после того как они проинспектировали и другую дорогу. Засад на ней не оказалось, движение шло вовсю. – Без вас мы бы все сейчас жарились в пекле. Вам известно, что для штабных Железный крест необходимо продавливать в Верховном командовании, и известно, как не любит этого наш начштаба... Но на этот раз я добьюсь для вас награды, это я вам обещаю!

В ночи по направлению к Дону тянулись бесконечные колонны. Части 16-й и 24-й танковых дивизий охраняли переправы от атаковавших советских моторизованных частей. 11-й корпус отступал к Сталинграду по приказу командования армии, по приказу Гитлера. Отступление на восток – какая несурза!

Изможденные солдаты, увешанные одеялами и плащ-палатками, брели вперед, утапывая больными ногами изъезженную дорогу. Измотанные до предела за два сезона “блицкрига”, вечно на марше, прошедшие морозную зиму без остановок и без передышек, без подошедшей

смены, с редкими увольнительными, оказавшиеся в мясорубке, вызволить из которой могли лишь смерть или тяжелое ранение, они наконец окопались у Дона в надежде на неторопливую позиционную войну, которая уже казалась им чуть ли не столь же заманчивой, как отпуск с поездкой на родину.

Еще вчера они возводили укрепления на зимних позициях, ощущая, как враг дышит в спину и подбирается к ним с флангов. Их успокаивали, говорили, что не стоит обращать внимания на звуки сражения, что все уладится. И внезапно – сняться с позиций, отходим! И они покидают тот кусочек берега, с которым уже сроднились, который защищали, когда ему грозили со всех сторон. Выступают в таящую опасность ночь, в неизвестность. Там не ждет их ни крестьянская изба, ни блиндаж, ни даже соломенный тюфяк. Это подрывает боевой дух; по полусонным рядам бродят разные слухи.

– Говорят, на хуторе Осиновском штаб корпуса захватили.

– Такое же безобразие, что прошлой зимой под Москвой. Все так и начиналось!

– И куда мы теперь?

– Говорят, на тот берег.

– Когда от Москвы отступали, то хотя бы в сторону дома...

Начальство приказало – и солдату ничего не остается, как молча шагать. Этот нескончаемый марш-бросок, от которых уже все отвыкли, страшнее всякой катастрофы. Израненными ногами ступают они по обледенелым дорогам. Приказывать легко – идти трудно. В ночи тянутся бесконечные колонны...

Одной из последних выступает опергруппа полковника Штайгмана. Сам полковник объезжает часть на автомобиле. Он изнеможен и рассержен. Пусть и с большими потерями, но они удерживали Бузиновку – а тут их заставляют пережить такое... Они стояли скалой. Но все напрасно! Точно так же они удерживали долину Голубой – и продолжали бы удерживать и сейчас. Но тщетно! Назад, назад!

А почему? Этого никто не знает. Германия остается где-то далеко за спиной... Но полковник не подает и виду. Он ободряет солдат, призывает держаться мужественно, не дает действовать наобум, отдавая четкие приказы.

По бокам от дороги – немые свидетельства пребывания тех, кто прошел перед ними: брошенные машины, околевающие лошади, техника, вскрытые ящики, разбросанные бумаги... Следы спешки и поражения. “Это испытание на прочность, – думает Штайгман. – Прочность духовную и физическую. Мы должны его выдержать!”

Вокруг в темноте на полях полыхают костры, возвещая о торжестве неприятеля. Своим частям Штайгман запретил устраивать эти бессмысленные ритуальные сожжения. Ему не понаслышке знакомо разлагающее воздействие уничтожительной лихорадки, оправданной приказом сверху. Мимо него, фыркая, плетутся кони; длинные белые нити соплей и слюны свисают с их морд. Санитарные машины переполнены, раненые грудятся на телегах. Следом солдаты, впрягшись по двадцать человек, тянут на себе пехотные орудия. “И-и-и-р-раз!” Колеса орудий застревают, снег налипает и скрипит под стальными колесами. Солдаты словно рабы, и их невидимый погонщик – вера в то, что в бессмыслице есть смысл, вера в командиров.

– Пока держимся, господин полковник! – кричит фельдфебель. – Только бы тягачи поскорей подоспели!

Где они, тягачи разведывательного дивизиона? Они давно уже должны были подойти...

Полковник едет дальше, мимо марширующих отрядов и машин. Откуда-то из темноты выстреливают “катюши”; выпущенные ими ракеты, ядовито шипя, рассекают небо, точно хвостатые кометы. Позади них, в отдалении, раздается слабо уловимый шум сражения: там сражается арьергард. Слева тоже доносится тихий гул. Северная отсечная позиция!.. Утопая в снегу, толкает велосипеды велоэскадрон. От тяжелого дыхания солдат над ними поднимается завеса пара. Санитары, точно санки, тащат за собой носилки с ранеными и оружием. Пехотинцы тащат

пулеметы и ящики с патронами, отчаянно в них вцепившись. Если у тебя есть оружие, есть боеприпасы, значит, пока еще все в порядке. Тяжесть груза умерщвляет плоть, но дает опору духу. Впереди дорогу перегораживает грузовик. Образуется пробка. У машины сломалась ось; в кабине валяется в стельку пьяный водитель. Люди окружили ее, точно муравьи, и, воровато озираясь, рожются в том, что спрятано внутри. Никто и не пытается освободить дорогу. Кучка солдат в стороне пустила по кругу бутылку. Срывая от крика связки, встречается молодой офицер:

– Убрать спиртное! Вы что, хотите до смерти упиться? А ну все сюда, чертовы говнюки!
И – взяли!

Полковник останавливает автомобиль и выходит.

– Спокойно, спокойно, Шнайдер! – умиряет он лейтенанта. Штайгман понимает, что люди сумеют взять себя в руки. Справиться можно! Но только не таким способом и не в такую ночь.

– Ну что, мужики, взялись! – кричит он, сам наваливаясь на грузовик. – Напиться всегда успеем, сперва надо до цели добраться!

Оцепенение спало. Машина откатывается в сторону, освобождая путь. Пьяного шофера полковник сажает в свою машинку, укрывает одеялами. Мальчик еще совсем молодой, он пытался забыться и не понимал, насколько близка была смерть. Щеки и нос он уже отморозил. Дорога резко уходит вниз. Еще одна проклятая расщелина! Склон обледенел; солдаты цепочкой скользят по нему в овраг. Машины приходится спускать на тросах, шум перекрывает звонкий голос командира первой роты.

– Стоять, стоять! Правее!.. Эй, вы там, про тормоза не забывайте!

У комроты прострелено плечо, но и он застрял здесь с ними. Рота ему теперь и дом, и лазарет. Орудие срывается с троса и, перекатываясь и грохоча, стальной лавиной обрушивается прямо на людей. Раздаются крики, стоны... Ночь уносит своих первых жертв. Но вот же они наконец, долгожданные тягачи! Один из них проломил жиденький мостик и теперь торчит клином, перегораживая проход. Вытащить его невозможно. Второй в беспомощности замер на противоположном берегу – лед его веса не выдержит. К машине полковника подлетает фельдфебель Штарк, не в силах вымолвить ни слова. В глазах его немой вопрос. Он не знает, что делать.

– Взрывайте! – жестко приказывает Штайгман. Вид у него вдруг становится, как у старой развалины. Фельдфебель замирает, как вкопанный, точно не понял, что ему сказали. Так значит, все эти сверхчеловеческие усилия были напрасны? Перед внутренним взором его предстает, как он докладывает о потерях, как попадает за утрату орудия под трибунал... Вот просто так взять – и взорвать собственные пушки... И жизнь продолжится?

– Взорвать? – переспрашивает он, не веря собственным ушам. – Наши орудия? Неужто так надо?

За шесть лет службы он еще никогда не задавал подобных вопросов. Но непредвиденные обстоятельства меняют человека, и Штайгман это понимает.

– Не задавайте вопросов, Штарк, – почти отеческим тоном обращается он к фельдфебелю. – Я тоже не задаю.

Они добрались до широкой дороги.

– Стой! Сто-о-ой!

Неужто они у цели? Нет, до цели еще далеко, очень далеко. Привал! В лучах утренней зари полыхает деревушка. В чаду тлеющих руин, где-то на границе льда и пламени кони и люди, тесно прижавшись друг к другу, погружаются в сон. Сверху их припорошивает пепел. Поступает сообщение от арьергарда: “Враг преследует осторожно. Подбили два танка”.

– Подбили два тридцать четвертых! – шепотом передают по рядам. – Им нас пока что не взять! Мы еще что-то можем, можем еще сражаться!

Проходит несколько минут – и они снова двигаются в путь. Всё при себе: и раненые, и погибшие. Не хватает только орудий и перегруженной машины с боеприпасами, которая прокладывала себе путь в стороне от колонны. Они продержались первую ужасную ночь, прошли проверку на прочность. Есть еще порох в пороховницах.

“Фольксваген 82” полковника медленно объезжает ряды. Лицо его уже не скрывает невероятного напряжения, всей серьезности ситуации. Перед ним вновь показывается фельдфебель Штрак.

– Мы бы сдюжили, господин полковник! – кричит он. – Но пришлось бы тяжело... Какие у нас были прекрасные орудия! Ну да ничего не попишешь, значит, так было надо. Такие жертвы ведь не бывают напрасны!

Полковник молчит. Лицо его превратилось в маску. “Нет, не бывают, – думает он. – Надеюсь, что не бывают...”

Переправа через Дон! Казалось, бесконечно перебирались с холма на холм колонны марширующей пехоты, орудия, обозы и танки, виляя, спускались к широкой реке, тянулись по деревянному мосту, через хутор Песковатка на восточном берегу, уходили в бескрайние сталинградские степи и терялись вдаль. Опасения не подтвердились. Их не тронула советская артиллерия, которая в тот момент обстреливала северную переправу близ хутора Вертячего, лишь несколько авиабомб упало рядом, и переход их происходил упорядоченно, без каких-либо серьезных инцидентов. Вернулся порядок – вернулась и уверенность в собственных силах; кризис был преодолен.

Майор Кальвайт, наконец подведший танки к Дону, вместе с другими танковыми подразделениями вел бой у предместных укреплений, чтобы обеспечить отход оставшихся подразделений 6-го корпуса. Благодаря быстрому отводу сражавшихся под Бекетовкой дивизий и силам, поспешно согнанным с других участков, им удалось использовать брошенные русскими позиции в долине реки Карповки и соорудить новую южную линию фронта, которая, несмотря на свою скудность, на первых порах держалась. Начали вырисовываться очертания Сталинградского котла.

Полковник фон Герман в сопровождении Унольда и Бройера направился в штаб корпуса в Песковатке за новыми распоряжениями. Надежно защищенный от бомбежки, штаб с наивысшим комфортом располагался в роскошных жилых и рабочих помещениях, прорубленных инженерными войсками в подножии крутого склона. Пока командиры совещались в святой святых, Бройер сидел в плетеном кресле в приемной и листал разложенные на столике иллюстрированные журналы. Гляньте-ка, репортаж из России с картинками! “Девушка в Киеве”, – гласил заголовок. В модном наряде, гордо подняв кудрявую голову и держа в руке перчатки, она прогуливалась по “разрушенной столице”; рядом с ней катил на ручной тележке огромный чемодан маленький “абориген”. Вот она в элегантном купальном костюме принимает “солнечную ванну на берегу Днепра”, легкомысленно и открыто улыбаясь в камеру. Вот на заднем плане кто-то играет в мяч... “Как, однако, легко некоторым дается война! – подумал обер-лейтенант, отложив журнал. – Знают ли они там вообще, какие были принесены жертвы, сколько должно было погибнуть людей, чтобы какая-нибудь Лотта Шульце или Ютта Майер могла развлекаться тут на востоке, играя новую, современную, располагающую роль представительницы «высшей расы»?” Но от мыслей этих ему не становилось горько – слишком далек он был от этих людей, от их образа жизни и мышления; он чувствовал, что они отстали от него не на одно десятилетие. Да и ради них ли, ради их ли поверхностной корысти они сражались? Нет, вовсе нет! А ради чего тогда? Возможно, лишь ради себя самих, ради того, чтобы выйти из этого испытания более зрелыми, совершенными, лучшими людьми? Он знал, что его жизнь никогда уже не будет прежней, никогда не сможет он уже так беззаботно, бездумно, безо всяких устрем-

лений валяться на пляже, как валялся когда-то. Впечатления от войны были неизгладимы. Они глубоко проникли в его существо, неразрывно срослись с ним, и забыть их было не дано...

Деловито сновавшие туда-сюда элегантно одетые офицеры с удивлением и некоторым отчуждением взирали на бледного, небритого гостя в грязном плаще, уставившегося в пустоту прямо перед собой.

Под конец серьезного совещания у командующего корпусом старый генерал спросил у Германа и Унольда:

– Кстати, не принадлежала ли ваша дивизия ранее к танковому корпусу генерал-лейтенанта Хайнца?

– Так точно, господин генерал, еще совсем недавно, – ответил подполковник. – Генерал-лейтенант Хайнц некогда командовал нашей дивизией.

– Ах, верно, припоминаю... Тогда вас, наверное, заинтересует, что Хайнц вместе со своим начштабом взят под стражу.

Командиры воззрились на него в изумлении.

– Да, господа, чего только ни случается! – продолжил генерал. – Русские, продвинувшись вперед не только в районе Клетской, но и дальше к западу от Серафимовича, взяли Хайнца и две его танковые дивизии в клещи. Хайнц принял совершенно логичное решение прорываться на запад и вывел дивизии из возможного окружения почти без потерь. По всей видимости, это не понравилось командованию. По всей видимости, начальство считало, что он должен был уходить на восток, пробиваться к нам в котел! – он коротко усмехнулся. – Будто нормальный человек, выученный на офицера генштаба, мог предвидеть, что родится этот гениальный план добровольно загнать в котел целую армию!.. Ну, в любом случае, его арестовали и понизили.

Унольда глубоко потрясло это известие. Он раскрыл было рот, но не нашел подходящих слов. Генерал Хайнц был одним из немногих, чьи способности он признавал, даже не думая завидовать, он был образцовым военным – и чтобы с ним так паскудно обошлись... Это не укладывалось у него в голове. Полковник фон Герман, казалось, побледнел еще больше обычного, но не повел и бровью.

– Теперь и вы командуете дивизией, Герман, – произнес генерал, сверкнув глазами сквозь стекла очков. – Уж потрудитесь не спешить в генералы! Не такое это нынче удовольствие!

Штабные автомобили стояли на поляне неподалеку от реки на большом расстоянии друг от друга. На другом берегу им приходилось пробираться по глубокому снегу, здесь его почти что не было – он едва припорошил степные травы. Обер-лейтенант стоял поодаль один и глядел за реку, на запад. В лицо ему дул леденящий ветер, раздувая широкий плащ и засыпая снежной крупой сапоги. Там, на холме, точно прутья решетки, вздымались к небу направляющие вражеских реактивных минометов, занявших позицию на высоте. В бинокль можно было разглядеть, как по дороге, пролегающей через холмы, идут длинные колонны подтягивающейся с севера русской кавалерии. Бройер глядел на гаснущее пламя заката. Над родиной солнце стояло высоко, а тут оно уже скрывалось за горизонтом... Но в этот раз вместе с ним уходило и злосчастное двадцать четвертое число. В душе его воцарился глубокий покой. Он вновь вспомнил тот день, когда переходил простирающуюся внизу реку на запад, не думая, что когда-нибудь вернется. Когда это было? Несколько дней назад? Или прошло уж несколько лет?.. “Не отпускаешь ты нас, проклятый город на Волге! – подумал он, но не с сентиментальной грустью, а с трезвым осознанием произошедшего. – Ты наша судьба, Сталинград!”

Часть вторая Меж ночью и днем

Глава 1 Ждем Манштейна!

Начинался декабрь.

Над белой равниной Волги дул пронизывающе холодный восточный ветер, пощипывая раскрасневшиеся от мороза лица стоящих на крутом берегу солдат острыми кристаллами льда. Он петлял среди развалин покинутого города, яростно дергал за стропила и гремел жестью, чтобы потом, высвободившись внезапно, с дикой мощью ринуться в степь. На хрустящую полынь горой ложилась снежная крупка, укрывала замершие машины и купола блиндажей, превращая их в чешуйчатые горбы, залетала в голые расщелины, белыми лохмотьями окутывала солдат, скрючившихся, укрывшись плащ-палатками, в стрелковых окопах на западном фронте окружения. На письменное воззвание генерала фон Зейдлица не отреагировали никак, даже не назначили взыскание. Вероятно, в командовании группы армий, куда его без комментариев переслали из ставки верховного главнокомандующего, его просто-напросто выбросили в мусорную корзину. Паулюс отвел окруженные формирования на обозначенную Гитлером линию и 1 декабря был повышен в звании до генерал-полковника. С конца ноября Сталинградский котел, казалось, окончательно законсервировался в ожидании освобождения – настолько окончательно, насколько это готовы были признать советские войска. Пока что создавалось впечатление, что они к этому почти готовы. Штабные офицеры не отрывали глаз от огромных карт.

– Странные очертания, согласитесь. Напоминает полуостров Крым.

– Или скорее свободный ганзейский город Данциг. По размерам, в общем, тоже схоже.

– Я ради интереса измерил. В длину около шестидесяти километров, в ширину тридцать пять, по площади порядка тысячи трехсот квадратных километров, общая длина линии фронта – сто пятьдесят километров.

– И все равно это лишь крохотное пятнышко в пустынной русской степи... В любом случае, сидеть в Данциге лично мне было бы куда приятней.

– Ну-ну, господа, не утрачивайте самообладания! Двадцать две дивизии, триста тысяч бойцов... Что с нами может случиться? Мы могли бы вырваться отсюда в любой момент, если бы нам только разрешили. Но, с другой стороны, чего ради? Мы нашли себе развлечение. Побьем рекорд Холмского котла и прославимся!

Но оказалось, что будет не до развлечений.

Короткие зимние дни, неважно, сливались ли небо и земля в грязно-сером мареве или на востоке всходило огненное солнце и, стремительно описав полукруг по сверкающему от мороза, словно алюминиевому небосводу, снова садилось в окрашенные розовым поля, для окруженных солдат были одинаково тоскливы. Мучительно тянулись глубокие, нескончаемые ночи, мрак которых был пронизан монотонным пением авиамоторов, лающими очередями пулеметного огня и глухим рокотом артиллерийских залпов. Бездонную мглу то и дело прорывали желтые вспышки, по ней бисером рассыпались цветные точки трассы, на несколько минут застилал бледный, точно пергамент, свет осветительных ракет и плавно спускающихся на парашютах огненных шаров. Такие дни отчего-то называли спокойными, но не было такого места, где прекратилась бы борьба и воцарился покой. На промерзлой земле действительности расцветали цветы надежды.

В нескольких километрах к западу от поселка Питомник в сторону хутора Ново-Алексеевского около дороги стояли три-четыре обветшалых дома. Вокруг них, точно стадо овец, теснились автомобили. Над дверью одной из изб была прибитая выкрашенная красным доска с надписью: “Управление начальника гарнизона”. Из нее только что вышел человек, смерил пристальным взглядом небо, на котором в три часа дня по Берлину уже гасли последние лучи, поднял воротник полушубка и быстро зашагал прочь по обледенелой дороге, ловко удерживая равновесие. Короткая приталенная шубейка вздымалась на резком ветру, точно юбочка танцовщицы. Фельдфебель Харрас был невероятно горд своими обновками, и прежде всего белой дубленой шапкой на овечьем меху, которую пошил ему по индивидуальному заказу штабной портной. Не далее как сегодня незнакомый солдат обратился к нему со словами “господин капитан”. Харрас торопился добраться до блиндажа: тут, рядом с этими избами, с наступлением темноты становилось неуютно. Капитан Факельман, который с недавних пор исполнял обязанности начальника гарнизона, расквартированного на хуторе Дубининском (“А хорошенькое все-таки местечко, несмотря на всю запущенность!”), только что показал ему следы от двух упавших прямо рядом с домом бомб. “Вот удружили, а! – приговаривал Факельман. – Один грузовик и одну БРМ разнесли в клочья, стена почти ввалилась, полкрыши снесло – и, разумеется, все окна повыбивало!” Теперь им за заколоченными ставнями приходилось сидеть при свечах даже днем. Фельдфебель свернул на дорожку, ведущую на север. Там, в нескольких сотнях метров от главной дороги, вырос целый город, причем внушительных размеров. Плотно жались друг к другу невысокие земляные холмики, усыпанные снежком, точно сахаром; из них валил черный дым. Между крыш торчали грубо сколоченные будочки и радиомачты, чадили полевые кухни, стояли обмазанные побелкой грузовики, наполовину вкопанные в землю или укрытые от летящих осколков наваленными с боков сугробами. Весь этот хаос связывала паутина тропинок и колеи. Глядя на их зимний лагерь, Харрас не мог не думать, до чего он напоминает полярную исследовательскую станцию, которую он как-то видел в образовательном фильме. Укутанные в сто одежек и обутые в войлочные сапоги пехотинцы видом своим тоже мало отличались от эскимосов. Не хватало только белых медведей да собачьих упряжек. Фельдфебель прислушался. Он мог явно различить стрекот и гул: приближалась первая “швейная машинка”, как в пехоте прозвали нагоняющие страх под покровом ночи старые советские бипланы У-2. Со стороны аэродрома Питомник вспыхнула в небе парашютная светящая авиабомба и зависла, почти не шевелясь, заливая снежные просторы рыжеватым светом. Раздались глухие взрывы. Странно, однако, что советская авиация почти не трогала их полярную станцию! Возможно, русские принимали гигантское скопление машин за своего рода кладбище сломанных автомобилей. Кроме того, расположенный поблизости аэродром служил им громоотводом. В действительности тут было даже уютно. Они располагались в самой середине котла, за пределами досягаемости вражеской артиллерии. Были бы они сейчас в составе тактической группы на южном фронте, им бы так спокойно не жилось...

“Чума тебя разбери!” – Харрас налетел на что-то твердое, лежащее поперек дороги, и споткнулся. Это был втоптаный в землю труп; его едва можно было распознать по паре заледенелых коричневых ошметков, оставшихся от формы. Какой-то русский или румын, околевавший от голода, застреленный или сбитый машиной... Кому было до этого дело! Из-под снега торчали позеленевшие босые ноги, череп размозжило колесами. Вся внутренняя сущность “условно исполняющего обязанности главного фельдфебеля” возмутилась. Просто так оставить его лежать здесь! Просто невероятно! Как только начнется оттепель, вонять будет на всю округу. Он пнул тело еще разок ногой, но оно, намертво смерзшись с землей, даже не сдвинулось. Харрас огляделся. А туда ли он вообще идет? В этом лабиринте он вечно терялся. Стоило бы сделать хоть пару указателей! Но их бы тут же растащили на растопку. Он обреченно зашагал дальше. Ну вот, кажется, начало проясняться! Он вроде как достиг западного края подзем-

ного городка. Фельдфебель остановился и еще раз оглянулся по сторонам. Вот этот черный ящик – это, кажется, штабной автобус, там, за ним – машина командира, а где этот драндулет, там, верно, и сам блиндаж начштаба... Вдруг он напрягся и выжидающе вытянул шею. Не было никаких сомнений, прямо рядом с невысокими крышами кто-то сидел на корточках. Среди темного силуэта белела обращенная против ветра голая задница. Ну, погоди, свинья, вот я тебе задам!.. И Харрас, точно ястреб, кинулся на скорчившегося солдата.

– С ума, что ль, сошли? – приподнялся тот, левой рукой придерживая штаны и прикрывая правой то, что у приличного бойца было бы прикрыто штанами.

– Ну конечно! – с наслаждением протянул Харрас. – Господин Лакош! Вы никак не знаете, что облегчаться в радиусе пятидесяти метров от блиндажей запрещено?

– Так точно, господин фельдфебель!

– И?

Лакош порядком продрог под натиском восточного ветра, зубы его громко стучали. Харрас отнес было это на счет своего устрашающего воздействия, но ответ коротышки вернул его с небес на землю.

– Слишком холодно, господин фельдфебель! И кроме того, нас так кормят, что я пятидесяти метров теперь уж не пройду!

Харрас набрал было воздуха в легкие, чтобы размазать шофера в лепешку за такое нахальство, но вовремя одумался. Всем было известно, что фельдфебель вскоре покинет штаб, и такое поведение подорвало бы его авторитет. Было бы разумнее обеспечить себе мирный отъезд. Поэтому он решил сменить тон на отеческий:

– Нельзя же так, дружочек! Подумайте только: что, если мы застрянем тут до весны? Распустятся ваши кактусы – и представляете, какой будет аромат? Думаю, с этим вы спорить не станете?

Лакош расчувствовался.

– Так точно, господин фельдфебель! – произнес он. – Но, с другой стороны, господин фельдфебель не могут не согласиться, что степь от этого станет куда как плодороднее! Кто знает, может, нам тут и картошку сажать придется... Какая жалость, что господин фельдфебель уедут и этого не застанут!

Харрас издал нечленораздельный звук, резко развернулся и широкими шагами устремился прочь. Лакош затянул ремень. “Опять за неделю на две дырки уже!” – обеспокоенно подумал он и глянул на одиноко торчащий на морозе “фольксваген”. Ему тоже оставалось недолго. Сцепление и передача уже почти отказали, и чтобы завести его с утра, требовался не один час.

– Ты держался молодцом, дружище! – пробормотал Карл, ласково поглаживая беленый кузов. – Двенадцать тысяч километров по русским дорогам – это не хухры-мухры! Пускай Манштейн поторапливается, иначе рискует не застать тебя на ходу!

Привычным движением он извлек из кабины два облегченных кресла и, насвистывая, полез с ними обратно в блиндаж.

Лакош прозвал его “чемоданом”, просто-напросто “чемоданом” – и всем было ясно, что он имел в виду. Обмазанные глиной ребристые стены вырытой в твердой земле дыры, в которой гнезился штаб дивизии, определенно напоминали внутренности держащегося благодаря ребрам жесткости чемодана. Крышку его на высоте чуть больше человеческого роста образовывал устеленный землей брус. Поднять ее, к сожалению, было нельзя, и выбираться приходилось по пяти скользким глиняным ступенькам; при этом обитый жестью люк надо было уметь приподнять так, чтобы не получить заряд морозного воздуха в лицо. Сидя по уши в земле, они были со всех сторон надежно защищены от попадания осколков, а маленькая буржуйка без труда могла протопить все помещение. На первых порах, когда штабу приходилось ограничиваться

всего четырьмя блиндажами, им приходилось делить свои восемь квадратных метров с дежурными по столовой и служащими связбата. Днем они еще могли как-то разместиться, рассевшись на полу и не шевелясь, но ночью тринадцать человек жались друг к другу, как селетки в бочке, заполняя на соседей. И горе тому, кто посмеет дернуться или почесаться, когда выйдут на свой ночной обход вши! Позже, когда места стало больше, в убежище из всех соседей осталось только двое: начальник связи лейтенант Визе и Сента.

– Вы едва не стали третьим адъютантом, Визе, – будем считать, что вы уже свой! – сказал ему Бройер. – Ваши люди будут только рады немного побыть без начальства, а мы будем рады, если вы останетесь с нами.

Визе с удовольствием остался. Маленькая палевая бульдожка Сента тоже была своей: где-то на Дону Лакош спас ее от пули, вырвав из рук офицера люфтваффе. Он полюбил ее всей душой и не на шутку рассердился, когда Херберт однажды обозвал ее чем-то вроде мордастого чудовища. Как только в бомбоубежище стало попросторней, они смастерили стол. Ночью на нем валетом спали Бройер и Визе, проявляя поистине сомнамбулическую осторожность. Под столом ночевал зондерфюрер Фрелих. Опасность свалиться ему не грозила, но зато он постоянно, вскакивая от грохота падающих бомб, набивал себе об столешницу шишки. По счастью, пол был покрыт досками, и остальные могли довольно вольготно на нем разместиться.

Сквозь узкое оконце, прорезанное в продольной стене под самым потолком, падал тусклый свет. Еще тусклее был вечерний свет маленькой керосинки, но все же обитатели ею гордились. Лакош прихватил эту драгоценность, когда они выезжали из какого-то чужого блиндажа, и каждые три дня ходил к каптенармусу кланчить солярку. Когда однажды в процессе чистки Гайбель расколотил плафон, его чуть не четвертовали, но в конце концов им удалось сделать из стеклянной банки новый, и крохотная лампа продолжала бросать печальные отблески на те немногие картинки, что украшали стены, с которыми они успели сродниться. В рамке из золотисто-желтой картонной папки для бумаг висела фотография супруги Бройера с двумя мальчишками. Над тем местом, где обычно сидел Визе, красовалась цветная открытка с “Мадонной, ок. 1520” Маттиаса Грюневальда¹⁸. Но центральным элементом экспозиции был вырезанный из армейского журнала лозунг – выведенные красными и черными буквами по желтой бумаге строки из стихотворения Ульриха фон Гуттена:

О счастье дней минувших не мечтаю.
Я на прорыв иду и о былом не вспоминаю!¹⁹

– Мне это не по нутру, – поговаривал Визе. – Мечты о минувшем счастье – вообще единственное, что не дает повесить нос!

Фрелих был на этот счет иного мнения. Именно он повесил цитату на стену и не уставал каждый день ею восхищаться.

– Ай да Гуттен! Вот был мастак! – внушал он своему неизменному слушателю, Гайбелю. – Словно для нас писал! Эх, вот был бы он сейчас здесь... Ну да обождите, он прорвался – и мы прорвемся. Увидите – едва мы выступим, как русские тотчас же побегут!.. “Я на прорыв иду” – вот достойные слова!

Как правило, за этим следовала длинная тирада о текущем положении дел, о том, что оно грозит русским окружением и вообще полным уничтожением, стоит им только... Унтер-офицер Херберт, которого в последнее время все страшно раздражало, такие беседы на дух не

¹⁸ Открытка с “Мадонной, ок. 1520” Маттиаса Грюневальда – вероятно, автор имеет в виду “Штуппахскую Мадонну” (1514–1516). Маттиас Грюневальд (ок. 1480 – ок. 1530) – живописец и график эпохи Северного Возрождения.

¹⁹ ...Из стихотворения Ульриха фон Гуттена... – Ульрих фон Гуттен (1488–1523) – немецкий рыцарь, поэт, гуманист, публицист, критик церкви. На самом деле приводится цитата из поэмы “Последние дни Гуттена” (1871) швейцарского классика Конрада Фердинанда Мейера (1825–1898).

переносил и ретировался на свежий воздух или вставлял едкие замечания. Бройер же не раз останавливал взгляд на строках поэта – его глубоко трогала мудрость веков.

Оставшиеся части танковой дивизии полковника фон Германа также располагались в районе хутора Дубининского, почти в самом центре котла, и считались оперативным резервом армии. Если где-то начинало пахнуть жареным, то есть если русским удавалось прорваться за обозначенную Гитлером основную линию фронта, им приходилось исправлять положение. Такую тактику майор Кальвайт метко прозвал игрой в пожарную команду. Остаткам артиллерийского полка под руководством полковника Люница, двадцати единицам техники танкового полка, которые удалось в мастерских вновь поставить на ход, и свежесформированному из артиллеристов, связистов, обозных и того, что осталось от противотанкового дивизиона, батальону под командованием капитана Айхерта покой даже и не снился. К сожалению, жареным пахло довольно часто, в особенности на северо-западном фронте, где размещались ослабленные отступлением дивизии, а рельеф оставлял желать лучшего. Всякий раз после вылазки в том направлении части, к величайшему расстройству комдива, возвращались довольно потрепанными. Однажды наступил день, когда зарядившие с утра удары по северо-западной линии никак не прекращались. Жареным пахло ого-го как. Возвратившись после полудня с совещания у командующего корпусом, полковник фон Герман получил от Унольда, несколько утихомирившегося за время воцарившегося после жуткого бегства затишья, только что поступивший приказ командующего армией идти в бой.

– Русские прорвались далеко за линию фронта, – доложил подполковник. – Там, где располагалась Венская дивизия, они добрались до артиллерийских позиций... На этот раз нам придется вести в атаку все подразделения. Господину полковнику поручено руководить контр-наступлением. Для подстраховки к вам из соседней дивизии переведен полк под командованием Вельфе.

Полковник кивнул. Подполковник Вельфе хорошо запомнился ему по отступлению. С такой поддержкой они точно устоят!

В штабе принялись прорабатывать план наступления. Тем же вечером батальон Айхерта, в котором были сконцентрированы все пехотные силы дивизии, был погружен в грузовики, переброшен туда, где советские войска теснили Венскую дивизию, и предоставлен в полное распоряжение местного командования.

Лакош с трудом вел машину по мокрому снегу. В салоне кроме него сидели Бройер и пастор Петерс. Капеллана, которого связывала крепкая дружба с лейтенантом Визе, всегда рады были видеть в блиндаже отдела разведки и контрразведки. Молча улыбаясь, сидел он в своем уголке и слушал их рассуждения. Высказывался он редко, но слова его имели вес и всякий раз заставляли военных прислушаться. Широкое лицо его излучало спокойствие и уверенность, ничуть не омрачаемые суетой происходящих событий.

– Скажите мне вот что, господин пастор, – спросил его однажды Бройер, не сводя глаз с украшавшего его рясу Железного креста первого класса, – вы ведь военный священник, а стало быть, тоже солдат. Как вам удастся совмещать военную службу с душепопечительством? Будучи добрым христианином, вы должны были бы... в общем-то...

– Быть пацифистом, вы хотите сказать? – улыбнулся Петерс. – Отринуть мирскую злобу, дабы не запятнать себя? Отказаться в утешении и духовной поддержке тем, кто каждый день глядит смерти в глаза, лишь оттого, что я не сторонник войны? Нет, господин обер-лейтенант, это и был бы грех... Прегрешение перед лицом нашего народа, с которым мы должны быть не только в радости, но и в горе, и при исполнении долга. Мир несовершенен, увы! И его не исправить сухой теорией. Быть христианином в воспротивившемся Христу мире значит подавать другим пример и примером этим стремиться изменить и людей, и весь свет. Вот какая перед нами стоит задача!

В этом был весь пастор. Он не бросался пустыми словами, а сам в точности следовал тому, что говорил. Поскольку санчасти были разбросаны по всему фронту, его редко призывали, но сам он не сидел на месте: он сопровождал части, направлявшиеся в бой, или, поскольку начштаба не предоставил ему автомобиля, пешком вместе со службой обходил лазареты и перевязочные других дивизий. Было само собой разумеющимся, что сейчас, когда дивизии предстояло крупное сражение, он был при ней.

На хуторе Бабуркине, в местечке и без того неуютном, царила неразбериха. Повсюду стояли и лежали измазанные в грязи, запущенные, даже не всегда вооруженные солдаты, кричали друг на друга, тащили из бомбоубежищ ящики, мешки и свертки; перед одной из избушек завязалась драка с румынами. Время от времени раздавался громкий хлопок, лошади вздрагивали и бросались врассыпную; по дороге, среди домов оттаявшей и покрывшейся лужами, пронеслись загруженные телеги и сани. На окраине, вокруг стоящего передом к фронту бомбоубежища, в котором располагалась санчасть, земля была усеяна воронками от бронебойных снарядов; над снежным покровом желтыми нитями вился серный дым. В дикой спешке вытаскивали раненых. Одновременно в хутор вошли танки Кальвайта. Пастор попрощался, собираясь направиться к лазарету. Поскольку проехать было невозможно, Лакош отвел машину в укрытие за один из домов.

– Кажется, у вас в дивизии не хватает бойцов, – произнес Бройер, обращаясь к стоявшему там офицеру. – Здесь кишмя кишит!

– Видите ль, это все отставшие да обозные уже расформированных частей, – ответил тот, угрюмо глядя на суетящихся. – Бесчинствуют! Мы с ними, короче, ничего поделать не можем. Собрались тут было две избы от этого сброда зачистить, да, знаете, чуть нас всех не перестреляли! Коли армия не подойдет, то уж и не знаю...

Штаб Венской дивизии засел в блиндажах к северо-западу от Бабуркина. Точно ласточкины гнезда, налепились они на крутом обрыве. Пробраться к ним можно было только по околочным перилами шатким мосткам. В этой горной крепости, по которой то и дело падали одиночные прорвавшиеся танки, комдив на рассвете встретил посланцев армии радостным известием. На лице его еще читались следы беспокойного минувшего дня, но было видно, что он испытывает облегчение. Еще ночью батальону Айхерта удалось оттеснить врага на левом фланге и взять господствующую высоту 124,5.

– Что ж, дело почти что сделано! – произнес Унольд. – Остальное за Вельфе... А с теми двумя-тремя танками, что еще шныряют по округе, вы наверняка разделаетесь, Кальвайт!

Майор Кальвайт, прибывший прежде своей части, удрученно кивнул. Для этого вовсе не было нужды вызывать весь его дивизион.

– Айхерт исполнил свой долг, отвоевав высоту, господин генерал, – обратился к командиру австрийской дивизии полковник фон Герман, задетый самоуправством своего начштаба. Австриец почувствовал себя лишним в их деловитой компании и, разозлившись, отошел в угол. – Я бы предложил вам уже сейчас отдать батальону приказ смениться.

Генерал в ответ пробурчал нечто неразборчивое и отвернулся. Перспектива сменить батальон своими частями его, видно, никак не радовала.

Бройер застал начальника отдела разведки и контрразведки – страдающего астмой толстяка – в весьма скверном расположении духа. Чтобы освободить место для штаба полковника фон Германа, капитана согнали с насиженного места в блиндаже. Недовольно ворча, он устроился в углу со своей миской кислой капусты с клецками. Ввести гостя в курс дела он предоставил своему ординарцу, обер-лейтенанту с загорелым скуластым лицом тирольского лесоруба. Тот с радостью приступил к рассказу, причем издалека.

– Положенье наше... М-да, его и положеньем-то не назовешь! Стоило нам добратся, генерал наш возьми да и махни рукой на снега – вот таким, знаете ль, манером! – и говорит:

мол, здесь теперь будет наша позиция! Ну, значит, и принялись мы из снега валы возводить да крепости... Потом, как лопаты всем раздали, окапываться, значит, начали. Каждые десять метров на двоих по шанцу, такие, знаете ль, по грудь едва, да тряпок с убитых русских туда понавтыкали. А потом еще пару блиндажей для штаба батальона и роты вырыли... Ну, а там подкатили русские и стали кричать, значит, в громкоговорители, что мы, мол, австрийцы, не должны за Гитлера голову класть, за подлеца-то. Ну, мы посмеялись только и задали им трепку, знаете ли! А вчера они по нам как вдарят артиллерией и “катюшами”! Ух, проклятушие... И пехота их следом как пойдет – одна часть за другой, одна за другой, волнами так, да потом еще и танки – прошлись по нам, да, ничего не скажешь... Вот и ломаем голову, как бы сегодня так им наподдать, чтоб их снова отсюда вытурить.

До полудня полк под руководством Вельфе успешно продвигался вперед. Правый батальон застал неприятеля врасплох, разбил тяжелый минометный дивизион и почти достиг назначенной цели. Батальон Айхерта засел на господствующей высоте. Генерал продолжал тянуть с подводом смены. В середине дня в блиндаж влетел капитан Айхерт. Свежая повязка на правой руке сочилась кровью.

– Так дело не пойдет, господин полковник... И господин генерал! Высота под огнем минометов и артиллерии... Постоянно! Потери уже двадцать процентов состава!.. Еще часа два мы просидим там наверху – и от батальона ни одной живой души не останется!

– Я так и думал! Рано радовались! – едва ли не злорадствуя, рявкнул генерал. – На этой голой кочке никто долго не держится! То русские ее займут, то мы. И всякий раз нам это удовольствие стоит колоссальных потерь!.. Но разве до командования армией это можно донести? – прибавил он, намекая на общую заинтересованность в этом деле. – Я уже сотню раз при поддержке корпуса выдвигал предложение вновь перенести основную линию фронта к подножию. Все впустую! Гитлер приказал – значит, приказал!.. Не буду же я, в конце концов, обращаться в Верховное командование!

– Я немедленно поговорю с командованием армии, Айхерт, – поспешил успокоить капитана полковник фон Герман и отослал его назад. Его и самого крайне задело то, что он услышал. Но не успел он даже приступить к претворению в жизнь своего намерения, как поступило сообщение от боевой группы: “Под ожесточенным натиском вражеской пехоты вынуждены были оставить высоту 124,5. Раненых удалось вынести лишь частично!”

Руки Унольда затряслись, все его высокомерие как ветром сдуло. Полковник вышел из себя. Он потребовал соединить его с командованием армии и позвать начштаба. Подробно описав ситуацию, он предложил перенести линию фронта к подножию высоты. Затем трубку взял генерал:

– ...Нет, это не будет на руку русским! Они не смогут удержаться наверху... Мы сможем согнать их оттуда артиллерией в любой момент, как они нас согнали... Так точно, боеприпасов хватит!

Затем в разговор снова вступил полковник. Потом они вместе слушали, что с того конца провода говорил им начальник армейского штаба генерал Шмидт...

– Так точно! – произнес полковник и побагровел на глазах. – Так точно, господин генерал!

И подчеркнуто поклонился аппарату – судорожно и отрывисто.

Прошло несколько минут, он повесил трубку. Сделав глубокий вдох, он обернулся к Кальвайту, только что подошедшему доложить, что был подстрелен последний прорвавшийся танк врага.

– Итак, Кальвайт, – как бы походя произнес фон Герман, – вот вам новый приказ от командования армией: с наступлением темноты ваши танки должны занять высоту 124,5 и держать до тех пор, пока с рассветом не подойдет пехота!

На мгновение майор замер, как вкопанный. Потом у него, обычно невозмутимого, впервые сдали нервы.

– Что?! – завопил он. – Да это же просто сумасбродство! Ночью... Мы им что, кошки, чтобы ночью видеть? С утра они нас одним щелчком оттуда вышибут, мы даже опомниться не успеем!

Полковник лишь пожал плечами.

– Что толку возмущаться... Приказ есть приказ.

– Приказ! – не мог уgomониться майор. В приступе гнева он позабыл о всякой субординации. – Да командование и представления не имеет о том, что такое танки! Сгонять жалкую кучку пехоты танками это... На учениях еще можно экспериментировать, но только не здесь, не в этой ситуации!

Он вышел, не попрощавшись, и громко хлопнул дверью.

После захода солнца подполковник Вельфе, который вел в атаку левый фланг, доложил, что им удалось достичь прежней линии фронта. На радостях он тут же позвонил комдиву, чтобы лично сообщить подробности.

– ...Так точно, господин генерал, оглушительный успех! Первый батальон проявил особую напористость. Комбат вместе со штабом выступили первыми... К сожалению, пал... Прострелили руку. Когда возвращался обратно на броне, получил пулю в живот. Скончался в перевязочной... Так точно, очень жаль... В остальном? Примерно шесть процентов погибших, десять процентов раненых... Так точно, благодарю!.. Это почему же так, господин генерал?.. А!.. Ага... Ну тогда... всего доброго... господин генерал!

Подполковник положил трубку, снял монокль и, моргая, принялся протирать его, явно думая о чем-то другом. Вид у него был бледный, и это не ускользнуло от внимания фон Германа.

– Ну так что же, Вельфе? Что говорит ваш шеф? Он доволен?

– Да, весьма, – безрадостно произнес подполковник. – Он высказал нам свою глубокую признательность... И попрощался.

– Попрощался?

– Именно так, попрощался. Штаб... эвакуируют! Самолетами. Восьмого числа... Им нашли иное применение!

Ночью танки заняли высоту. Еще до полудня следующего дня она вновь перешла к русским. Пять танков полка выбыли из строя окончательно; еще восемь были значительно повреждены, но их удалось спасти. Боевая группа Айхерта потеряла 40 процентов убитыми и ранеными, еще 15 процентов скончались от обморожения. Единственным, что можно было засчитать как успех, стало то, что командарм наконец прислушался к комдиву и перенес линию фронта назад, к подножию холма. Генерал был искренне благодарен полковнику фон Герману за то, что удалось этого добиться.

На этом боевое задание дивизии фон Германа было выполнено.

Лакош корпел над письмом. Перед ним на столе лежали купюры. Он принял решение на этот раз послать матери всю наличность. На что ему деньги на передовой! Покупать здесь все равно нечего... Лейтенант Визе сидел, углубившись в книгу, одолженную ему пастором Петерсом, – “Воскресение” Льва Толстого. Обер-лейтенант Бройер играл на губной гармонике. Всякий раз, когда он брал в руки крохотную гармошку, перед глазами у него вставала сцена прощания на полутемном вокзале городка в Восточной Пруссии. Подошел к концу его прошлый отпуск. Его мальчуган, семилетний Йоахим, смущенно сунул отцу в руку коричневую коробочку. “Возьми, папочка, чтобы ты в России мог играть и солдат радовать. Я на ней и играть-то не умею!” – “Возьми, возьми! – уговаривала жена. – Иначе он себе все глаза выплачет!” Бройер улыбнулся, сунул гармонику в карман шинели – и позабыл. Так она там и лежала,

пока не наступили тяжелые предрождественские дни. Однажды вечером он вытащил сверкающую гармошку и попробовал извлечь пару нот; теперь же он не готов был расстаться с ней ни за что на свете.

Обер-лейтенант наигрывал этюд Шопена, который помнил только как песенку под названием *Tristesse*²⁰. Ее он повторял часто. Дома у него была граммофонная пластинка, на которой ее пел французский тенор:

*Tout est fini,
La terre se meurt,
La nature entière
Subit l'hiver...*²¹

Ах, эта зима сорок первого – сорок второго, когда они стояли в Париже! Тот унылый мотив звучал из каждого кабака, девушки пели песню и плакали. Но немецкие солдаты пребывали в прекрасном расположении духа. “Прошло, прошло...” Лейтенант Визе тихо мурлыкал в такт. Легко покачивалась на тонкой проволоке керосинка. Ее мерцающий свет скользил по картинкам на стене; на мгновение вспыхивали лучи золотого света, которые проливали на замершую Пресвятую Деву ликующие небеса Грюневальда. Стоял канун Рождества...

*Les oiseaux heureuses se taisent,
La nature est en deuil...
Tout est fini... tout est fini...*²²

Херберт и Фрëлих, отгородившись от друга, играли в морской бой. Игра пользовалась большой популярностью – всего-то и нужно было, что карандаш да бумага, и можно было провести за ней целый день.

– А три... Д семь... Г пять... – выпустил новую очередь Херберт.

– Мимо. Мимо. Попал в линкор, – резюмировал Фрëлих.

– Ага! – оживился Херберт. – Вот ты где засел! Ну, сейчас мы тебе добавим!

Снаружи раздался гул. Он приближался. Фрëлих поднял голову и наострил уши.

– Смотри-ка, опять летят, пчелки! – констатировал он. – Значит, провиант на завтра обеспечен!

Следом оторвался от игры и Херберт.

– Это “швейная машинка”, – коротко произнес он.

– Глупости, – отмахнулся Фрëлих. – Это “юнкеры”, иначе и быть не может! Вы, небось, кроме “швейных машинок”, ни о чем и думать не можете! Пессимист!

– Говорю же, “швейная машинка”! – воскликнул Херберт. – Это и ежу ясно! Что ж вас все время спорить тянет!..

Он вскочил, отбросив карандаш. Словно в подтверждение его слов вдали друг за другом прогремели два взрыва. Стены блиндажа слегка задрожали, с потолка посыпалась глина.

– А ну-ка успокойтесь, господа, – вмешался Бройер. – О чем спор?

– Ей-богу, господин обер-лейтенант, вечно ему всех надо заткнуть за пояс! Слова нельзя сказать, чтобы тебя не обложили... Это просто невозможно!

В голосе Херберта звучали слезы.

²⁰ “Грусть” (фр.)

²¹ Кончено все, Умирает земля, Вся природа Погружается в зиму... (фр.)

²² Птицы умолкли, Природа в трауре... Кончено все... кончено все... (фр.)

– Так, возьмите себя в руки! – произнес обер-лейтенант. – Или вы думаете, нам всем легко сидеть здесь и ждать?

Мысленно он вынужден был отдать унтер-офицеру должное: Фрелих с присущим ему болезненным оптимизмом, которым он прикрывался, как броней, порой действительно вел себя невыносимо. Его настырная заносчивость могла вывести из себя и менее впечатлительных, чем Херберт.

Стоило спору разгореться, лейтенант Визе закрыл книгу и вышел из блиндажа. Бройер последовал за ним. Эти непрекращающиеся ссоры по пустякам действовали крайне разлагающе. Лейтенант стоял снаружи, устремив взгляд в черное небо. В воздухе повсюду раздавалось мерное жужжание транспортной авиации. Обер-лейтенант подошел поближе, не нарушая молчания. Пиротехнический сигнал над аэродромом рассыпался пучком красных звездочек, медленно осевших на землю. Вдруг Визе тихо, словно обращаясь к самому себе, промолвил:

– Безнадежно. Эта глушь... Ни кола, ни двора, ни куста, ни холма, ни даже пучка торчащей травы – одна лишь бесконечная белизна... Словно саван погребальный. За что зацепиться взгляду? За трупы лошадей то там, то тут – и только... Мы заперты в ледяном гробу, вокруг нас неизвестность... Я больше не могу. Дыхание смерти, которым веет от этой земли, меня прикончит.

– Визе! И вы?..

Бройера слова его задели за живое. Именно молодой товарищ в трудные минуты поддерживал его своим молчаливым равновесием, своей бодростью.

– Визе, мальчик мой, – произнес он. – Вам-то никак нельзя падать духом! Что будет, если даже вы сдадитесь?.. Как думаете, отчего старик Эндрихкайт приходит к нам курить свою трубку? Почему Факельман, Энгельхард, Петерс... Отчего их всех тянет именно к нам? И даже Дирка, который вас со всей очевидностью на дух не переносит, м?.. Оттого, что среди нас они ищут родину! Оттого, что желают хоть на мгновение позабыть об этой войне – вот почему! Во всей этой безнадеге именно наш крохотный блиндаж стал островком мира и покоя. И все это – да-да, поверьте! – благодаря вам! Вы наш хранитель очага, Визе. И огонь не должен угаснуть!

Лейтенант лишь беспомощно отмахнулся.

– Огонь... – с грустью повторил он. – Это доплеваает последний огонек. Мы умираем, Бройер, и это не остановить. Нас пожирает война и примитивность. Грязь, вши, постыдные хлопоты о крохах еды – и тоска, Бройер, тоска! Мы в двух тысячах километров от родины... Не за что держаться – духовно, я имею в виду. Борьба бессмысленна. Поглядите, как медленно распадается ваш хваленый островок мира и покоя, как обрываются дружеские связи, как утрачивается воля к добру... Мы всё меньше и меньше похожи на людей, хотим мы того или нет, – в голосе его звучала горечь. – Шиллер назвал войну даром²³. Хорошенький дар! Что толку в испытании, если заранее известно, что должен его провалить? Бог мой, если бы мы только знали, ради чего все это!

Бройер положил товарищу руку на плечо.

– Помните, Визе, как вы недавно читали нам “Фауста”? “Пока еще умом во мраке он блуждает, но истины лучом он будет озарен...”²⁴ То были прекрасные строки. Они вселили в нас силу. Настанет день, и мы пойдем, ради чего это было.

Визе резко обернулся и посмотрел в глаза обер-лейтенанту.

– Вы думаете, мы когда-нибудь выберемся отсюда?

Бройер постарался ничем не выдать своей подавленности.

²³ Шиллер назвал войну даром. – О возможности вступить в борьбу за территории как о ценном даре Шиллер говорит от лица шведского короля Густава-Адольфа (1611–1632) в четвертой книге “Истории Тридцатилетней войны”.

²⁴ “Пока еще умом во мраке он блуждает, но истины лучом он будет озарен...” – реплика Господа из “Пролога на небесах” (И. В. Гете “Фауст”. Перевод Н. Холодковского).

– Разумеется, Визе! Вы еще спрашиваете! Унольд только недавно говорил, что Верховное командование запустило масштабную операцию по нашему освобождению.

Но лейтенант лишь покачал головой.

– Отсюда невозможно выбраться. Если даже наступит тот день, когда нас освободят – я ведь и сам в это верю! – мы никогда уже не будем прежними... Все лучшее, что в нас было, домой уже не вернется. Лучшее в нас пало жертвой этой войны. Оно похоронено под снегами Сталинграда.

Сталинград... Слово это выпорхнуло в ночную мглу; мужчины погрузились в раздумья. На северо-западе громыхнул взрыв, на мгновение небо озарило бледное пламя. Затем Визе вновь заговорил. На этот раз голос его звучал твердо и спокойно:

– Вы правы, Бройер, мы не должны сдаваться, пока еще остались силы бороться. Будем беречь ту искру, что теплится в нас! Быть может, когда-нибудь ей вновь суждено разгореться...

Послышались шаги. К ним приблизился Гайбель, ходивший за пайком на завтра. Фурьер нынче раздавал их сразу, как только получал снабжение – слишком много за ночь успевали растащить. Офицеры проследовали за ним в укрытие; там все уже столпились вокруг ефрейтора.

– Ну, что у нас сегодня вкусенького?

– Никак, холодные лапы с искусственным медом?

– Ничего хорошего, – уныло отозвался Гайбель. – Двести пятьдесят граммов сухарей, тридцать граммов тушенки и три сигареты на нос. Леденцов не было.

Лица у всех вытянулись. Хлеб снова урезали... А сигареты? Вчера выдали по пять, и фельдфебель обещал, что так и останется. Гайбель положил свертки на стол. Лейтенант Визе просмотрел почту.

– Газеты, и больше ничего, – констатировал он. – Октябрьские и ноябрьские. Ни одного письма!

– Это еще что такое? – изумился Херберт, указывая на баночки и коробочки.

– Ах да, – опомнился Гайбель. – Еще банка сапожной ваксы и тюбик зубной пасты на человека!

– Зубной пасты? При том, что у нас даже воды нет, чтобы помыться?

– А это? – взвизгнул писарь, схватив два пухлых рулона и поднеся к свету. “Бумага тонкая креповая высшего сорта” – значилось на них. Все ошарашенно переглянулись.

– Да сколько можно! – не выдержал Бройер. – Жрать нечего, а они нам с самолета бумагу туалетную кидают... Туалетную бумагу! Глядишь, завтра складной ватерклозет доставят!

И он одним пинком отправил рулоны в угол.

– Фурьер еще сказал, что корпусу вдобавок кой-чего другого доставили, – прибавил Гайбель. – Зубные щетки, расчески, лезвия для бритвы и... И...

Тут он внезапно покраснел. Уже не в первый раз по нему было видно, что он в армии недавно.

– Резинки, – вполголоса подсказал ему Лакош. – Утеплиться на зиму, чтоб насморка не было.

Херберт в возмущении пнул его по лодыжке.

– Сошли с ума, – сухо констатировал Бройер. – Верно, Визе? Или они там, наверху, совсем сбрендили, или...

Фрелих не мог дольше сдерживаться и прыснул со смеху.

– Господин обер-лейтенант, – хихикая, выдавил он, – да это же просто замечательно! Великолепно! Лучшее доказательство того, что долго это не продлится!

Раздался звонок. Бройер схватил трубку и жестом потребовал тишины. На проводе был начальник штаба танкового корпуса капитан кавалерии граф Вильмс. Зазвучал его гнусавый, вечно немного заспанный голос:

– Бройер, так вот, да... Я хотел лишь дать вам коротенькую справку. Итак... Два дня назад Манштейн приступил к освободительной операции... Нет, не с запада! С юга... Что? Да, так что... Пока что он прекрасно, да, просто прекрасно продвигается...

В одно мгновение настрой солдат изменился. Тревоги были позади, все принялись взволнованно переговариваться. Даже Сента выбралась из-под стола, принялась кидаться от одного к другому, визжа и твякая, и так выражала радость доступным ей способом.

– Что я говорил! – торжествовал Фрёлих. – Смешно было даже думать, будто фюрер вот так вот бросит нас здесь. Смешно! И недели не пройдет, как мы отсюда выберемся, дадут нам щит на рукав²⁵, и поедем к мамочке справлять Рождество!

На этот раз даже Херберт ему не возразил – не повел и бровью.

После прорыва советских войск в ноябре все, что осталось от обоих гренадерских полков танковой дивизии, вывели из Сталинграда и объединили в тактическую группу под началом одного из двух командиров полка. Это новое подразделение немедленно было брошено на отсечение южного пути и так там и оставалось, будучи теперь переподчиненным моторизованной пехотной дивизии. Вот уже неделю при группе Риделя пребывал фельдфебель Харрас. Когда тот предстал перед комполка в своем щегольском полушубке и, щелкнув каблуками, отрапортовал о прибытии, длинноносый подполковник, вытянувшись вперед, смерил его с ног до головы пристальным взглядом.

– Итак, гм... Вы, значит, тот Харрас, что из штаба дивизии? Что ж, первым делом пойдите снимите свою балетную пачку и раздобудьте камуфляж – в нем вы хоть сколько-нибудь будете похожи на солдата!

Харраса присоединили к роте вместе с еще десятью “избыточными” штабными. До сего момента он ни разу не пожалел о смене деятельности: на южном участке было спокойно, передовая проходила по высокой насыпи железнодорожных путей, являя собой надежное препятствие на пути неприятельских войск, в первую очередь танковых. За насыпью извивалась речка Карповка, берега которой окаймляли луга, кусты и ольховые поросли. Позиции были надежно укреплены и дополнительно защищены минными полями. Русские не особо-то стремились продвигаться в этом направлении. В стереотрубу можно было наблюдать, как они маршируют по плацу и проводят занятия на местности. В первый раз проходя по блиндажу, Харрас не уставал поражаться деревянной обшивке, лампам, столам и самым настоящим дверям и окнам. Парни нежились на кроватях с пружинными матрасами.

– Бордель развели! – прорычал он, хоть в мыслях и ухмылялся, вспоминая свою будку в Дубининском. – Где вы все это раздобыли?

– В Сталинграде, – польщенно отозвался сопровождавший его ефрейтор. – Съездили на дрезине. Умирать – так с музыкой, верно, господин фельдфебель?

Харрас оскорбился. Чего доброго, он его еще по плечу похлопает! Контакт с местными он пока не наладил. Сперва он пытался установить связь привычными методами:

– Пятки вместе, кусок дерьма! Совсем сбрендил! Размазня! Да вы даже не догадываетесь, перед кем стоите!

Солдаты сперва пялились на него во все глаза, потом начали тайком подхихикивать, а в конце концов и сыграли с ним пару злых шуток, доходчиво разъяснив, что это ему, новичку, следовало равняться на них, а не им на него. С тех пор Харрас пытался подражать тому грубовато-товарищескому тону, за который все любили местного командира роты. Выходила какая-то неловкая, наигранная фамильярность, из-за чего еще более усиливалась та несколько пренебрежительная дистанция, которую окопные держат по отношению к штабной крысе, кото-

²⁵ Дадут нам щит на рукав – награда “Сталинградский щит” за успешно проведенную кампанию действительно была запланирована, но так и не была введена.

рая всего-то и добилась, что ленточки с крестом за заслуги. Потому он был страшно рад, что во время одной из бомбежек получил ссадину на голове и смог наконец прилепить на грудь черный знак за ранение. При представившейся возможности он обменял его на другой такой же, только более поношенный и стертый, издали сверкавший, точно матовое золото. Но и это не сильно помогло. Зато после нескольких профилактических стычек с ротным их отношения устаканились. Обер-лейтенанту было за тридцать; его лицо избороздили шрамы времен студенческих дуэлей, что придавало ему малость грозный вид. Увесистой задницей он походил на породистого жеребца, за что пехотинцы прозвали его Гузкой. Сражение за тракторный завод принесло ему Рыцарский крест. Обладая богатым опытом в подлаживании под руководство, которое при случае могло быть ему полезным, Харрас быстро вычислил его слабые места и ловко этим пользовался. Когда в блиндаже ротного резались в скат, он с радостью предлагал себя в качестве третьего, с усердием налегал на вино и коньяк, терпеливо и внимательно выслушивал истории Гузки о его кабацких и любовных похождениях времен покорения Франции или непродолжительной студенческой жизни, умел в нужном месте вставить вроде бы и скромную, да меткую шуточку. Ротный за это относился к нему снисходительно-покровительственно. Однако более всего фельдфебеля Харраса радовал уровень снабжения. Даже в теперешние времена в сутки на человека приходилось 400 граммов хлеба, а у комроты, бывало, на столе появлялась даже жареная картошка и птица. Когда первый раз подали щи с доброй порцией мяса, он вставил:

– Вот удивительно, до чего здесь по-другому ощущается вкус конины!

– Конины?! – поразились остальные.

– Ну естественно, конины! – оскорбленно отозвался Харрас. – Чего же еще?

В штабе их кормили исключительно кониной, да и та уже давно подходила к концу.

– Послушайте-ка, уважаемый! – рявкнул обер-лейтенант. – Если думаете, что можете тут над нами потешаться...

С трудом Харрасу удалось убедить его в том, что в других местах и впрямь едят одну конину. Гузка взглянул на него как на прокаженного.

– Что ж, дорогой мой, – весело поддел его начфинчасти, – из ничего ничего не бывает! Наша дивизия запаслась на славу. Мы все лето были в разъездах, добирались даже до Харькова и Днепропетровска. В сентябре еще пополнили запасы пятью вагонами припасов из тех, что хранились в Вене, – еще со времен Франции лежали!.. Что? Сообщить об этом в главк? Да вы никак рехнулись. Чтобы мы тут с голодухи помирали, а кто-то другой подьедал нашу картошку с сардинками? Нет уж, увольте. Кто успел, тот и съел!

Для Харраса это, в общем, было в порядке вещей. Он не мог не вспомнить того штабного, который пришел на смену казначею Циммерману, – безнадежного болвана, часами корпевшего над своими бумагами и что-то считавшего. Своими воспоминаниями фельдфебель не преминул поделиться с командой.

– ...Да, и представьте себе, один раз ему в штабе корпуса выдали на двадцать буханок больше, чем положено, – обсчитались, естественно! Вот свезло так свезло, такое раз в сто лет случается... И что же этот идиот? Отправляет их назад, да еще с извинениями за свою рассеянность!

Все расхохотались...

Постепенно фельдфебель Харрас привыкал к фронтовой жизни. Когда во время артобстрела бомбоубежище сотрясалось от все ближе и ближе падающих снарядов, обер-лейтенант, которого алкоголь начисто лишал всякой впечатлительности, порой по-прежнему бросал на него насмешливый испытующий взгляд. Но ни одна мышца на его лице более не выдавала того, что внутри он трясся от страха. Постепенно Харрас начал понимать язык передовой, научился отличать лязгающий треск советских пулеметов от нервного стрекота немецких, при артобстреле мог уверенно отличить выстрел от разрыва, знал, в чем разница между свистящими,

точно плети, ударами противотанковых пушек и глухими, тяжелыми залпами минометов, а по звукам полета и их продолжительности был способен приблизительно вычислить расстояние, на котором лежали снаряды. Его чувства обострились, он начал реагировать на различные звуки на автомате. С каждым днем он все больше чувствовал себя опытным фронтовиком. Гужка однажды обмолвился о так называемом “лохмотничестве” – правилах внешнего вида, которых придерживались некоторые студенческие объединения во времена феодализма. И Харрас с восторгом ощущал себя его приверженцем – в том смысле, который сам же и вкладывал. Он с удовлетворением разглядывал в карманном зеркальце отражение своей рожи, покрытой коркой грязи, из-под которой, точно скошенная трава, выбивалась щетина. Он решил отпустить бороду.

Итак, в определенном смысле Харрас был доволен. Но были и поводы для беспокойства. Ходили слухи, что их пошлют на передовую. День ото дня напряжение среди солдат нарастало.

– Прислушайтесь, господин фельдфебель... Разве не слышите?... Залпы орудий... С юга!

– Да нет, правее, в сторону Калача!

– Они наступают, брат, наступают!

По ночам его выдергивали из постели, полагая, что вдали, на горизонте, мелькают белые огни сигналок. В один прекрасный день в часть с инспекцией нагрянул полковник фон Герман в сопровождении Унольда. Они были немногословны, но их действия наводили на мысли о готовящемся прорыве осады.

– Приложите все усилия, чтобы поскорей вернуться к нам, Харрас! – произнес на прощание начштаба.

Было видно, что и русские всполошились. По ночам за линией фронта был слышен гул моторов, а однажды они, собрав достаточно сил, пошли в наступление на правом от них отрезке, в районе Мариновки, единственной целью которого было, по-видимому, помешать подготовке прорыва.

“Какое счастье, что вся эта ерунда, эта смехотворная осада подходит к концу!” – повторял про себя Харрас. Но желания пасть смертью храбрых в первых рядах грядущего наступления он не испытывал. Поэтому фельдфебель часто прислушивался к себе, озабоченно раздумывая, не таится ли в нем какая-нибудь хворь, которая при необходимости позволит ему с честью отойти на задний план. А еще лучше было бы, конечно, сделаться наконец офицером. В таком случае он вернулся бы в штаб – Унольд намекнул ему на это весьма недвусмысленно. Поэтому Харрас всеми силами старался изыскать возможность отличиться, не подвергая себя особенной опасности. И такая возможность подвернулась.

– Ждем Манштейна!

Освобождение, которого так жаждали все триста тысяч запертых в окружении солдат, близилось. Надежда, подпитывавшая их боевой дух, их желание выжить в холоде и голоде, во тьме и одиночестве, могла наконец оправдаться.

Гитлер поручил руководство всеми боевыми действиями в окрестностях Сталинграда фельдмаршалу фон Манштейну. Геббельсовские пропагандисты прославили его как завоевателя Крыма и покорителя славянской до толе неприступной Севастопольской крепости. С тех пор за Манштейном закрепилась слава своего рода военного чудо-доктора. Повсюду – в бункерах и окопах, на полевых кухнях, раздаточных постах и даже в сортирах – имя его не сходило с уст.

– Вы слышали? Он принял пост!

– Поверьте, парни, уж кто-кто, а Манштейн их одолеет! Зуб даю, через неделю он нас отсюда вытащит!

– И говорят, у него танки новехонькие – просто выдающиеся, ни один снаряд не возьмет!

– Естественно! Да я своими глазами... Мне один тут в Питомнике... Пятьсот единиц на днях подошли!

– Манштейн... Это ведь тот самый, что в свое время...

Манштейн, Манштейн! Никто из солдат воочию не видел фельдмаршала, почти никому было неведомо, как он выглядит. Сердца их стремились навстречу героическому имени.

Но был один человек, о котором помалкивали, и только в штабах знали, какая роль отведена ему в запущенной операции по спасению. Это был генерал-полковник Гот, в прошлом – командующий 4-й танковой армией, некоторые дивизии из которой оказались в окружении вместе с 6-й. Кое-кто из танкистов отчетливо помнил этого невысокого, но подвижного генерала, часто неожиданно возникавшего на самом остром атаки. За суровый, саркастичный нрав его прозвали Ядовитым Гномом. Готу было поручено верховное командование группой армий “Дон”, сформированной из трех немецких танковых дивизий и множества румынских пехотных и кавалерийских частей. 12 декабря он с юга, из окрестностей станции Чир и от Котельникова, двинулся на Сталинград. И чудо все же случилось: несмотря на суровые русские морозы, прежде не дававшие немецкому командованию провести ни одной серьезной наступательной операции, атака была успешной. Вопреки холоду, снегу и отчаянному сопротивлению врага танковые части все ближе подходили к котлу. Настрой осажденных улучшался с каждым днем. Пошли слухи о смене частей, о покое, отдыхе – об отпуске, наконец. Штабные 6-й армии вышли из оцепенения, в которое погрузил их приказ фюрера о добровольном занятии круговой обороны. Ждали, что, пока на передовой мечет молнии Гот, ударит гром и с тыла – “Громом” многообещающе окрестили операцию, готовящуюся внутри котла²⁶. Мобильные части – в первую очередь зенитки, танки и самоходки – должны были в составе тактических групп прорвать линию фронта и обеспечить соединение с передовыми отрядами группы “Дон”.

Штабы охватила лихорадочная активность. В блиндажах, склонившись над картами, сидели командиры и офицеры; начальники тыла высчитывали потребность в транспорте, вооружении и горючем; спешно чинили танки и грузовики; распускали и вновь формировали части; выстраивали колонны, обязанные обеспечить маятниковое движение снабженцев; отряды полевой жандармерии распределялись для патрулирования дорог на случай, если кому-то придет в голову самовольно покинуть прорванный котел раз и навсегда.

Тактическое руководство “Ударом грома” было поручено танковому корпусу; руководителем ударной танковой группы был выбран полковник фон Герман. Он со всей настойчивостью требовал перейти в наступление как можно скорее.

– Даже если мы не прорвемся за одни сутки, мы всегда сможем вновь занять круговую оборону! – пояснял он. – Что здесь такого трудного? Мы делали это не раз! Для Гота в любом случае будет подспорьем, если мы как следует всполошим русских в тылу.

Но хоть корпус и поддержал его предложение, командование армии не спешило соглашаться, желая увериться, что операция может быть успешно проведена за один световой день.

– Горючего хватит только на восемьдесят километров, – возражали из штаба. – Могут возникнуть сложности, и мы останемся с пустыми руками. Необходимо подождать, пока Гот не приблизится по крайней мере на тридцать километров.

Но в общем и целом этот вопрос, казалось, был не так уж и важен. За это время передовые части подошли уже примерно на пятьдесят километров. Еще пара дней промедления ничего бы не изменила...

Обер-лейтенант Бройер ежедневно звонил начальнику разведки и контрразведки штаба корпуса. Граф Вильмс охотно делился новостями – теперь он уже был не таким флегматиком, как раньше.

²⁶ “Громом” многообещающе окрестили операцию, готовящуюся внутри котла. – План “Удар грома” также известен в отечественной военно-исторической литературе под немецким названием “Доннершлаг”.

– Что ж... Как оно? Медленно, но верно продвигаются... Верно, да-да... Да, наготове огромные запасы, целые склады – просто сказка! И за танками следом идут нескончаемые ряды обозов с инвертным сахаром...

Даже унтер-офицер Херберт – и тот вел себя более сносно. В записной книжечке его появились новые измышления относительно рецептов пирогов, которые он рассчитывал опробовать сразу после освобождения, и красочные описания блюд на пире по случаю прощания с котлом.

Фрёлих целыми днями расхаживал из одного угла блиндажа в другой, потирал костлявые руки и подолгу распинался о дальнейших военных перспективах. Однажды Лакош застал его присевшим по нужде в сугроб, беседующим с самим собой и активно подкрепляющим слова размашистыми жестами. Нередко, остановившись у карты, зондерфюрер поучал ефрейтора:

– Гляньте-ка сюда, Гайбель! Если сейчас как следует ударить еще и с запада – а удар прямо-таки напрашивается, не правда ли? – русские непременно сядут в лужу! Образуется котел, в котором окажутся по меньшей мере три армии... Не так ли, господин обер-лейтенант? По меньшей мере три русские армии! На этом войне придет конец, неужели не ясно? Большевики уже настолько измотаны, что такого им не выдержать!

Гайбеля ведь хлебом не корми – дай только послушать оптимистичные пророчества. Ему вспоминались лавчонка и жена; он вновь задумывался о том, что подошло время отпуска. Заботило его только одно – всем ли найдется место в штабных машинах, когда настанет пора трогаться в долгий путь на запад. За последнее время выбыло из строя еще несколько автомобилей. Мысли эти сделали из него автомеханика: не проходило и дня, чтобы он не совершил обход, не повалялся вместе с шоферами под автомобилем, ковыряясь окоченевшими руками в ледяном моторе. Не изменился лишь лейтенант Визе: если его не занимала работа, которой теперь снова прибавилось, он читал книги, и, казалось, царившая суета совершенно его не трогала. А вот Лакош не так уж и пекся о своей машине: печься было уже, в общем, не о чем. Мотор глох каждые пять минут. Шофер решил оставить ее под Сталинградом на память потомкам: ведь новые части, без сомнения, придут на новых авто. Он бродил по лагерю, следом за ним семенила Сента; наблюдал за воздушными боями над аэродромом Питомник, собирал объедки и кости для бульдожки и то мычал, то напевал на сочиненный им же самим мотив несколько осовремененную солдатскую песенку, вычитанную не так давно в повествовании о Тридцатилетней войне:

Манштейна ждем, Манштейна ждем,
Манштейн уже в пути —
Тирим-тирим-тарам-пам-пам,
Манштейн давно в пути!

Глава 2

Голод и убеждения

В 400 километрах от Сталинграда, в Ростове-на-Дону, вокруг обитого зеленым сукном стола сидело порядка двадцати человек в серо-зеленых и серо-голубых мундирах, расшитых белым, красным и золотым и украшенных начищенными до блеска орденами. Они перешептывались, склонялись над бумагами, сосредоточенно смотрели перед собой. Это были величайшие умы сухопутных и воздушных войск, среди них – оба генерал-квартирмейстера люфтваффе, генералы Мильх и Ешонек, командующие группами армий фон Манштейн и барон фон Вайхс со своими штабными. Принимал их у себя – не сказать, чтобы добровольно – командующий 4-м воздушным флотом генерал-полковник фон Рихтгофен. По одну сторону стола – один полюс: сдержанно бранящийся громкоголосый рейхсмаршал Герман Геринг в бело-золотом мундире. Во главе стола – другой: молчаливый, властный, отдельно стоящий, внушающий дистанцию – фюрер, Адольф Гитлер. Внеочередной созыв наблюдательного совета. Бесшумно заполнили комнату расфранченные ординарцы, в глухие уши полились их вкрадчивые речи. Над головами командующих нависла туча грядущих бед. На кону были сотни тысяч жизней, на повестке дня – снабжение по-прежнему зажатой в кольцо 6-й армии.

Заседание началось с доклада командующего фон Рихтгофена о накопленном опыте снабжения с воздуха. Светловолосый, ясноглазый генерал-полковник говорил собранно и тихо, однако даже он был не в силах скрыть раздражения. Злосчастное снабжение висело на нем тяжким бременем. Поскольку сбрасывать его можно было лишь из бомбового отсека, эскадры бомбардировщиков почти полностью переквалифицировались в транспортные. Все его боевые операции были парализованы – и не только с начала осады, а на протяжении нескольких месяцев, с самого сентября. Дивизии, намеревавшиеся двинуться на Астрахань, Тбилиси и бог знает куда еще, не прошли даже трех шагов и встали прямо на пути, лишившись продовольствия, горючего и вооружения. Неудивительно, что все полетело к чертям! Рихтгофен обязан был ежедневно сбрасывать на Сталинград по триста тонн – за счет чего он должен был это обеспечить, история умалчивала.

– С тех пор как оснастили аэродромы, мы по крайней мере можем летать на “юнкерах”, – сдерживая гнев, произнес барон. – Однако это создало целый ряд новых затруднений, по всей очевидности, не учтенных в предварительных расчетах. Погодные условия в районе Сталинграда в это время года весьма неблагоприятны. В основном мы можем летать лишь ограниченное время, в ряде случаев не можем подняться в воздух вообще. Это вынуждает нас сосредотачивать силы в определенных районах – а для этого численности нашей техники недостаточно. Кроме того, во время пролета над голой степью по нашим “Ю” бьют, точно по уткам на охоте. Потери колоссальны: на данный момент они составляют...

– Да-да, все это мы знаем! – прервал его Геринг, нервно барабанил по столу униженными золотом пальцами. – Поэтому мы тут и сидим – потому что к происходящему необходим в корне иной подход! Морщик, пожалуйста!

Шурша кипой бумаг, начальник транспортной службы люфтваффе на восточном направлении принялся докладывать о состоянии сил, их дислокации и возможностях концентрации транспортных частей. Со лба у него катился пот, даже самый незначительный вопрос всякий раз выбивал его из колеи. По другую сторону стола, чуть поодаль, с отстраненным видом сидел генерал-квартирмейстер сухопутных войск Вагнер, сложив руки перед собой и не шевелясь. Время от времени он прикрывал глаза, воздевая голову к потолку. Уголки губ его были слегка приподняты. Люфтваффе в своем репертуаре – и поделом ей, ей и этому ее толстопузому командиришке! Генерал прекрасно помнил все детали месячной давности совещания в этом же самом помещении, за этим же самым столом и практически в том же составе. Тогда коса нашла

на камень: уже давно было ясно, что одновременно в полной мере снабжать и Кавказский, и Донской фронт невозможно. Скудность донских почв не оставляла надежды на поставки местного продовольствия. Завозить приходилось все, даже фураж. Однако мощностей наземного транспорта не хватало. Это было четко и ясно изложено оперштабу, предоставлены все документы, донесено единственно возможное решение проблемы – путем сокращения дистанции снабжения, что означало сдачу Сталинграда, отступление от Дона и перенос линии фронта на уровень станиц Цимлянская, Морозовская и Вешенская. “В противном случае, – пояснил тогдашний обер-квартирмейстер, – я явственно вижу предстоящую гибель Шестой армии”.

Все согласились с ним, даже Манштейн, вечно стремившийся пробить лбом стену – ведь это позволяло одновременно ослабить напряжение на Севере и не отступить на Кавказе. Казалось, даже Гитлер готов был дать добро – но тут вмешался Геринг, гарантируя достаточное снабжение с воздуха при помощи люфтваффе, и взял ответственность на себя. “Так тому и быть!” – завопил Гитлер...

– В настоящее время, – произнес полковник Морцик, – транспортные части в массе своей подчинены начальнику транспортной службы Средиземноморья. Можно, конечно, было бы вывести из его подчинения некоторые части, но если учитывать напряженную ситуацию с горючим у Роммеля... Не могу сказать, удастся ли это осуществить, не повредив Африканскому корпусу...

“Вот теперь и выкручивайтесь, дружочки! – думал генерал Вагнер. – Поделом вам! Что, оплошали? Не разевали бы рот – не угодила бы 6-я армия в западню. А расхлебывать кому? Опять пехоте”.

Гот должен был перейти в решающее наступление через несколько дней. Он вырвет 6-ю армию из окружения, и тогда армия, наученная горьким опытом, покинет излучину Дона, чтобы пережить зиму без дальнейших эксцессов. Полковник Морцик умолк. Повисла неловкая пауза. Его доклад со всей очевидностью продемонстрировал, что техники для обеспечения снабжения с воздуха было недостаточно.

– Запланированная операция группы “Дон” стабилизирует ситуацию, – холодно и отстраненно процедил начальник генштаба люфтваффе генерал-полковник Ешоннек.

– Ерунда! – грубо осадил его Геринг. – Мы не можем позволить себе делить шкуру неубитого медведя. Если Готу удастся прорвать осаду, это в лучшем случае облегчит положение, но не более. Неизвестно, сколько времени ему удастся держать кольцо разомкнутым. Армия в любом случае не покинет Сталинград. Фюрер не менял своего решения.

Улыбка исчезла с лица генерал-квартирмейстера Вагнера. Армия не покинет Сталинград? Его словно пинком выбили из зрительского кресла. Здесь не место выслуживаться, тысяча чертей! На кону исход всей войны! И они по-прежнему твердят: “Армия не покинет Сталинград”?! Еще в сентябре, когда были свободны пути сообщения, было ясно, что зимой солдаты попросту умрут от голода. И вот теперь, когда реальность во сто крат превзошла все самые страшные пророчества, они все еще тешат себя... Если ставить целью жить и сражаться, армии необходимо 600 тонн продовольствия в день, а вовсе не жалкие 300 – так просто отвертеться не получится. Но невозможно отрицать, что и 300 тонн – абсолютно недостижимая цифра. Вагнер нервно окинул взглядом собравшихся; посмотрел на застывшее и равнодушное лицо Ешоннека, на поросячьи глазки фельдмаршала Мильха. Ведь это люди, которые понимают всю серьезность положения! Нет, здравый смысл в конце концов возобладает, он обязан возобладать!

Мильх поднялся. Ему, в отличие от других, бумажки были не нужны. За розовым и лоснящимся лбом молочного поросенка, на вид не внушавшим ни малейшей опасности, крылись совокупные сводки о производительности и мощности всего европейского авиастроения. Он наизусть мог цитировать огромные статистические отчеты и исчисления. Перечень его должностей и званий был сравним разве что со званиями средневекового феодала: статс-секретарь

Имперского министерства авиации Германии, начальник Технического управления и Административно-хозяйственного управления, главный исполнительный директор “Люфтваффы”, генерал-квартирмейстер люфтваффе и так далее, и так далее. Это лишь подчеркивало его разностороннюю осведомленность в технических и экономических вопросах.

– Прожиточный минимум окруженной армии, то есть такой, что позволит армии кое-как поддерживать существование, не имея возможности ни сделать запасы, ни эксплуатировать материальные и человеческие ресурсы, – произнес генерал-квартирмейстер, – составляет двести восемьдесят тонн в день, из которых сто двадцать приходится на амуницию, сто на продовольствие и шестьдесят на горючее. Если принять за счетную единицу “Ю-52” грузоподъемностью две тонны, в среднем требуется совершать по сто пятьдесят рейсов в день.

Его мягкие, сластолюбивые губы старались произносить слова как можно более четко и резко, пухлые руки непривычно подергивались, рассекая воздух, и только крохотные, озорные круглые глазки неконтролируемо блуждали по лицам присутствующих. Видно было, что Мильх старался войти в образ опытного вояки, но роль эта была ему не по зубам, да и актерских способностей не хватало. Военная форма смотрелась на нем точно карнавальный костюм. Он был по натуре своей не генералом, а генеральным директором, и лавры, которыми его увенчали – Рыцарский крест и маршальский жезл, – ошутимо отдавали гнильцой. В люфтваффе до сих пор посмеивались над его первой и единственной проверкой боем в ходе Норвежской кампании. Командуя Пятым воздушным флотом, он бомбами выбил французов из Ондалснеса. Подкопаться было не к чему – в сравненном с землей городишке и впрямь не осталось ни одного французского солдата. Вот только их и до этого там не было: их десант высадился вовсе не в Ондалснесе, а на отдаленном фьорде. Стоило признать, что в одном Мильх все же был настоящим солдатом: он, несмотря на весь свой профессиональный опыт, беспрекословно подчинялся приказам сверху – и лучше б он солдатом не был вовсе.

– Учитывая все перечисленные обстоятельства, – заключил генерал-фельдмаршал, – нам нужно двести пятьдесят-триста транспортных самолетов, и в случае, если снабжать армию придется дольше, чем планируется – а ранее шла речь о весне сорок третьего, – парк необходимо постоянно обновлять, чтобы компенсировать потери. Принимая во внимание изложенное выше, в настоящее время выделить столь существенные транспортные ресурсы и сконцентрировать их в одном месте невозможно.

Не успел генерал Вагнер произнести про себя “Слава богу!”, как следующая же фраза заставила его вздрогнуть.

– *А должно быть* возможно! – раздался резкий, гортанный голос. Все обернулись. Гитлер впервые заговорил на этом совещании. Давно не видевшие его офицеры с ужасом заметили, что он более не обладает той непревзойденной харизмой, что раньше. Лицо Гитлера посерело, вечно сутулая спина словно отвердела, в черных чаплинских усиках показалась проседь, побелели виски. Еще никогда прежний бог не предстал перед ними в столь жалком человеческом обличье. Лишь глаза под кустистыми бровями горели опасным огнем прежней одержимости. Даже фельдмаршал Мильх, в силу частого общения с богоравным абсолютно не склонный поддаваться его сверхъестественному обаянию, заслышав голос, дернулся и затих. Вот уже несколько месяцев авиация не успевала справляться с потерями – и обвиняли в этом *его*, Мильха. Он должен был как-то оправдать себя. Что он сделал не так – проявил неосторожность? Не смолчал, когда надо было? Генерал съежился, как кролик под взглядом удава. Обсуждение меж тем продолжалось. Манштейн был краток и прямолинеен, закаленный в сражениях барон фон Вайхс говорил пространно и с оговорками, но каждый из присутствующих – кто осторожно и завуалированно, кто трезво и без прикрас – твердил одно и то же: “Это невозможно”.

– В Демянском котле мне удалось прокормить шесть дивизий, – еще громче и страшнее зазвучал тот самый голос. – И тогда господа эксперты тоже считали, что это невозможно. Но мне удалось. Для нас нет ничего невозможного!

Вагнера никак нельзя было назвать набожным – он был человеком приземленным и верил в торжество здравого смысла. Однако в этот момент даже он сложил под столом руки. “Боже, избави нас от всякого зла, – мысленно повторял генерал. – Избави нас от всякого зла!” 6-я армия была потеряна, война – проиграна. Они всё видели, всё понимали – и сами бросались в пропасть. “Назад! – хотелось закричать ему. – Разорвите кольцо и возвращайтесь назад, к Донцу! Это единственное наше спасение! Может, еще не поздно!” Но он молчал. Отчего же он молчал? Не проронив ни слова, Вагнер поднял взгляд, посмотрел на бледного, замкнувшегося в себе Ешоннека, словно тот еще мог все изменить. Генерал-полковник сидел почти не шевелясь, плотно сжав и без того тонкие губы и лишь тихонько постукивая карандашом по столу. Он вспоминал Демянский котел. В него и вправду угодило шесть дивизий – шесть, а не двадцать две. Чтобы обеспечить транспортное сообщение, пришлось закрыть летные училища. В результате люфтваффе осталась без смены. Но тогда они одержали победу.

Победа эта стоила им больших потерь, чем общая численность окруженных войск.

– Что скажете, Ешоннек?

Генерал медленно поднял голову и, не удостоив ни малейшего внимания Геринга, уставившегося на него, точно взбешенный фельдфебель, серьезно и спокойно взглянул в пылающее лицо Гитлера. Если ему кто-то осмеливался возразить, фюрер был не в силах сдерживать гнев. Он рвал занавески и бил чернильницы. Ешоннек вдоволь насмотрелся на эти выпады и – единственный, наверное, из всех – не боялся их.

– Даже самые благородные порывы, не подкрепленные материально, тщетны, – почти не раскрывая рта, процедил он. – При внимательном рассмотрении всех показателей становится ясно, что полноценное снабжение 6-й армии воздушным путем невозможно. Лично я не могу взять на себя за это ответственность.

Воцарилась тишина, можно даже сказать, мертвая тишина. Один лишь генерал Вагнер, обычно сама сдержанность, нервно заерзал на стуле. Он должен был что-то сказать – если не сейчас, то когда? За все время он не проронил ни слова, но и мнения его никто не спрашивал. Так почему же он молчал? По серому лицу фюрера, на которое вновь были устремлены все взгляды, пробежал едва заметный румянец. Его водянистые голубые глаза яростно сверкнули.

– Это все, что могут сказать мне мои генералы?

Да, это было все. Командование выступило против него – пусть осторожно, но единодушно, без исключения. Гитлер Всемогущий был свергнут с трона. Возникла новая, более мощная сила, одолела раболепие и заполнила собой пространство, в котором царила давящая атмосфера, свинцовой тяжестью ложась на плечи. То была сила фактов. Тут Геринг вскочил. Он возвышался посреди комнаты, точно невообразимая грудa мяса; в петлице его застегнутого на все пуговицы белоснежного мундира болтался Большой крест в тонкой золотой оправе.

– Мой фюрер! – воскликнул он, и складки его расплывшегося лица побагровели. – Мой фюрер, для нас нет ничего невозможного! Мы создадим... Создадим настоящих гигантов, гигантские грузовые планеры и самолеты – наши роскошные “мессершмитты”! Этим займетесь вы, Мильх! Вы их построите, вы покажете, на что способна наша авиация! И по ночам... В лунном свете... В Сталинград потянутся огромные караваны воздушных судов! И мы... Мой фюрер, я лично гарантирую снабжение Шестой армии!

Глубоко за полночь. Фельдфебель Харрас в который раз сидит в блиндаже ротного за скатом; Гузка играет гранд с четырьмя матадорами. Вдруг на лестнице раздаются поспешные шаги, распаивается дверь. Это часовой.

– Господин обер-лейтенант, пойдёмте скорей! Там что-то не так!

И исчезает.

– Что может быть не так? – бормочет Гузка. – Тишина и покой... Вернусь – и продолжим!

Он откладывает карты, раздраженно ухнув, затягивает ремень серо-коричневых вельветовых брюк, набрасывает на плечи тулуп, выбирается наружу и поднимается на насыпь. Следом идет фельдфебель. На улице ощутимо холодно, щиплет лицо. Иссиня-черное небо усыпано звездами, далеко над горизонтом повис налитой алый диск растущей луны. На передовой тишина – такая, что даже страшно. Лишь нарастающий и стихающий гул транспортной авиации наполняет морозный воздух.

– Полный порядок! Все мирно! – собирается было развернуться Гузка.

Тут впереди взмывает в небо сигнальная ракета, изящно извиваясь, рассекает тьму и распадается на множество красных искр, которые, на мгновение залив все вокруг приглушенным, точно в фотолаборатории, красным светом, медленно опускаются и гаснут одна за одной.

– Это же наши сигналки, – удивляется Харрас. – С каких это пор ими стреляют русские?

– Мне откуда знать, – бросает лейтенант. Ему скучно; мысли заняты карточной партией. – Какой-нибудь новый хитрый трюк.

Внезапно в ночи возникает луч прожектора и медленно описывает по снежному покрову полукруг. На долю секунды синевато-белый круг выхватывает из темноты силуэты стоящих на насыпи мужчин; те мгновенно ложатся. По-прежнему тихо. Тут Харрас замирает. Этот цирк он уже однажды видел, когда сидел в блиндаже на аэродроме Питомник. Его охватывает ужас. Позабыв о всякой субординации, он принимается трясти командира за рукав.

– Господин обер-лейтенант, они... Они собираются перехватить наши самолеты! Хотят навести их на ложный след и посадить у себя!

– Чума их разбери! – сквозь зубы бормочет Гузка. – А вы правы, черт бы вас подрал! Надо нам... Гм, да что же нам предпринять?

– Стрелять будем!

– Глупости! Они нас сверху не услышат, а задействовать для такого артиллерию нам не дадут.

– Пустим сигналки?

– А из вас хороший сигнальщик?.. Вот то-то же! Что вы им там насигналите?

Гул нарастает. Над ними, постепенно снижаясь, кружит самолет. Вдалеке вновь включается прожектор и замирает, отбрасывая широкий треугольник света на белую гладь. Обер-лейтенант со злости стреляет в воздух из пистолета, хоть в этом и нет никакого смысла. Где-то поодаль раздается пулеметная очередь. Все напрасно! Гигантской черной тенью самолет проносится над головами и уходит в сторону световой полосы, цепляет землю шасси, пару раз подпрыгивает и медленно останавливается в нескольких сотнях метров от насыпи. Во мраке возникают несколько белых фигур и бегут ему навстречу. Вновь раздается очередь.

– Отставить! – кричит Гузка. – Стреляете по своим!

Из кабины выкарабкиваются летчики, их окружает пехота. Ничто не возмущает спокойствия. Внезапно луч прожектора гаснет, и на них тут же обрушивается град артиллерийских снарядов, заставляя штабных попрыгаться обратно в блиндаж.

Снабжение день ото дня становилось все хуже, что не преминуло сказаться на общем настрое. Несмотря на огромные потери, грузовые самолеты взмывали в воздух при первой возможности, будь то день или ночь, однако до осажденных доходила дай бог четверть необходимого минимума в 300 тонн. Из сугробов на обочинах проступала кровь околевших лошадей, словно тех терзали хищники. Околачивавшихся поблизости румын и русских “добровольных помощников” с голодухи простыл и след. Постепенно исчезли бродившие вокруг лагеря кошки и собаки. Лакош ни на секунду не упускал из виду погрузневшую Сенту, с каждым днем становившуюся все толще и притягивавшую к себе жадные взгляды отошалых солдат. Ему было

стыдно перед собой за то, что он так бездумно привязался к собаке, делил с ней жидкий суп, которым нельзя было наесться и одному, и часами рыскал в поисках костей. Оставаясь один, он не раз говорил себе: “Довольно, пора избавиться от скотины!” Но стоило ему взглянуть псу в карие глаза, лучившиеся благодарностью и доверием, как сердце его таяло, он гладил бульдожку по кривой морде, трепал коричневые бока и бормотал, обращаясь не столько к Сенте, сколько к самому себе:

– Нас не разлучить, старушка. Ведь никого у нас с тобой больше нет, так? Не бойся, не бойся. Ты же не виновата в том, что нас сюда занесло, что кругом война... Уж по крайней мере ты точно не виновата!

Перебои с продовольствием ощутил все сказались на штабе дивизии – своих запасов у офицеров не было вовсе. Одна буханка на шестерых... Одна на четырнадцать, затем уже на двадцать человек... Сто грамм на человека, весь дневной рацион – один ломоть! К нему 30 граммов жирной тушенки и на обед, а изредка и на ужин слегка загущенный гречкой суп на воде.

– Господи боже, – повторял Гайбель, – я бы в жизни не поверил, что на таком можно прожить!

С тихим ужасом думал он о том, как шла бы у него торговля, если б в Германии и впрямь когда-нибудь установили подобный рацион. Толстые, здоровые щеки его пока лишь немного опали, но каждую ночь во сне он цапался с женой, которая силком оттаскивала его от хранящихся в лавке деликатесов.

Зондерфюрер Фрелих довел умение делить хлеб до совершенства. Каждое утро дележ превращался в торжественную церемонию: затаив дыхание, обитатели блиндажа наблюдали за тем, как он, прищутив левый глаз и сосредоточенно поглядывая на оставшуюся часть буханки по одну сторону отточенного ножа, с хирургической точностью нарезал ломти.

– И в самом деле, господин зондерфюрер, пять кусков – и все целые! – взяв один такой в руку, изумлялся Гайбель. – Я даже эдам так ловко не нарежу!

Фрелих осторожно обжаривал миллиметровой толщины ломтики над маленькой буржуйкой; блиндаж наполнял удивительный аромат подсушенного хлеба. Затем он мазал их тонким слоем тушенки и часами глодал своими лошадиными зубами. У остальных терпения не хватало – они заглатывали паек, как только тот попадал им в руки. По счастью, еще оставался хороший зерновой кофе, который можно было подсластить сахарином из записки зондерфюрера.

Как-то раз один из солдат, направленных в наряд по столовой, ефрейтор Крюгер, отвел Лакоша в сторону и указал на табун пасущихся неподалеку от лагеря кудлатых лошадей, устало рыщущих в поисках редких торчащих из-под снега травинки. Он вполголоса изложил шоферу свой план, подкрепив разъяснения размашистыми жестами. Тот задумчиво кивнул и скрылся в блиндаже. Вскоре после этого Лакош уже брел по степи, будто бы разгуливая без дела. Впереди, неуклюже переваливаясь на кривых лапках, бежала Сента, обнюхивая оставшиеся еще от советских войск полужасыпанные стрелковые окопы. Лакош как бы невзначай приблизился к часовому, стоявшему с оружием под мышкой на небольшой насыпи, откуда ему открывался отличный вид на принадлежавший к одной из стоявших к северу кавалерийских дивизий табун. Невдалеке у костра сидели трое русских военнопленных и болтали о чем-то своем. Очевидно, это были выделенные ему “добровольные помощники”, которых в пехоте звали просто “хиви”²⁷. По ним, впрочем, было не заметно, что они всерьез относятся к своим обязанностям. Изголодавшиеся клячи, с трудом державшиеся на ногах, далеко не убежали бы.

– Утро доброе! – окликнул солдата Лакош. – Ну и холодрыга сегодня!

²⁷ “Хиви” – сокращение от слова *Hilfswillige* – “добровольные помощники”.

Тот в ответ буркнул что-то невнятное, смерив его косым взглядом, но Лакош ничем не выдавал своего интереса. Он достал портсигар, набитый дневной нормой всех дежурных по столовой, вместе взятых, и не спеша закурил. У дозорного тут же пробудился интерес.

– Столько сигарет? – изумился он. – Похоже, дела у вас идут неплохо!

– Держимся кое-как. Выдают по десятку в день, и если не шиковать, протянуть можно. Порой и сигары перепадают – тогда хватает надолго, – отозвался шофер и небрежно протянул ему портсигар. Предлагать дважды не пришлось.

– Десяток в день? – не переставая удивляться, переспросил солдат. – Нам уже больше недели выдают только по три... А я-то привык по пачке в день!

Он сделал несколько жадных затяжек.

– Да и вообще, дерьмово у нас дела обстоят, скажу тебе честно. Подъедаем своих же лошадей – вон до чего дошло!

– Вот этих кляч? – скривился Лакош. – Благодарю покорно! Неужто у вас ничего другого не осталось? Даже консервов?.. У нас вон два грузовика еще, забитых под завязку – и это только для штабных! Сельдь в соусе, гуляш, тунец, сардины в масле... А свинина какая – просто объедение! Еще из Франции привезли!

Он врал и сам, казалось, верил. Солдат облизнулся. Руки его тряслись так, что он даже выронил бычок. Шофер вновь угостил его сигареткой, и они присели на краю заснеженного окопа.

– Скажи, приятель, – начал постовой, – а не мог бы ты... Ну, так, одну баночку тунца... Не за просто так, не думай!

Он извлек из складок плаща инкрустированный перламутром перочинный нож.

– Вещь! Два лезвия, штопор, открывашка – все из настоящей нержавеющей стали!

Изображая заинтересованность, Лакош повертел ножик в руках, поиграл с лезвиями.

– Гм, – хмыкнул он. – Не знаю, не знаю, не так все просто! Грузка-то наш, знаешь ли...

Заерзав, дозорный принялся рыться в карманах в поисках чего-нибудь еще, что можно было променять. Взгляд его остекленел. Он и не заметил, как метрах в двухстах от них на дороге притормозил грузовик. Не заметил, как из него выскочили двое и припустили за одной из лошадей. Внимание его привлек только крик одного из русских: выругавшись, он вскочил и поднял ружье, но было уже поздно. Солдаты как раз запрыгнули в подхваченную машину. Кляча, которой опутали канатом ноги, грохнулась на землю, и набравший ход грузовик потащил ее прочь. Было видно, как она вздымает голову и жалобно разевает рот. Чтобы хоть как-то оправдаться, постовой выстрелил им пару раз вслед, но даже пасущиеся лошади не повели ухом.

– Вот свиньи проклятые! – чертыхнулся солдат. – Второй раз уже со мной такое... Ох и задаст же мне фельдфебель!

Тут он запнулся и странно посмотрел на Лакоша. Тот предпочел поскорее ретироваться, не растрачиваясь на соблазновения. Свистнув Сенту, шофер не спеша побрел в сторону лагеря. Собеседник беспомощно проводил его взглядом, в котором читалось растущее осознание того, как его провели.

Когда Лакош дошел до кухни, лошадь уже свеживали.

Вечером в блиндаже начальника разведки подавали жареную конскую печень. Все дивились нежданной щедрости повара; о том, что на самом деле это была похвала его участию в конокрадстве, шофер предпочел умолчать. Три дня штабные отъедались гуляшем и котлетами из конины, а Унольдуду даже достались шницели. Потом от тощей клячи остались одни лишь кости, да несколько дней еще казала из канавы зубы шелудивая голова.

На белой глади степи одиноко распростерла крылья огромная серая птица “Ю-52” – старая добрая “тетушка Ю”. Уже ясно, что она села прямо перед советскими позициями. Как

только об этом стало известно, полковой штаб охватила ярость. Можно ведь было... Можно было... Удивительно, как все оказались крепки задним умом, рассуждая, что можно было сделать, чтобы предотвратить перехват. Это же целых две тонны продовольствия – а может, топлива, а может, амуниции! Не видать их окруженной армии, но и русским радоваться рано. Разгрузить две тонны не так-то просто, в особенности под прицелом вражеских орудий. За весь день подойти к самолету никто не отваживается. Не исключено, что большая часть груза еще внутри. По нему дают пару очередей тяжелые пулеметы: тишина. Значит, все-таки не горячее. Как следует поразмыслив, артиллерийская дивизия выпускает еще три залпа с целью уничтожить технику. Два мимо, третий почти попадает в цель, однако, чтобы уничтожить “Ю”, надо попасть в яблочко. В конце концов поступает приказ командира полка подготовить команду саперов и взорвать машину. Фельдфебель Харрас направляется напрямик к Гузке.

– Господин обер-лейтенант, дозволейте мне пойти вместе с подрывниками!

– Вы? – меряет его взглядом ротный. – Что ж, пускай! Но вы хорошо подумали? Это весьма опасная затея. Если что пойдет не так – прикрыть мы вас не сможем!

– Хорошо подумал! – отвечает Харрас. И ведь правда, он все обдумал как следует: через несколько дней придет помощь, и начнется настоящая заваруха. По сравнению с этим вылазка под покровом ночи – просто детская забава. К тому же самолет не докатился до вражеских позиций. Вот он, тот шанс, которого он долго ждал!

– Ну, будь по-вашему! – отвечает Гузка. – Тогда назначаю вас командиром! С вами пойдет четыре человека. И чтоб все прошло без запинки!

Наступает ночь. Небо затянуто тучами, царит непроглядная темень. Они вооружены ручными гранатами и пистолет-пулеметами и тащат с собой подрывной заряд с часовым механизмом. На них белый камуфляж; лица, оружие и инструмент вымазаны побелкой. После первых же метров они сливаются с серой землей и ползком, на расстоянии друг от друга, сантиметр за сантиметром продвигаются вперед. Впереди фельдфебель Харрас, в нескольких метрах позади него – пехотинец с зарядом. На передовой все спокойно. Вдали взмывают бледно-желтые сигналки, заставляя саперов лежать ничком на земле и не шевелиться. Во время этих остановок они все явственнее видят перед собой цель, возвышающуюся среди сугробов. Ползти тяжело. Снег набивается в рукава и сапоги, пальцы коченеют, жесткая степная трава царапает лицо, заиндевевшее от горячего дыхания. Внезапно справа раздается пулеметная очередь, тут же вступает еще один пулеметчик слева. Над головами веер огня. Их засекли! Черт возьми, что теперь? Одна за другой взмывают теперь сигнальные ракеты, ослепительным светом озаряя голую степь. Вдруг в темноте возникают три-четыре вспышки, раздается свист, и снаряды с оглушительным грохотом вздымают мерзлую землю, вызывая град здоровенных, что детские головы, комков. Да уж, чего-чего, а боеприпасов у них предостаточно – могут позволить себе палить из орудий по жалкой пятерке солдат! Гремит второй залп. Снаряды падают уже совсем близко к саперам. За спиной Харраса раздается пронзительный, несмолкающий крик, перекрывает грохот пальбы, проникает до мозга костей. Фельдфебель прижимается лицом к земле, закрывает уши. Тело его сотрясают частые вздохи, он дрожит как осиновый лист. “Довольно! Прочь отсюда! Покончить с этим... хоть как-нибудь!” – вертится у него в голове. Но он не может даже шелохнуться. На мгновение его, растянувшегося во весь рост, подбрасывает в воздух мощная взрывная волна. Что-то ударяет Харраса по голове. В глазах у него темнеет...

Спустя несколько часов лишь двоим удастся добраться до лагеря. Они совершенно измождены и безучастны. Душераздирающие крики раненого постепенно сменяются скулежом, час от часу все более редким, но не смолкающим ни к утру, ни к следующему вечеру. С наступлением темноты санитарам удается к нему пробраться, но, когда спустя несколько часов его наконец приносят в лагерь, солдат уже мертв. Фельдфебель Харрас и ефрейтор Зелигер, служивший прежде в наряде в штабной столовой, пропали без следа.

Тем временем Лакошу выпал еще один случай разнообразить скудный паек. Но, признаться, на этот раз не обошлось без последствий – в самом разном отношении. Подполковник Унольд распорядился вырыть для него и командующего отдельный блиндаж. Ворча, истощенные штабные принялись ворочать землю, не понимая, какой в этом прок. Лопаты с трудом входили в промерзшую землю, в некоторых местах приходилось использовать взрывчатку. Перспективы закончить к Рождеству были, мягко скажем, сомнительны. И вот однажды шофера определили в отряд, которому поручено было доставить из Сталинграда оконные стекла и строительные балки. Однако коробка передач подвела их, и солдаты на несколько дней застряли в сотрясаемом взрывами бомб и залпами орудий городе. Покуда остальные укрывались в глухом подвале разбомбленного дома, Лакош рыскал по окрестным развалинам. На пути ему встретился знакомый с прежних времен унтер-офицер. Любопытную он поведал историю... Провианта, по его словам, у части было вдосталь: муку и зерно они постоянно подвозили с Волги, где во льду торчала наполовину затонувшая баржа. Впрочем, не так все было просто: им приходилось действовать вопреки приказу комдива, а поскольку русские все время держали баржу под обстрелом, некоторые уже поплатились жизнью. К тому же участились стычки с соседней дивизией, на участке которой находилось судно. И хотя сами они, тюфяки, приближаться к старому кораблю не отваживались, они сидели на нем, как собаки на сене.

– Очередная вылазка сегодня ночью, – заключил унтер-офицер. – Снова моя очередь, и со мной еще несколько крепких молодцов. Если все получится, будет еще две недели белый хлеб!

Лакош тут же загорелся: перед ним замаячила перспектива.

– Я, приятель, с тобой! – заявил он. – А если что пойдет не так – я из другой дивизии, и ты меня знать не знаешь.

Они долго препирались, но в конце концов в память о старой дружбе унтер-офицер поддался на уговоры. Предприятие оказалось сложнее, чем предполагал шофер. Чтобы добраться до баржи, необходимо было метров триста пробираться ползком, преодолевая ямы и огибая глыбы льда. Довольно быстро русские заметили движение и открыли шквальный огонь из минометов. Ломающийся лед колыхался и трясся под ними, словно от подземных толчков. Один из солдат, застонав, остался лежать. В итоге они все же достигли изрешеченного осколками и пулями остова. Обрато они, увешанные добычей и обремененные раненым, ползли уже через силу. Когда Лакош наконец, обливаясь, несмотря на мороз, потом, рухнул на пол в бомбоубежище, в руках у него был мешок пшеничной муки и канистра сиропа.

По возвращении его ждал неприятный сюрприз. Пропала Сента! Гайбель, которому Лакош доверил своего питомца, бормотал что-то невнятное – мол, сам уже сбился с ног, расспросил всех в округе. В порыве гнева Лакош со всего маху отвесил ему оплеуху, которую ефрейтор молча стерпел, понимая, что виноват. Оба они с ног сбились в поисках собаки, шофер изобретал все мыслимые поводы, чтобы заглянуть в блиндажи к соседям – но тщетно. Бульдожки не было и следа.

Из рассыпчатой белой муки, сахарина, сиропа, пищевой соды и кофейной гущи унтер-офицер Херберт состряпал изумительное печенье, которое Гайбель с его склонностью приукрашивать унылые будни сравнил с миндальным пирожным. Через пару дней на пороге нарисовался сияющий от счастья Херберт с тремя караваемыми в руках – их ему за то, что он поделился мукой, напекла какая-то живущая невдалеке русская баба. Два дня они как сыр в масле катались, макая краюхи в сироп. Сироп оказался какой-то разведенной то ли бензином, то ли керосином смазкой. У всех начался страшный понос, уничтоживший не только оба рулона туалетной бумаги, но и все набранные калории. Благим намерениям приберечь чуток муки на Рождество воспрепятствовал вновь подступивший голод.

Лейтенант Дирк выкатил две счетверенных 40-миллиметровых зенитки на позиции, установив их в нескольких сотнях метров от штаба в старых советских пулеметных гнездах. Открыть огонь было разрешено лишь в том случае, если русские решат взять блиндажи штурмом. Однако те не торопились, и Дирк со своими людьми днями и ночами торчал рядом с пушками без всякого дела, мрачно наблюдая за воздушной войной, в которой не мог принять участия. Интересно было смотреть, как длинная цепь грузовых самолетов в сопровождении нескольких истребителей широкими кругами поднималась все выше над аэродромом, пока машины одна за другой не исчезали за спасительной пеленой облаков; как внезапно советские истребители прорывали завесу туч и с громким воем устремлялись к немецким “мессершмиттам”, вступая с ними в воздушный танец. Внизу, задрвав головы, за сражениями наблюдала пехота, точно то были спортивные состязания.

– Вон там, вон там – гляди, как близко подобрался!.. Ей-ей, он его достанет!

– Поторопился он на вираже... Рановато подрезал! Не попадет!

– Ах он скотина! Уходит, подлец!

– Погоди... Погоди... Эх, почти! Удалой парень, черт подери! Спорим, он еще одного подденет?

– Эй, смотрите, спиралью пошли... Видал, Франц? Раз – и нет! За облака зашли. Ну все, сеанс окончен, не видать нам их больше. Гады...

Стоило трем несчастным истребителям, без усталости рассекавшим небо, на минутку присесть, в дело вступали русские бомбардировщики. Видно было, как сверкают над аэродромом их серебристые фюзеляжи, как отрываются и летят вниз крохотные точки. Спустя миг над землей выросли черные грибы, а если дым взвивался столбом – значит, попали в склад с горючим.

Как-то раз они поторопились – два истребителя еще были в воздухе. Поколебавшись, русские открыли огонь из всех орудий. Но оторваться от севших им на хвост “мессершмиттов” не удастся, те атакуют снова и снова. Вот за одним из бомбардировщиков потянулась полоса дыма – он подбит! От него отделяются две точки: одна стремительно падает вниз, над другой внезапно раскрывается белый купол. Все более плавными маятниковыми движениями пилот приближается к тому месту, где дислоцируется со своими солдатами Дирк. К нему со всех сторон устремляются пехотинцы. Парашютист набирает скорость, опускается ниже, вот уже можно различить голову и конечности. Внезапно с высоты раздается несколько выстрелов.

– Эй, да он стреляет! – хватается за оружие отряд.

– Не стрелять! – командует Дирк. – Он просто перепугался!

Летчик тем временем достиг земли. Парашют в последний раз надувается, волочит парня еще какое-то время по снегу и накрывает его с головой. Пехота осторожно подбирается ближе. Тот больше не стреляет – либо потерял при приземлении ствол, либо кончились патроны. Подчиненные Дирка расправляют полотно, высвобождают запутавшегося в тросах; он с трудом поднимается и в нерешительности оглядывает врагов, выжидая, что будет дальше. Он низкорослый и щуплый. Юношеское лицо его одутловато и испещрено ссадинами. Кто-то срывает с него шлем – на лоб падают пряди непокорных светлых волос. Лейтенант дает ему прикурить. Трясущимися руками русский подносит сигарету ко рту, поспешно и отрывисто затягивается. Тем временем подоспел капитан Эндрихкайт.

– Не повезло тебе, парниша, – усмехается он. – Неудачное ты выбрал время, чтоб попасть в плен!

Прихватив пленного, офицеры направляются в штаб. Сбегаются толпа зевак, бурно обсуждающих, ликвидируют его или нет.

– Ликвидируют?!

– А то! Либо прикончат его, либо отпустят. Нам самим жрать нечего!

– Ну, знаешь ли, я б в таком случае отпустил.

– Вот болван! Отпустить большевика собрался... А вдруг это комиссар!..

– Взгляните, Бройер, какую птицу мы вам поймали, – представляет летчика Эндрихкайт, добравшись до блиндажа начальника разведки. – Только что с неба свалилась! Наконец-то вам выпал шанс заняться своим делом!

Зондерфюрер Фрелих задает ему обычные вопросы: кто такой, как зовут? Молодой человек – старший лейтенант, как становится ясно по петлицам, стоит только расстегнуть его летный комбинезон – сидит на скамье, повесив голову и не шевелясь, ни на что не отвечает. Бройер продолжает расспрашивать: “Должность?.. Часть?.. С какого аэродрома?..” В ответ тишина. “Ранен? Где болит?..” Офицеры не сводят с него глаз, однако юноша молчит и не трогается с места. Взгляд светло-серых глаз устремлен куда-то вдаль, поверх голов. Первым теряет терпение Дирк.

– Переломать ему все кости! Может, тогда говорить научится!

– Дирк, прошу вас! – урезонивает его Бройер. – Вы же офицер, позабыли?.. У пленного есть право и, если поставить себя на его место, даже обязанность хранить молчание. Или вы поступили бы иначе?

Лейтенант возмущен и посрамлен одновременно.

– Будто у этих супостатов-коммуняк есть какое-то понятие о чести! – бормочет он. – Вот до чего уже дошло... Хотел бы я знать, зашла бы речь о чести, если б мы в их лапы угодили. Они бы нас искрошили на фрикасе!

– Даже если вы тысячу раз правы, – резко обрывает его Бройер, – это не освобождает нас от обязанности поступать как представители цивилизованной нации. Мы немецкие солдаты, а не какие-нибудь бродяги и наемники!

Дирк молчит.

– Довольно! – ставит точку в допросе начальник. – Какая, в конце концов, в нынешнем положении разница, знаем мы, сколько у них бомб и где аэродромы, или не знаем... Гайбель, есть у нас еще что поесть?

– Остались только хлеб и тушенка господина обер-лейтенанта.

– И больше ничего? Ну что ж, отдайте ему да подогрейте кофе! Он промерз до костей!

И они углубились в обсуждение военной обстановки, перестав обращать на парня внимание. Во время диалога двух офицеров в глазах его сверкнула искра. Внезапно он обращается к ним на чистом, почти без акцента, немецком языке и спокойно произносит:

– Прикончите меня. Прошу вас... Застрелите!

Все обернулись и уставились на него, как на диковинного зверя.

– Вот тебе и на, – протягивает Эндрихкайт. – Приехали!

– Застрелите меня! – повторяет солдат.

– Да что вам в голову взбрело?! – возмущается Бройер. – Никто и не думает в вас стрелять! Может, вы вместе с нами с голоду помрете – тут уж как знать. Но застрелить вас? Мы не убийцы, не преступники!

Пленный молчит. Обводит холодным оценивающим взглядом офицеров; в нем чувствуется толика презрения.

– Не знаю, – пожимая плечами, медленно произносит он по-русски и продолжает дальше на немецком. – Может, и не преступники. Вы порядочный немецкий бюргер, – звучит его раскатистая “р”, – вы отдали мне свою еду. Вы бы дали мне вина и шоколаду, если б у вас они были. Вы все... – он еще раз мельком оглядывает собравшихся, остановившись ненадолго на строптивой физиономии лейтенанта Дирка. – Может быть, вы все не преступники... Вы... как это по-немецки... пособники, так? Нет, вы не застрелите меня...

Бледный юноша ненадолго умолкает, устремившись мыслями куда-то далеко. Штабные напряженно наблюдают.

– Жаль, что не застрелите, – тихо продолжает он. – Это нехорошо. Видите ли, я пленный – для своего народа я потерян. Жизнь моя окончена. Умру от голода, от холода... как и все здесь... А если завтра наступит отмщение, ваши солдаты в отчаянии забьют меня до смерти... Вот что меня ждет.

Тишина в блиндаже становится все невыносимей.

– Ха! – сдавленно рассмеялся Фрелих. – Глубоко заблуждаетесь! Вы, вероятно, считаете, что если мы разок сели в лужу, то нас уж можно списывать со счетов? – Зондерфюрер презрительно поджал губы. – Мы вас прежде побивали и будем побивать, так-то! Разобьем ваш хваленый Советский Союз в пух и прах! Вы, дорогой мой, плохо знаете немцев!

Летчик глядит на него едва ли не с сочувствием.

– Я очень хорошо знаю немцев, – отвечает он. – Они напали на нашу страну в мирное время. Они убивают и грабят. Они истребили евреев и теперь истребляют советских людей. Вздергивают их на виселицах – кто бы объяснил, за что...

В глазах его читается вопрос, но никто не удостоивает его ответа.

– Я любил Германию... Когда-то любил. Читал Гейне, Гёте и Гегеля... А нынче знаю, что немцы – преступники.

Кто-то прочистил горло.

– Но народы СССР страшно отомстят немецким захватчикам. Мы боремся за правое дело. Каждый советский мужчина, каждая женщина – все мы сражаемся на фронтах Великой Отечественной. Защищаем свободу, права человека, высочайшие достижения Октябрьской революции. Поэтому мы победим, – тон его по-прежнему ровный и какой-то жутковато, завораживающе объективный. – Шестая немецкая армия, покусившаяся на Сталинград, будет уничтожена. Ни один не спасется... И это только начало. Скоро наша святая советская земля будет свободна от немецко-фашистских агрессоров.

Все молчат. Бройер чувствует, как кровь пульсирует у него в висках; ему с огромным трудом удается сдержать возмущение. Он пододвигает пленному бутерброды.

– Сперва подкрепитесь, – произносит обер-лейтенант. – Завтра мы переведем вас в лагерь, и кто знает, может, к концу войны вы кое-чему научитесь и измените свое мнение о немцах.

Пока парень ел, Бройер условился с Эндрихкайтом, что пленный проведет ночь под надзором полевой жандармерии, а поутру будет эскортирован к месту сбора пленных в штабе корпуса. Обождав, капитан взял юношу под стражу и пустился в путь. Начальник разведки дал ему с собой записку для коменданта, в которой убедительно просил взять захваченного под опеку.

Они с Дирком и Визе долго еще обсуждали случившееся.

– Удивительно, – попытожил обер-лейтенант, – вроде бы я допрашивал довольно много советских офицеров – и штабных в самом разном чине, и даже генералов... Но ни разу не встречал такого. И ведь вы не встречали, верно, Фрелих? Совершенно иной склад характера... Просто загадка!

– Те, что мы встречали раньше, сдались в плен, – возразил лейтенант Визе. – А этот – один из тех, что обычно остаются лежать на поле боя. Он стоял перед нами, как... Чуть ли не как победитель. Может, в этом причина?

Зондерфюрер тем временем изучил бумаги и письма, что были с собой у пленного.

– Вот что, – отозвался он, – смотрите: по профессии литературный критик, работал в каком-то там международном журнале. Это все объясняет. Вне всякого сомнения, настоящий коммунист.

– И все же снимаю перед ним шляпу, – ответил Бройер.

Тут Дирка прорвало.

– Не знаю, что вы все в нем нашли! Дешевый агитатор, напичканный большевистской пропагандой!

– Полагаю, вы неправы, – прервал его начальник разведки. – Он отлично знал, что не сможет склонить нас на сторону коммунистов. Это была трезвая, неприукрашенная позиция человека, понимающего, что жить ему осталось недолго. Понятно, что он смотрит на мир сквозь очки, которые нацепили ему партийцы, но кое-что из того, что он сказал... Об этом стоит поразмыслить на досуге. В любом случае, встретив такого человека, начинаешь на многое смотреть иначе. Перестаешь верить в комиссаров, гонящих людей в атаку под дулом пистолета.

– А то, как он рассуждал о праведной и неправедной войне! – подхватил Визе. – Не думал я, что когда-нибудь услышу такое от большевика.

– Кто, как не вы, могли такое сказать! – набросился на него лейтенант Дирк. – Вы с вашими христианскими добродетелями... В вашу картину мира оно, конечно, как нельзя лучше вписывается! А в политике нет и не может быть никакой справедливости. Сильный прав, а слабый виноват!

– Да что вы говорите, дорогой мой Дирк! – с едва уловимой иронией парировал Визе. – Попробуйте-ка применить эту прописную истину к отношению простых людей друг к другу! Это значило бы, что вы можете по своему усмотрению размозжить голову более слабому соседу и забрать его пожитки. Наверняка вам самому это кажется глубоким варварством! Мы переросли это еще в доисторические времена. Ужели это и есть закон, которым должны руководствоваться народы и государства? Бог даст, немецкий народ никогда не познает на себе его власть... Но я не верю, что вы говорите всерьез, Дирк. Я всегда считал вас идеалистом. Но если так, вы всего лишь жалкий эгоист, вы... Как бы это сказать, вы национал-эгоист.

Лицо его собеседника побагровело.

– Так и есть! – воскликнул он. – Да, я национал-эгоист! И все мы должны стать такими! Превосходство нашей расы дает нам такое право – и более того, обязывает к этому! Мы – избранный народ! Я глубоко в этом убежден, я живу ради этого и готов в любой момент пожертвовать собой. Только подумайте о выдающихся способностях представителей нашей нации, об их честности и трудолюбии, организационных способностях, творческом потенциале... Наша обязанность – освободить их от всех стесняющих обстоятельств, от всякого давления извне!.. Дать их возможностям раскрыться во всем мире! Подобного рода эгоизм свят – это я вам говорю, Визе, вам с вашей религиозностью! Да-да, он свят, он угоден Богу! И этот священный эгоизм в конце концов обернется благом для всей планеты. И если... Если нашему народу не дано отстоять эти эгоистичные чувства, тогда... Тогда пусть он сгинет. Он ничего иного не заслужил!

– Могло бы показаться, Дирк, что это вы – дешевый агитатор, – слегка улыбнувшись, заметил Визе. – Обернется благом для всей планеты, говорите? Как видите, та участь, что вы уготовили русским, кажется им вовсе не благом, а трагедией. И правы они, благодаря за те объедки “счастья”, что в конце концов, как вы сказали, перепадают им с барского стола... Пусть каждый наслаждается тем счастьем, которого сам желает, Дирк! Та позиция, которую отстаиваете вы, – это позиция неприкрытого, лютого насилия, позиция хищника. Человек пришел в этот мир для того, чтобы подняться от земли, тогда как животное приковано к земле...²⁸ И нет, это не я сказал, это Фихте. “Возлюби ближнего своего, как самого себя” – вот в чем тайна человеческого бытия. Загляните внутрь себя, Дирк, в глубины сердца своего. Разве не чувствуете вы, что я прав?.. Разумеется, война поколебала основы каждого из нас. Но где-то глубоко в нас все еще сокрыто чудодейственное сокровище. Отыщите же его и подымите на свет божий, Дирк... Чтобы снова стать человеком!

²⁸ Человек пришел в этот мир для того, чтобы подняться от земли, тогда как животное приковано к земле. – См. Фихте И. Г. “Основы естественного права согласно принципам наукоучения”. Йена – Лейпциг, 1796, часть II, § 6, Королларий, С. 84–88 // “Вопросы философии”, № 5 (1977), С. 146–149. Перевод Э. В. Ильенкова.

Лейтенант Дирк нервно тер руками бедра. На юном лице его сменяли друг друга самые противоречивые эмоции, но спустя некоторое время он напустил на себя строгость.

– Совершенно не понимаю, почему вы все время говорите именно обо мне и моих нравственных ценностях, – с расстановкой произнес он. – А я веду речь о доктрине “Право то, что полезно народу”²⁹ – вот в чем суть движения, которому присягнули мы все. Ведь вы, господа, все тоже национал-социалисты!

Воцарилась гробовая тишина. Лица присутствующих застыли, словно их овеяло ледяным дыханием. Бройеру казалось, будто в одно мгновение с глаз его спала пелена.

– Да, разумеется... все мы тоже... национал-социалисты, – медленно произнес он, и голос его дрожал.

В последнее время Лакош был чем-то озабочен и погружен в свои мысли, и причиной тому была не только пропажа бульдожки. О Сенте он, казалось, позабыл и не упоминал ее в разговоре ни разу. Неожиданный оборот, который принял допрос советского летчика, произвел на него более сильное впечатление, чем могло показаться. Вечером того же дня он зашел к Бройеру.

– Господин обер-лейтенант, позвольте... Я хотел узнать у господина обер-лейтенанта... Все то, что он нам рассказывал про свободу и торжество социализма в Советском Союзе, – это ведь все враки, да, господин обер-лейтенант?

– Да, Лакош, – помедлив, ответил наконец начальник разведки – и с первых же слов знал, что обманывает, что говорит вопреки своим собственным убеждениям, как должен говорить немецкий офицер – и национал-социалист. – Конечно же, это враки... Вы ведь и сами знаете! Вы ведь не раз слышали, не раз читали о том, как поработают и мучают людей в этой стране! Вы знаете сами!.. – Он вошел в раж, говорил все быстрее и громче. – Разумеется, это все обман, чудовищно низкий, подлый обман! Надувательство и оболванивание! Это просто... просто...

Тут Бройер резко замолчал и вышел из комнаты. Лакош с изумлением посмотрел ему вслед.

Когда на следующий день Бройер осведомился у Эндрихкайта о состоянии пленного, капитан встретил его в совершенно несвойственном ему расположении духа.

– Мертв, – ответил Эндрихкайт, и маленькие глазки его под пышными бровями подозрительно сверкнули. – Именно что мертв! Видите ль, вышло как: сегодня с утра пораньше отправил я его в сопровождении двух своих парней, Эмиля и Краузе, к месту сбора, и вот да – по пути, прям посреди дороги, этот проклятуший как припустит! Попытка бегства, самая настоящая, причем просто так, в открытом поле – глупость неслыханная! Чистой воды самоубийство! Парни мои, значит, кричат ему, чтобы не валял дурака, погнались за ним... Но тот знай себе бежит, даже и не думает останавливаться. Петлял к тому же, говорят, что твой заяц – экий, в самом деле, болван... Ну, Эмиль в конце концов и стрельнул в него. И первым же выстрелом в голову. Погиб на месте.

²⁹ “Право то, что полезно народу” – “Все, что полезно народу, право, а все, что вредит ему, – неправое” – высказывание рейхсляйтера НСДАП Ганса Франка, приведенное в Кодексе немецкого конституционного права 1937 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.